М.Г.Дмитриева-Сулима

ЛАЙКА И ОХОТА С НЕЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ввиду неоднократных обращений ко мне, приступая ко второму изданию книги о лайке и охоте с ней, - изданию "дополненному и исправленному". "Век живи - век учись". Все эти двенадцать лет я продолжала всесторонне изучать породу остроухих и теперь могу заполнить многие пробелы, ответить на многие вопросы, критически разобрать мнения и положения былых оппонентов, хотя их и было немного. Я постараюсь ответить на те запросы, которые возникли в виду некоторых пробелов. Между прочим, меня упрекали, что у меня не приведено наглядных примеров в виде описания отдельных случаев охот с лайкой, хотя такими иллюстрациями переполнены наши охотничьи журналы.

Четверть века тому назад очень и очень немногие интеллигентные охотники интересовались охотой, вернее - не знали ее совершенно. Никто не знал в подробностях основные черты и способности лайки и не смог бы выделить ее из среды безродных и, конечно, беспородных дворняжек. Да и в настоящее время очень немногие охотники сумеют отличить породистую лайку от целой серии остроухих дворняжек; хотя с каждым годом эта порода охотничьих собак приобретает все более и более "право гражданства", число любителей этой охоты увеличивается, лайки фигурируют на выставках, портреты их появляются в иллюстрированных изданиях, о них говорят в военных кругах, как о материале для войсковой собаки, их употребляют для полицейской службы, но немногие знают охоту с лайкой, а потому редко кто может приспособиться к охоте с ней. Так как сведения об охоте с лайкой разбросаны по охотничьим журналам, а руководства к охоте с этой собакой нет никакого, то я, ввиду многочисленных обращенных ко мне вопросов, решилась продолжить настоящей труд, тем более, что настоящее изложение, смею думать, будет нелишним и своевременным.

Я не задаюсь мыслью пропагандировать, но рассчитываю, в связи с собранным материалом, поделиться знаниями, приобретенным опытом. Я охочусь с лайками двадцатый год и двадцать лет веду их породу. В то же время я не упускаю прочитывать все, что появляется о лайке в современной печати, поэтому считаю себя до некоторой степени сведущей в данном вопросе и подкрепляю себя тем, что это будет первый опыт выхода руководства о лайке и об охоте с ней, так как за двадцать лет не появилось ничего нового, специального.

Прежде чем приступить к описанию породы, содержанию, обучению и охоты с ней, я считаю нелишним сказать несколько слов о том, в каком положении находится эта охота в настоящее время, о значении лайки для охотника, о том, чего может требовать охотник от лайки, какими соображениями должен руководствоваться охотник при выборе собаки, о будущем лайки и охоты с ней.

В настоящее время охотники с лайкой - это инородцы Российской Империи по преимуществу, а именно: лопари, самоеды, карелы, пермяки, зыряне, вогулы, вотяки, черемисы и все прочие, равно и русские крестьяне-промышленники северных и северо-восточных губерний Европейской России, а именно в губерниях: Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Пермской, Вятской, Костромской и Казанской, в северной ее части (черемисы), частью (очень мало) в Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, во всей Сибири. В охотничьей печати встречаются статьи и корреспонденции, в которых интеллигентные охотники описывают свои охоты с

лайкой, но все это охоты большей частью случайные: столкнувшись с промышленником, интеллигентный охотник пользуется его лайкой. Во всяком случае, лайка обратила на себя внимание многих, как охотничьих военных команд, так и некоторых известных и знающих русских охотников. На лайку давно обратили внимание такие знатоки и выдающееся стрелки, как Д.К. Нарышкин, гг. Эрнст, Архипов (Рыбинск, уезд), Чичагов, князь А.А. Ширинский-Шихматов и г-н Кишенский. Число желающих охотиться с лайкой увеличивается еще городскими охотниками, но большинство из них не знает, как обращаться с лайкой и чего требовать от нее на охоте. Таким образом, я не ошибусь, если скажу, что охота с лайкой у нас еще переживает среди интеллигентных охотников рассвет и стоит на пороге прогресса. Самое большое значение лайка имеет для промышленника и для небогатого охотника, так как для них она может служить и сторожем, и охотничьей собакой для разнообразных целей. Любящему разнообразную охоту, но не имеющему возможности держать для каждой охоты особую породу собак - лайка незаменима. Промышленники Сибири с одной и той же собакой бьют медведя, копытных, соболя и др. Конечно, такая универсальная собака незаурядна, но собаки за всяким мелким зверем, за глухарем, тетеревом, за утками - обычны, а в Томской губернии и др. с той же собакой охотятся на лисиц и барсуков, о чем я сообщу далее более подробно.

С моей стороны было бы преувеличением, если бы я сказала, что лайка может заменить вполне и, безусловно, гончую и в то же время легавую: ее повадки и характер совсем особый. Лайка не увяжется по зайцу, делая за ним бесчисленные круги, пока его не убьет охотник. Голоса лаек не представляют той "музыкальной мелодии", которая ценится любителями; но охота по зайцу с лайкой не менее добычлива, чем с гончей. Два-три охотника интеллигента нападали на меня за дерзость сравнения лайки с гончей, совершенно не поняв и не вникнув в суть написанного мной. В настоящее время охотничья литература выдвинула вопрос об исчезновении русской гончей о недоброкачественности современной восточной гончей. Некто "Дикий" корил меня за употребление слова "добычлива", желая видеть в этом не проповедь шкурятничества. Насколько это мерно, видит всякий сам, так как 99% охотников идя на охоту, думают о добыче в большой или малой дозе.

Если охотнику интереснее стрелять, нежели слушать музыку голосов гончих, трубить отзыв по часам и ждать их возвращения по суткам, то он предпочтет охоту с лайкой и по зайцу. Таковы во всех случаях современные гончие, к сожалению, по нынешним временам стая хороших гончих - малодоступная, а плохих не стоит держать.

Охотники не перевелись, зайчишек пострелять кто не любит? А потому демократическая охота с лайкой по зайцу может доставить многим удовольствие. Лайки, способные натаскаться, как гончие, да и в восточной гончей кровь лайки особенно сильна, да и внешнее сходство поразительно: поставьте уши гончей и посмотрите на нее. Многие охотники, а в числе их и г-н Эрнст, свидетельствуют и удостоверяют, что лайки "гоняют зайца не хуже гончей" и даже "водят стаю" (об этом поговорю после).

Гон лайки совершенно особенный, своеобразный, не похожий на гон гончей. Лайка не покажет вам "картинную стойку" сеттера, замирая над дичью, но указывает ее совсем особым телодвижением, делает саженный скачок после слова "пиль" и не гонит дичь после выстрела. Красота лайки своеобразна.

Указав на эту разницу между лайкой и легавой и, если хотите, недостатки первой, ради которых она не имеет права на название идеальной породы, я скажу, что лайка самая

неприхотливая собака, и что она предоставит под выстрел охотника такое разнообразие дичи и зверя, о каком и не снилось ни одному другому высокопородному псу. Небогатый охотник, обзаведшийся лайкой, всегда будет иметь возможность и случай стрелять на охоте, и никогда с пустыми руками домой не вернется: не одно, так другое лайка подставит под выстрел охотника. Над универсальностью лаек издевались некоторые наши просвещенные охотники, называя эту особенность лайки ходить за разным зверем и птицей, а не за одним каким-нибудь, чуть ли не преступлением и, во всяком случае, профанацией охоты.

Но немцы дали урок, искусственно создав универсальную породу собак, для разной охоты (Gebrauchund). Того требует наше экономическое время. Охотник, решившийся приобрести лайку и серьезно с ней охотиться, может требовать от нее выносливости, послушания, привязанности, чистоплотности и вежливости. Послушание лайки не то, какое мы разумеем, говоря о других породах; например, требовать от нее успехов в науке комнатной дрессировки, фиглярства и фокусов - бесполезно. Назначение этой породы совсем другое и совсем особое - это читатель увидит из глав, посвященных охоте с ней. Требовать от лайки всех качеств легавой собаки или гончей - бесполезно; например, лайка не будет делать стойки, не погонит волка, как гончая.

Приобретая лайку исключительно как рабочую собаку охотник должен требовать главных качеств: здоровой комплекции, злобности, отсутствия болезни, выносливости, хорошего, не испорченного чутья и глаза. Все остальное - второстепенные качества, например, масть, присутствие "пятого пальца" (прибылого), стояние или полустояние ушей, пушистая псовина, хотя все это признаки чистокровности, сплошь и рядом они не соответствуют охотничьим достоинствам рабочей собаки. Исключительно юродствоваться последними свойствами и качествами лайки нужно только тому, кто приобретает собаку для выставки, а не для работы; поэтому каждому настоящему охотнику следует выбирать рабочую лайку, не увлекаясь внешними качествами. Во всяком случае, охота с лайкой имеет свое будущее: во-первых, тому, что стоимость лайки сравнительно не так высока (до тысячи рублей не доходила), а в перевозке собака более вынослива, чем все прочие породы; во-вторых, она одна может заменить несколько собак одновременно (легавую, гончую, фокстерьера, крысоловок, овчарок, пастушьих и вообще сторожевых). Я видела таких собак. Число же охотников, обладающих средствами содержать многих разнопородных собак, в силу современных экономических условий, постоянно уменьшается; в-третьих, экономический быт и Законы об охоте ведут к сокращению охот с борзыми и гончими. Эти же породы, как видно из литературы, уменьшаются количественно и ухудшаются качественно, а со временем очень вероятно, что жизненные условия потребуют выработки нового рода охотничьей собаки, материалом к которому непременно послужит лайка. И втайне служит даже за границей, если верить слухам.

В числе сторонников этого мнения можно указать на такие имена, как, например, Сабанеев, князь А.А. Ширинский-Шихматов; последний, судя по отчету Императорского Общества правильной охоты уже занимался соответствующими опытами, но служебные обязанности, очевидно, лишили его возможности продолжать начатые труды.

Глава 1

Происхождение. Описание типичных признаков выставочной лайки и значение их в практическом смысле. Приметы.

Северная собака - это было бы самое верное название той многочисленной породы

собак, которую охотники зовут "лайкой", или "подлайкой", а общество и население знает ее исключительно почти под именем "дворняжки"*, - для северной России. Мне часто приходилось наблюдать удивление у лиц малокомпетентных, когда они видят, что название "лайка" присвоено той собаке, которую просто-напросто считают и зовут дворняжкой. В некоторых местностях Сибири эти названия неизвестны, а все знают только собак "промысловых" и "зверовых" (г-н Яшеров). Определение "северная" тоже неточно и не отвечает действительности: собаки этого типа встречаются даже в Африке, в Америке и всюду в Азии. И далее примечания М.Г. Дмитриевой-Сулимы. Эта разнообразная по типу и богатая способностями порода собак еще безусловно не изучена и не исследована. Нет никаких научных трудов о северной собаке, все или лайке. Князь Ширинский-Шихматов начал монографию лаек в "Природе и Охоте", но труд этот не окончен до сих пор. Его же роскошно изданный "Альбом северных собак" (1-й выпуск) представляет только часть будущего грандиозного издания.
Но, во всяком случае, я считаю необходимым привести здесь следующие слова князя о лайках:

"Исследователи Севера не могли, конечно, не заметить северной собаки; не могли не согласиться с тем непоколебимым фактом, что только существование этой собаки обусловливает многим сотням тысяч инородцев возможность жить и прозябать на Севере. Тем более является странным то обстоятельство, что на описание северных собак обращалось так мало внимания и что до сих пор даже не установлен точно коренной вид, не говоря уже о массе разновидностей. Между тем, разновидностей лаек существует столько же, сколько существует инородческих племен на Севере, причем разновидности эти настолько резко отличаются внешними признаками своими одна от другой, обладают настолько установившимися, каждая в отдельности, присущими ей особенностями, что деления их не могут вызвать каких бы то ни было споров и разногласий".

Одно наглядное сравнение фотографий собак, взятых от разных инородцев, невольно заставляет сознаться всякого, даже только любителя и охотника, в том, что существующая обширная группа северных собак имеет массу разновидностей и что каждая подобная разновидность заслуживает, конечно, самого полного изучения. Как это ни странно, но, вследствие отсутствия подробных исследований северной собаки, еще недавно собаки эти принимались без разделений на выставках в наиболее почтенных и обществах, причем две лайки совершенно различных разновидностей судились вместе. Я глубоко убеждена, что дальнейшая разработка породы северных собак откроет нам еще много и много интересных подробностей, из которых мы узнаем, во-первых, что эта наименее изученная порода в количественном отношении - наибольшая на всем земном шаре, во-вторых, что большое число позже образовавшихся пород корнем своего происхождения имеют все ту же северную собаку. Таковы: китайская собака, монгольская, собака башкиров, кавказские и пиренейские горные, шиперки, шпицы, колли, шавки, старинные французские собаки и все подлайки.

Вот в каком положении находится изучение породы обширнейшей количественно, свежей, оригинальной и способной собаки. По мнению многих знатоков, лайка происходит от волка. Князь Ширинский-Шихматов производит вогульскую лайку от дикой остроухой собаки; в карельской лайке он видит примесь крови волка, в самоедской - крови песца. Если можно допустить в лайке кровь песца, то также вполне возможно считать ее происходящей и от лисицы. Лисица и песец (полярная лисица) - близкие родичи. В общем, лайка, или северная собака, насколько возможно предполагать, происходит от вида дикой собаки, а иногда в помеси с упомянутыми

зверями. Если принять во внимание разделение князя Ширинского-Шихматова лаек на две группы со всеми разновидностями, то все-таки обе группы имеют общие признаки: стоячее ухо, острую морду, более или менее косой разрез глаз, грубую густую псовину, гриву, очесы, хвост кольцом или серпом, отсутствие пятого пальца, карий глаз, окрас одноцветный или расположенный так, что спина темнее, а голова и конечности светлее. Подробности не привожу, так как цель моего труда описать собственно охоту с лайкой, а не представить ознакомление с коренным или кровным "выставочным" (что стало синонимом) типом. Отмечу только, что о чутье (нос) первой группы князь Ширинский-Шихматов не говорит, а о чутье второй группы - что оно обязательно черное. Я же считаю необходимостью сказать, что именно у собак первой группы (типичных, по описанию князя Ширинского-Шахматова) встречается коричневое чутье, а именно у белых и светлых мастей.

Первая группа, по князю Ширинскому-Шихматову, - окрас всевозможный, но чаще чисто черный, черный с подпалинами, белый, серо-желтый, серо-черный и чисто-серый.

Вторая группа - количество окрасов ограничено: пестрых (пегих) нет, а преобладают чисто-белый, чисто-черный с пепельным оттенком и отливами; отсутствие подпалин. Также встречаются оттенки пепельно-серый с черным отливом, белый с желтизной. В общем, резкой разницы в окрасах, как видно, нет. Желающим обзавестись выставочной кровной собакой следует руководствоваться трудом князя, хотя этот труд еще только начат и когда кончится - неизвестно, а для охотника-практика я приведу несколько описаний рабочей лайки и позволю предложить собственные выводы. Еще упомяну, что князь Ширин-Шихматов считает пороком пежины и пятый прибылой палец), а в Англии постановлено: пятый прибылой палец на задних ногах у разных пород собак вообще не считается пороком и не уничтожается. (Пятый палец есть продукт кровосмешения или вырождения.)

К первой группе причисляются лайки: зырянская, финно - карельская, вогульская, черемисская**, остяцкая, тунгусская, галицкая, вотяцкая, норвежская, бурятская, сойотская.

См. "Охотничью Газету" за 1897 г.
Князь А.А. Ширинский-Шихматов говорит, что черемисская лайка "в огромном количестве" находится в восточной половине Симбирской Губернии, южной Казанской и на севере Самарской, но он ошибается в южной части Казанской губернии, то есть Тетюшском уезде лаек почти вовсе нет, также в уездах Буинском и Симбирском и на севере Самарской губернии. Всю эту местность я лично знаю.

Вторая группа: лапландская, самоедская. Лайки Якутской области не имеют ничего общего с самоедскими, а если и попадаются, то однотипичные единичные экземпляры, случайно занесенные. Сюда же, по-моему, надо отнести белую оленеводную лайку вымирающего племени юраков.

Еще раз отсылая желающих ознакомиться с чистым типом или типическими особенностями лайки к статье князя Ширинского-Шихматова (см. "Природа и Охота" и "Альбом"), к календарю Сабанеева, к статьям Яшерова в "Псовой и Ружейной Охоте" 1896 г., как к необходимым для руководства в приобретении кровной и "выставочной" собаки, я все же повторю, что недостатками в этом случае считаются:
прибылые пальцы, отсутствие косого (волчьего) разреза глаз, пежины, отсутствие всех тех типичных признаков или одного из тех, какие требуются при описании коренного

типа лайки. Все эти требуемые факты очень важны для собакозаводчика, для собак, предназначаемых в производители, на выставки и проч. но наличность этих качеств не имеет никакого значения для рабочей собаки охотника, которому нужна собака для охоты, а не для ведения породы. Тем более, что ведь все эти качества и недостатки, определенные в двух-трех статьях, еще не подвергнуты критической оценке, да, кроме того, у нас и нет опытных экспертов по части лаек (если не считать одного князя Ширинского-Шихматова), единоличная же экспертиза вовсе не желательна, не целесообразна. Эксперты же, вроде гг. Ивановского и Силантьева, ничем не заявили своих познаний и не приобрели авторитета среди охотников с лайками. Например, считается пороком у лайки пятый палец, а мы теперь знаем, что в Сибири пятипалых родится громадный процент, что они ценятся, но у нас им в детстве отрезают пятые пальцы, как мешающие в чаще: собаки их часто подрывают до крови. Это не опровергает вывода, что пятый палец - результат кровосмешения и вырождения. Сибиряки ведут породы, как попало, случая родственные экземпляры.

Оставляя в стороне все то, чего требует теория, я приведу описания тех собак, какие дали охотникам много удовольствия, наслаждения и занесены на страницы журнала. Из этих сведений, разбросанных в разных журналах за много лет, я собрала все более подходящее и полезное для молодых охотников, а также и тех, кто не читает и не имеет возможности справляться и читать статьи и заметки, касающиеся охоты. Я думаю, им небезынтересно и небесполезно прочесть характерные выдержки из этих статей, сгруппированные в отдельном доступном труде и издании. Например, г-н Эрнст, костромской охотник, в "Журнале Охоты" описал лайку костромскую (галицкую). Вот ее внешний вид: небольшие, остроухие, остромордые собачки, черно-пегой или черно-чепрачной масти, белые подпалины и ошейник; пропорциональны, мускулы превосходны, рост 8 вершков. В этой статье г-н Эрнст описывает лучшую рабочую породу - черно-пегую, что, по мнению князя Ширинского-Шихматова, - недостаток (см. статью Корша в "Журнале Охоты" за 1890 г.). Впоследствии обращусь к статье г-на Эрнста "Заметки костромского охотника", из которой нельзя не видеть, г-н Эрнст - знаток лайки и охоты с ней. Между описанием костромской лайки, прекрасной на охоте по всякому зверю и птице, не отвечает требованиям теории и науки (?!). Г-н Эрнст видит немаловажную роль северной собаки-лайки в истории собаководства, а также присутствие ее крови во многих специальных породах. Г-н Белдыцкий, охотившийся с лайкой на Чердынском Урале Пермской губернии, Описывает ее так:
"Это обыкновенная русская простая дворняжка, небольшая, крючкохвостая, какой угодно масти - от чисто-белой до чисто-черной, но мордочка у нее все-, сухая, острая, глаза быстрые, только не на выкате, уши короткие и всегда стойком; к хозяину собака всегда привязана безмерно, охоту любит больше любого сеттера или пойнтера" (см. "Природа и Охота 1872 г.).

Г-н Поспелов, автор статьи "Триста верст на водяных лыжах", говорит об архангельских лайках:
Здешняя порода собак, остроухих, остромордых, белой по большей части шерсти, чрезвычайно смышленых и с прекрасным чутьем"... (См. "Охота"). Между тем г-н Косырев пишет про архангельских лаек уездов Пинегского и Мезенского, что они "крайне разнообразны по внешнему виду", что вместе с культивированием края порода местных собак исчезает, являются всевозможные помеси. Здесь самоедская лайка смешана с зырянской и другими породами. Помеси эти способны к дрессировке, "отлично ищут птицу, белку и горностая, лают на них, нестомчивы и преданы хозяевам". Некоторые из этой разновидности употребляются даже при промысле медведей, оленей, лосей, усердно гонят зайца, впрочем, недолго. Наиболее распространенная помесь зырянской лайки известна под именем кеврольской лайки;

окрас ее черный; пятого пальца нет; распространены по всей Архангельской губернии, кроме Шенкурского и Холмогорского уездов, наиболее в Кевроле Пинегского уезда. Описание наружности представляет разновидность зырянской лайки в помеси с другими. Далее говорит г-н Косырев:
"Между здешними разновидностями собак нередко попадаются очень красивые экземпляры в типе волка, лисы, песца, шпица, зырянской, костромской гончей и самоедской собаки; при этом сохраняется и окрас шерсти у первых трех пород...* Остальные по цвету шерсти очень разнообразны, но кофейного или коричневато... вовсе не замечается".

Внешний вид есть смешение разновидностей лайки. Теперь, изучив на месте архангельскую собаку, я должна отметить два основных вида: 1) самоедская собака, 2) зырянская. Печорская создалась из двух первых, - остальное помеси.

Собственно кеврольская лайка - длинное туловище, огромные стоячие уши; хороша на птицу, белку, горностая; "на крупного зверя не употребляется, ибо труслива; однако, довольно вязко гонит зайца".

Предполагаю, что под именем и собственно кеврольской лайки надо разуметь особую разновидность с присущими ей чертами внешнего типа и внутренних качеств. Такой совершенно аналогический, по-своему виду, тип существует и в Томской губернии и описан г-ном Лобачевским. Возвращаясь к статье г-на Косырева "Кеврольские лайки", наглядно показывающей нечистопородность архангельских лаек некоторых уездов, я, тем не менее, хочу отметить их полнейшую пригодность для охотника по перу и зверю.

Таким образом, архангельские лайки не представляют собой сохранившийся тип и состоят из подразновидностей - северной собаки вообще, за исключением некоторых небольших районов, где сохранилась однотипность и масть белая. Но мы видим что, тем не менее, все архангельские лайки, хотя и не в одинаковой степени, но обладают хорошими охотничьими качествами. Ясно, что и этнографической единицы лайка архангельская не представляет. Переход из Архангельской губернии в смежную Олонецкую, я позволю себе обратить внимание на некоторые имеющиеся в литературе сведения о наружности олонецкой лайки. Г-н Бек-Юсуф говорит, "типичность здешней лайки не поддается строгому описанию, она, очевидно, утеряла кровность - все какая-то разновидность по росту, псовине, окрасу и статьям; видно полное падение от всевозможных скрещиваний". Г-н Бек-Юсуф находит, что лайка его окраса, серого, более других отстояла кровность. Остальные преобладающие окрасы суть желтый, черный, рябой (пегий, пестрый?) и очень редко белый. Рост восемь вершков, длина двенадцать вершков, грудь широкая, сухие ноги, мускулатура хорошая и загнутый кольцом хвост пушист, стоячие острые уши, голова пропорциональна корпусу с сухим средней длины щипцом, нижняя челюсть короче.

Кто помнит описание лайки г-ном Эрнстом, тот убедится в сходстве костромской (галицкой) лайки с олонецкой, но у последней тупее морда (щипец) и разнится окрас псовины - масть. Рост же одинаков -восемь вершков. Опускаясь к югу, остановлюсь на соседней Олонецкой губернии - Новгородской. Здесь я должна сделать некоторое отступление. Г-н Фокин сообщает, что в Белозерском уезде Новгородской губернии среди местных жителей нет серьезных охотников по крупному зверю, а также, по свидетельству крестьян, и лайки там выродились, сообразно потребностям охотников, а потому я думаю, на новгородской собаке незачем останавливать - она надежного материала для охотника представлять не может, а если и есть там хорошие зверовые собаки, то это случайные и одиночные экземпляры. То же, по собранным сведениям,

должно сказать Псковской губернии. В Тверской тоже нет северной собаки, но теперь там разводит сибирских лаек Кишенский. В Ярославской губернии г-ном Архиповым велась порода белых олонецких лаек, а местных нет вовсе. Владимирская губерния по своим условиям сходна с Новгородской, сюда же должна быть причислена и Нижегородская.

Южнее лайки даже неизвестны, как и западнее Псковской и Новгородской губерний. Всю эту местность я посетила не один раз и сообщаю данные не на основании литературного молчания, а на основании собственного опыта. Теперь остается сказать о лайках губернии Вятской, Казанской, Симбирской, Самарской, Вологодской и Сибири.

В Вятской губернии лайки по этнографическому делению суть черемисские, вотяцкие, зырянские. Так было лет 12-16 назад, теперь все смешалось, слилось... Вотяцкая лайка представляет собой среднее между черемисской и зырянской. О лайках Вятской Губернии, преимущественно вотяцких, отзывы в печати слышатся превосходные. Например, г-н Белов в семидесятых годах в "Природе и Охоте" говорил, что лайки вотяцкие небольшие, остромордые, остроухие, серые и других мастей, идут по всякой птице и зверю. Хороши на медведя.
Г-н Белевич восторгается в "Охоте" охотничьими качествами вотяцких (вятских) лаек. Вятские лайки, выставленные Д.К. Нарышкиным в Петербурге в 1892 году и получившие медали, были описаны не только охотничьими изданиями, но и общей прессой; даже "Гражданин" князя Мещерского отметил их "дикую красоту". Журнал же "Охота" говорит, что "обе собаки типичны, небольшого роста, сухого, пропорционального сложения, волчьего окраса, зверовыми головами". Г-н Поплавский о вятских лайках поместил статью в "Русском Охотнике", но наружности не описал, хотя упомянул о серой масти, как и г-н Белов; должна добавить, что серый и волчий окрас суть распространенные для вятской лайки. Мной собаки были описаны в двух статьях: первая в 1892 г. - октябрьская книга "Природы и Охоты" "Вятские лайки", а вторая - в "Охотничьей Газете" в 1896 г. "Вотяцкая (вятская) лайка".

Вятская (вотяцкая) лайка - роста от девяти до двенадцати вершков, широкогрудая, с ребрами, спущенными ниже колен; с короткой толстой шеей; ноги поставлены широко, пятый палец отсутствует; короче прочих разновидностей вятской лайки, хвост султаном кверху и несколько изогнут к спине голова круглее, чем у черемисской; морда меньше, уши меньше, более круглы и ниже поставлены; на шее густые, пушистые очесы (грива); шерсть грубая. Одеты лайки очень тепло. Коренная масть - серая. Имеет много оттенков: встречается бурая - цвет медвежьей шерсти, белая, черная, рыжая с белыми и желтыми подпалинами. Типичная масть - серая разных оттенков".
Эти собаки "сбитые", коренастые, но ловки, быстры и грациозны, головы удлиненные.

Черемисская лайка - это волк в миниатюре, хвост крючком. Часто встречается пятый палец. Статья моя под заглавием "Вотяцкая (вятская) лайка" была написана по просьбе покойного Л.П. Сабанеева; она имеет специальный характер и захватывает район вотяцкой лайки среднего типа (в помесях), состоящий из местностей, населенных вотяками губерний Пермской, Вятской, Казанской, Уфимской. Это, так сказать, этнографическая карта вотяцкой лайки.
"Это лайки в помесях: вотяцко-зырянская, вотяцко-черемисская. Окрас черно-серый и серый всех оттенков, рыжий - лисий, реже белый, еще реже бурый. Глаз карий. Мех теплый. Хвост серпом или кольцом до колен. Разрез глаз косой, волчий. Чутье черное, редко (у светлых мастей) коричневое. Сложения плотного, сухая, мускулистая. Ухо стоячее, среднего постава. Средний рост около 65 сантиметров". Интересующиеся подробностями увидят их в той статье. Заканчивая описание вотяцкой, или вообще

вятской лайки, я упомяну, что этот же тип встречается изредка и вообще в смежных губерниях. В Уфимской губернии настолько трудно достать лайку, что желающие выписывали ее из Вятской. Так как я исколесила губернии Казанскую, Симбирскую и Самарскую, то я вправе сказать, что чистый черемисский тип лайки находится в юго-западной части Вятской губернии, в северной части Казанской губернии, то есть за Волгой, по ее левому берегу, и в уезде Козьмо-демьянском. В Чебоксарском, Цивильском и Ядринском лаек мало, и они так же разнотипные и разнокалиберные, как в Олонецкой и Архангельской губерниях. В южной части Казанской губернии, в Тетюшском уезде лаек нет, нет лесов, почти нет охотников и об охоте с лайкой никто не знает. В Спасском уезде любители охоты с лайкой доставали таковых в Вятской губернии. В Буинском и Симбирском уездах Симбирской губернии лайка тоже явление незаурядное, и если можно ее видеть изредка у мордвы или чувашей, то это исключение. Скорее в Симбирской губернии, в Алатырском и Корсунском уездах можно встретить в лесах по Суре лаек, но скажу откровенно, что лесники Буинско-Алатырского лесничества обращались ко мне за щенками, и приходилось их удовлетворять. В Самарской губернии, в северной ее части (мне пришлось посетить Бугульмияский, Бугурусланский и Самарский), я видела странную помесь лайки с овчарками и борзыми. В Оренбургской и Уфимской губерниях есть те же помеси, а по южному Уралу у башкир есть маленькие сбитые лайки, напоминающие шпицев; этих лаек берут на медведей. Но и этой разновидности здесь мало. Прежде чем перейти к описанию наружного вида и типичных признаков сибирской лайки возвращусь еще к собакам Пермской губернии. Собак Чердынского края, то есть северо-западной Губернии, я описывать не буду - их описал г-н Белдыцкий. Я посетила Верхотурский край, то есть "восточную часть губернии, ее среднюю и юго-восточную части, и вынесла следующее впечатление. На западе губернии преобладает тип зырянский и зарянско-вотяцкий. На севере зырянско-вогульская помесь и чистая вогульская лайка, встречалась и остяцкая, а в средней части губернии помеси и разновидности названных типов. Видела я под Пермью и белых, мохнатых, приземистых, а также и борзоватых, волкообразных, но отмастки - серой или чисто-белой масти.

Литература дает нам еще больше сведений о сибирской лайке. Перейду к описанию сибирской лайки.

Г-н Яблонский говорит о тунгусской лайке:
"Тунгусская лайка - это среднего роста собачонка, очень неказистая на вид, с пушистым хвостом, узкой мордой и маленькими острыми ушами, всегда худая до безобразия" ("Природа и Охота").

Г-н Муромцев о средне-сибирской лайке говорит:
"Собака сибирского промышленника по внешности совершенная дворняга. Остромордая, широколобая, со стоячими ушами, лишь кончики которых иногда бывают опущены несколько вперед, на довольно высоких ногах, с отчаянно загнутым хвостом, она не привлечет взоров европейского охотника, но сибирскому промышленнику она вдвойне дорога" и т. д. ("Псовая и Ружейная Охота").

Г-н Лобачевский описывает собственно томских лаек и говорит, что в губернии их три разновидности, "породы". Две из них "разнятся только ростом". Рост средний; грубая иссера-желтая шерсть напоминает волка; широкая грудь, костистые ноги, русачья лапа; морда острая; торчащие уши; круглые черные глаза выражают энергию, ум; хвост загнут на спину кольцом. Вторая порода напоминает первую, но "тоньше" и "меньше". Третья - на весьма низких ногах, немного выгнутых, как у таксы, с висячими ушами (полустоячими?), острой мордой; верхняя челюсть на два пальца длиннее нижней.

Третья разновидность томской лайки - бесспорно помесь с кровью посторонней собаки, ибо висячие уши, а не полустоячие, служат неоспоримым доказательством, и, кроме того, кривые ноги от рахита. Наконец, г-н Яшеров ("Псовая и Ружейная Охота") в Восточной Сибири (Байкал и Иркутская губерния) видел две породы лаек: одна выработана промышленниками для крупной зверовой, другая же - для разнообразной промысловой охоты. Но там также существует ряд помесей от зверовых с промысловыми.

Промысловая ростом невелика, растянута, голова напоминает лисью, глаз раскосый, ухо очень маленькое, треугольником, торчит; одета богато, пальцы в комке; не редкость - пятый палец (прибылой на задних ногах, что считается хорошей приметой, и щенок всегда идет в породу*; хвост загнут кольцом; псовина густа, характер звериный; масть большей частью черная с подпалинами и серым подшерстком, серая, волчья, реже белая, да и то с "половыми" ушами.

Зверовая - до шестнадцати вершков роста, голова уже, с выдающимся соколком, глаз черный на выкате (а между тем, не знаю почему, принято считать большой навыкате глаз у лайки пороком). См. экспертизу юбилейной выставки), разрез косой, щипец длинный, нос темный (не черный), ухо уже, длиннее, шея длиннее, тоньше, пальцы в комке, спина с переслежиной, прибылые пальцы, хвост серпом или поленом, псовина беднее, окрас серый, черный, волчий, енотовый (бурый?), черно-пегий, серо-пегий.

Эти иркутские или восточносибирские лайки не могут быть подведены ни к одной из групп деления князя Ширинского-Шихматова и по своим внешним качествам могут быть, как выставочные, забракованы: у них пятый палец, глаза навыкате, пежины и проч., и проч. Но, как увидит читатель, их достоинства ставятся на месте их родины в Сибири в цену благосостояния целой семьи, следовательно, надо меньше обращать внимания на внешние мелочи, неизвестно каким образом вошедшие в порочные признаки. По крайней мере, наука еще не сказала на этот счет своего последнего слова. Затем в Сибири, в южной степной части, существуют еще киргизские лайки, с которыми производится охота "псовая". Вероятно, это помесь с борзой; собаки мелки, низкого роста, но злобны и легки ("Природа и Охота" и "Журнал Охоты"). Более подробных сведений о них не имеется, то есть об их внешнем виде.
Итак, мы рассмотрели лайку во многих губерниях Европейской России, а также и в Сибири (томская - западносибирская, тунгусская. - среднесибирская и восточносибирская). Позднее появились труды академистов, путешественников, исследователей о Восточной Сибири; там есть сведения о лайках:
Маак-вилюйская, Серошевский в книге "Якуты"-якутская, Иохельсон - колымская, Слюнин - корякская. Мы видели, что все разновидности имеют свои типичные признаки, что многие между собой перемешались, скрестились и утратили тонкие особенности первоначального типа. Но, тем не менее, все они имеют общие черты, обусловливающие не только внешние типические признаки общей породы лаек, но и их внутренние качества. Эти-то черты и должны быть знакомы всякому охотнику, нуждающемуся в охотничьей лайке, и таким охотникам я и посвящаю свой труд. Желающим вести породу и выставлять, например, лапландских, тунгусских или каких угодно лаек, необходимо знать особенности разновидностей, а между тем вся еще порода, как выражается "Охотничья Газета", "ждет своего исследователя". Помимо Миддендорфа и указанных исследователей, мной лично посещены большей частью эти области, а мои статьи были помещены в различных охотничьих журналах. Лично наблюдала собак острова Сахалин и в Амурской области...

Слюнин, исследовавший Охотско-Камчатский край, в своем труде описывает ездовых и

охотничьих собак этого края, особенно ламутскую и коряцкую.

Серошевский нам дал описание якутских ездовых и охотничьих собак в труде "Якуты".

Иохельсон описал тунгусскую ездовую и зверовую собак Колымского округа в своем труде "Зверо-промышленность Колымского округа"; г-н Маак (академик) описал якутских и тунгусских собак Вилюйского округа в труде "Очерк Вилюйского округа Якутской области".

Гг. Маак и Иохельсон отмечают лисоподобную собаку тунгусов, которая "почти ничем не отличается от лисицы".

Таким образом, я привожу описание чистокровных собак и всевозможных помесей, существующих разновидностей, и читатель, взяв карту России, сам поймет этнографическое расположение той или иной разновидности в связи с племенами, с которыми они сжились.
Из всего изложенного можно вывести заключение, что основных типов и пород четыре.

1. Ездовая собака.
2. Оленегонная (полярная).
3. Зверовая, лисоподобная, тунгусская.
4. Легкая охотничья лайка, из которой, судя по сообщению П.Б.Яшерова, промышленники Иркутской губернии выработали два типа: "зверовой" и "промысловый". На границе степных местностей создалась разновидность, носящая следы борзой, - это лайка киргизов с которой ловят зайцев, лисиц, волков, по описанию г-на Огильви. Этот тип борзоватой лайки я видела в Акмолинской области в 1900 г., но теперь только следы ее нужно искать в глубине киргизских степей. Я, конечно, не только не отрицаю необходимости руководства внешними качествами, но, наоборот, стараюсь на них обращать внимание, хотя надо иметь только такие качества, которые имеют внутренний смысл, а потому и приступаю к описанию сих качеств.
1. Необходимо стоячее ухо, а не полустоячее. Чем стоячее ухо, тем лучше слух. Какой великолепный слух у лося, благодаря огромному стоячему уху. Среди диких животных лучшим слухом обладают те, у кого ухо больше.
2. Выпуклый глаз имеет практическое неудобства на мой взгляд, так как он хуже защищен и легче засоряться в чаще, вообще подвергаться повреждениям.
3. Острая морда, выдающееся чутье - нос лучше причуивает, нежели тупой.
4. Широкая грудь, лапа в комке, сухая нога, плотное вложение, хорошие мускулы делают собаку ловкой, выносливой, легкой.
5. Звериный характер псовины делает лайку способной переносить стужу.
6. На масть не стоит обращать внимания.
7. На цвет чутья - черное или темное - тоже не стоит обращать внимания.
8. Все равно, держит ли собака хвост серпом или кольцом, поленом, султаном.
9. Мы уже говорили и о пятом прибылом пальце, который ученые приравнивают к пороку, а промышленники ценят, как дорогую примету, и разводят пятипалых собак. Пятый палец может служить неудобством, то есть легко подрываться на охоте, но и это редко. Сибиряки иногда у крошечных щенят его ампутируют, так как он иногда только "мешает".

Словом, охотник должен выбирать собаку веселого и смелого нрава, плотного сложения, с чистым глазом, сухими ногами, с твердым стоячим ухом, неиспорченным чутьем. Охотники гг. Яшеров, Муромцев, Лобачевский, Белдыцкий, Бек-Юсуф, Фокин, Косырев и другие дали нам, кроме внешности, описание нрава и способности лайки, о

которых сообщу своевременно, а теперь лишь скажу, что по удостоверению многих лайка в помеси с посторонними породами теряет стоячие уши, но упорно сохраняет способности (см. статьи гг. Бек-Юсуфа и Косырева).

Г-н Гомулецкий, описав такую собаку в статье "Очерки и воспоминания сибирского охотника" ("Природа и Охота"), говорит:

"Вскоре я убедился, что Медор и диких коз мастер гонять: гонял он их особым голосом и так вязко, что впоследствии случалось убивать коз из-под его гона. Но этого было мало: незабвенный мой Медор доказал, что он еще имеет способность быть зверовой собакой. Поэтому думаю, что при всей своей красоте он имел в своих жилах немалую толику невзрачной на вид, но сильной, злобной и чутьистой таежной лайки".
Так сильна кровь лайки в помесях. Опасаясь, что меня упрекнут в противоречии, я поясню, что чистокровную и типичную лайку всегда поставлю для зверовой охоты выше вислоухих помесей; но так как некоторые разновидности лайки трудно дрессируются, необходимо, по мнению некоторых, для болотной охоты, где лайка идет за легавую, то в помесях дикий нрав смягчается. Напомню еще, что преимущественно вырождаются лайки в губерниях Костромской (г-н Эрнст), Олонецкой (г-н Бек-Юсуф), Новгородской (г-н Фокин), Архангельской (г-н Сырев); а вообще о будущем исчезновении породы без поддержки) высказывается князь А.А. Ширинский-Шихматов, а также один из олонецких губернаторов, официально высказываясь о необходимости держания олонецко-карельской лайки (см. Юбилейный отчет Императорского Общества правильной охоты). В то время, как одни высказываются за сохранение и предпочтение старинного типа, сибирской лайки и без всяких этнографических, эмбриологических и других соображений выработали себе просто-напросто, сообразно надобностям, "зверовую" и "промысловую" собаку и тем напомнили англичан, которые не задумываются путем скрещиваний создавая себе породы практически необходимые, отдавая должное внешности по мере необходимости и не отстаивая фанатически прежний, старинный тип и связанные с ним особенности. Еще скажу о названии. Князь А.А. Ширинский-Шихматов и г-н Ящеров считают более правильным считать лайку "северной промысловой собакой".

В Сибири неизвестно название "лайка". Гг. Белдыцкий и Муромцев зовут лайку дворняжкой, прочие -лайкой от слова "подлаивать", хотя на некоторых зверей и при известных способах лайка на охоте не должна лаять (Олонецкая губерния и Сибирь), но об этом поговорим после. Лайка еще известна под именем "духовой собаки", "подлайки". Хотя я и признаю название "северная промысловая собака" более правильным, но слово "лайка" и привычнее, и короче, а потому я и останусь при нем.

Остается сказать о приметах, которые у всех промышленников разны. Промышленники Томской губернии признают одни приметы для собаки, которая должна хорошо идти по зверю. Коряки Камчатки ищут для той же собаки других примет и т. д. Все, главным образом, обращают внимание на то, чтобы складки во рту собаки, на небе, располагались тем или иным образом. Если складки (рубцы) ближе к передним зубам посредине разошлись - хорошая примета. Если концы рубцов упираются между зубов - дурно, а если в средину зубов - хорошо. Исследование складок (рубцов) во рту - целая наука. У медвежьей собаки должна быть на носу (на чутье) поперечная черточка, образующая с черточкой, разделяющей ноздри, крест. Я лично всем бесчисленным приметам значения не придаю, а лишь кровности и наследственности.

Глава 2

НАЗНАЧЕНИЕ ЛАЙКИ, ЕЕ НАКЛОННОСТИ, СПОСОБНОСТИ И ХАРАКТЕР.

Лайки, как известная порода собак, все имеют некоторые общие черты характера, общие задатки и одинаковые наклонности, так как условия жизни одной разновидности сложились неодинаково с другой исторически, своеобразно с этими жизненными условиями изменился до некоторой степени и характер собаки, назначение, но задатки, наклонности и способности в основном остались всюду одни и те же. О характере лайки я могла бы привести целую литературу, описания его в рассказах охотничьего содержания, в путешествиях исследователей Севера и т. д., но, во-первых, это будет вопреки цели моего труда - дать сведения о лайке и об ней в кратком и необременительном для читателя изложении; во-вторых, расширить содержание статьи, которая тогда выйдет из рамок, нужных для охотника, а потому я приведу только необходимые сведения о характере и способностях наличных местностей, как примеры.

Смею также думать, что мой личный опыт позволяет, в свою очередь, кое-что высказать о лайке.

Ни одна порода собак не имеет такого широкого и серьезного назначения в жизни человека как лайка. Многочисленные труды путешественников сообщают нам о том, что лайка на Крайнем Севере служит не только для охоты во всевозможных видах, но несет и серьезную обязанность пастуха-оленевода, сторожа, а равно служит перевозочным средством. В иных местах даже почта перевозится на лайках.

Шерсть служит для вязки чулок. По сообщению князя А.А. Ширинского-Шихматова, остячки собирают шерсть, выпадающую с собак во время линьки, и вяжут чулки. Шкуры с мертвых лаек идут на шубы. Но этим еще не все исчерпывается. В Сибири у некоторых инородцев лайка несет обязанности няньки: стережет, согревает и облизывает нечистоты ребенка. Подробности о сей роли лайки сообщил г-н Залесский в реферате о племени карагасов, а в Лаишевском уезде Казанской губернии летом 1897 г. лайка вытащила из избы во время пожара ребенка, который снова уполз, но собака снова его вытащила из горящей усадьбы на глазах толпы, бессмысленно глазевшей на пожар дома, тогда как хозяева были в поле. Об этом подвиге "дворняжки" было сообщено, впрочем, и в газетах, между прочим "Свет" тоже напечатал об этом случае.

По сообщению "Гражданина", в Финляндии одна из ферм пасет свои стада исключительно с лайками, без участия людей. Мне лично приходилось наблюдать лайку, которая все лето ежегодно рано утром с табуном своего хозяина отправлялась в поле, где стерегла его целый день, и к ночи пригоняла домой.
Это было в селе Терсях Вятской губернии Еланского уезда. У известного тунгуса на Становом хребте (Восточная Азия) Карамзина лайка переносила записки и посылки на большие расстояния (Труды экспедиции Стефановича).

Итак, назначение лайки весьма разнообразно, и она везде применяется, приноравливается к человеку, сообразно его требованиям, и совершенно справедливо, что "только существование этой собаки обуславливает многим тысячам инородцев возможность жить и прозябать на Севере" (князь А.А. Ширинский-Шихматов).

Рассказав о назначении лайки вообще, я должна сказать о назначении ее для охотника. Лайка предназначается для разыскивания медвежьих берлог, останавливания раненого зверя, розыска стойбища лосей, оленей, коз, отыскивания без лая и гоньбы их голосом, если потребуется, - все это лайка проделывает без всякой дрессировки, а лишь практика и опыт заставляют ее выполнять требования охотника. Лайка гонит зайца, но ее гон сильно отличается от гона гончих, часто достигается, что лайка гонит, как гончая.

Эрнст сообщает, что у его знакомого лайка "водила стаю" гончих. Лайка отыскивает всяких зверьков, лисиц, барсуков, соболей, куниц, белок и всех других мелких зверьков. Лайка отыскивает, выпугивает, но не гоняет всякую птицу; находит подстреленную и подает охотнику. Лайка превосходный крысолов. Словом, порода лаек составляет для охотника великолепный материал для универсальной охотничьей собаки, который блестяще может употребить охотник по своему усмотрению, если будет обладать умением и терпением. Я указала на назначение лайки в жизни человека и охотника, но поясню, что исключаю при этом проделывание лайкой фокусов и разных комнатных штук.

Задатки лайки состоят в том, что собаки этой породы обладают большим запасом качеств, при которых можно выработать из нее почти все необходимое для потребностей охотника и человека. Серьезный ум собаки, "практический" при этом, по определению г-на Эрнста, удивительная понятливость, умение быстро сообразить требуемое, приспособиться ко всякому делу, сосредоточенность, интерес ко всем действиям человека, любовь к домашним животным - вот отличительные хорошие качества лайки. Лайка отличается крепким здоровьем, редко заболевает, редко подвергается бешенству, не предрасположена к чумным заболеваниям, вынослива, неприхотлива и чистоплотна. У лайки очень самостоятельная натура, так как природа и условия жизни выработали в ней, особенно на Крайнем Севере, необходимость работать одной и самостоятельно. Например, собаки далеко уходят одни искать оленей и лосей, как мы увидим впоследствии. Но это качество не всегда удобно для европейского охотника; поэтому, если лайку в детстве умело не подчинять воле охотника, то врожденная самостоятельность собаки может перейти в нежелательное упрямство. Упорство же и упрямство лайки могли бы быть признаны за дурные качества, если бы не сглаживались и не парализовались в известной степени большим умом лайки. Г-н Эрнст говорит, что такого практического ума не встречал ни в одной породе собак. Приведу здесь характеристику лайки, сделанную г-ном Эрнстом в 1891 г. в "Журнале Охоты":
"Само собой, каждый охотник-любитель смотрит на охоту, как на высшее удовольствие, и хотя приятно (Возвращаться домой с полной сеткой набитой дичью, но промысловая охота никогда не может удовлетворить настоящего любителя и доставить то эстетическое наслаждение в охоте, которое он ищет. Поэтому, вероятно, большинство из нашей братии не обращало никакого внимания на промысловых собак. Однако, мне приходилось неоднократно выслушивать охотников о желании приобрести лаек. Не стоит и говорить, что большинству из наших городских охотников лайка ни к чему, особенно если это не любители охоты на зверей; но вообще нельзя не отдать должной справедливости этим маленьким собачкам и не восхищаться многими их хорошими качествами, которых достичь искусственным подбором и воспитанием бывает очень и очень трудно. Хотя в Англии все породы собак стараются специализировать и собак на все руки там нет, но я думаю, что если бы англичане обладали подобной породой или близко подходящей к нашим лайкам, то давно бы целые фолианты облетели весь свет, трубя об их замечательном уме и охотничьих качествах. Сколько образовалось бы охотничьих клубов-кеннелей; какие классные были бы состязания! Последние, вероятно, были бы успешнее, чем многие состязания подружейных собак, где одна гонит голосом зайца, другая птицу и т. д. Лайка с большим успехом будет состязаться с терьерами и давить крыс и мышей; заменит ретривера; если приучить, будет гнать голосом зайца и лисицу не хуже гончей*, а своим умом поспорит с любой породой; присоедините ко всему этому еще и образцовое послушание. Благодаря этим качествам жаль бросить на произвол судьбы такую собаку, а между тем, к несчастью, я почти убежден, что эта порода постепенно исчезнет с лица земли. Я держусь того мнения, что наши северные породы собак играли немаловажную

роль в истории собаководства. Присутствие их крови видно в некоторых и современных специальных породах".

"Легко и бодро несется лайка по лесу, не зная устали и голода; то вдруг остановится, насторожив ушки, то снова бежит, изредка разнюхивая следы. Живая по натуре, она никогда не копается на следах, а в момент соображает все положение преследуемого зверя. Напав на свежий след, она опускает свой пушистый хвост, взъерошивает шерсть и потом, уже, заложив ушки, скачками наподобие борзой молча мчится к цели, и уже через минуту звонко раздается по лесу ее лай; если по птице - ровный, однотонный; если по пушному зверьку, то более резкий, и притом далеко слышно, как ломаются сучья в острых ее зубах".

Совершенно могут подойти под подобное описание и лайки вятские (вотяцкие, черемисские, зырянские). У моего соседа, хорошего охотника, П.К. Готовцева, была лайка, которая вела стаю.

Вообще надо заметить, что лайка очень осторожна и начинает лаять не на следу, а уже под самым зверем или птицей и помеси этих разновидностей). Нельзя не отметить, что г-н Эрнст имеет в виду уже лайку взрослую, выращенную и воспитанную; но лайка, не доведенная до необходимой подготовленности, обладает достатками в разной степени, с которыми так иначе приходится считаться.

К отрицательным наклонностям лайки надо отнести большую дозу самолюбия и обидчивости, о которой и г-н Яшеров упоминает в своих "Заметках" ("Псовая и Ружейная Охота"). Вот что он говорит:
"Сибирские охотники не бьют собак на охоте - может обидеться и убежит домой чуть не за сто верст".

От строгого обращения очень многие разновидности лайки положительно дики и необщительны. Кнут и палка ослабляют лайку, но не ломают. Некоторые разновидности не поддаются дрессировке, которой, впрочем, охота с лайкой не требует. По природе лайки способны к пастушеским обязанностям, и последние ими легко усваиваются. Но так как щенки лаек начинают интересоваться решительно всем живым, то при недосмотре могут сделаться скотинниками; но довольно раз-два пригрозить, чтобы охота на кур и ягнят навсегда прекратилась. Не надо позволять ребятишкам натравливать щенят на что бы то ни было, особенно на свиней. Лайка привязана к хозяину и домашним, ревнива даже. На охоту лайка, подобно гончей, с незнакомыми лицами не пойдет. Впрочем, если акклиматизировать ее, воспитывать с малолетства в стае как гончих, то, может быть, и пойдет. На смычках же все лайки ходят хорошо.

Еще к отрицательным качествам лайки надо отнести ее хитрость, щепетильность и изредка сильную нервозность. Иногда нрав лайки по виду бывает обманчив. Часто вежливый, робкий и дикий в доме, щенок смело идет сразу на медведя, и, наоборот, задорного и злого в доме щенка приходится долго натаскивать и притравливать. Лайка хорошо понимает и долго помнит добро и зло и, хотя не мстительна, делается крайне недоверчивой. Характер лайки веселый, живой, энергичный, настойчивый, миролюбивый. она злобна на охоте, она крайне добра к людям, всегда весела, привязчива. Зря не лает, молча не кидается и не кусает, а если и кусается, то норовит щипнуть слегка сзади за пятки. Платья на прохожих не рвет. Между собой лайки миролюбивы и, живя большими стаями, не затевают той беспрестанной злобной, кровожадной между собой грызни, как это часто бывает у других пород, за

исключением, когда в доме пустующие суки. Делаю такое заключение на основании иного опыта. Упомянув еще об уме, понятливости, старательности лаек, о быстром усвоении требуемого от них, за исключением разных "штучек актерского искусства" и т. п., скажу, что это серьезная и деловая собака - "промысловое животное", по натуре серьезное и смышленое. Бесцельно лаять из-под ворот она не будет. Хотя среди разновидностей лаек есть вороватые, но не у своего хозяина, за исключением с сибирских, которые воруют и у себя дома. К главнейшим особенностям лайки надо отнести ее умение ориентироваться, осваиваться, везде соображать свое положение и находить удачный выход. Лайка находчива, хорошо запоминает дороги, местность; она храбра, неутомима, имеет отличное верхнее и нижнее чутье, великолепный слух и зрение. Вотяцкие лайки честны, беззаветно преданны, храбры; а потому вверяют им охранение дома, имущества, воза с лошадью на базаре, детей.

Для того чтобы яснее очертить характеристику лайки, я обращусь еще к литературному свидетельству более выдающихся знатоков этой породы собак. Я постараюсь, насколько возможно, критически оценить каждое мнение, так как всякий заводящий собаку должен быть основательно знаком с ее нравом и природой, а потому он должен знать различные, даже противоположные мнения об их происхождении.

Князь А.А. Ширинский-Шихматов говорит о лайке (северной собаке) следующее:

"Условия жизни человека в зависимости от места, которое он избрал для своего существования, время и климат выработали из первобытной - дикой собаки, одного или нескольких корней, и овчарку для охраны всевозможных стад, полезных человеку, и зверовую охотничью собаку, необходимую ему для добывания пропитания, и, наконец, даже ездовую собаку, благодаря которой во многих местах Сибири и возможно лишь передвижение, без которого и самое существование на Севере стало бы немыслимым. Служа всю жизнь свою человеку преданно, самоотверженно и часто бескорыстно, так как на Севере, например, в большинстве случаев летом собаки сами себе добывают пропитание, собака и после смерти своей продолжает служить, давая шкуру свою - прекрасный теплый мех. Во время линьки собак жены инородцев тщательно собирают старую свалявшуюся шерсть, которая лезет из собак целыми хлопьями. Из этой шерсти вяжутся чрезвычайно теплые и прочные чулки".

О характере и способности лаек князь Ширинский-Шихматов говорит, например, что эскимосские собаки ближе всего подходят к волку (сходство зубов) даже не лают, а воют. Зырянская лайка, по его мнению, более древняя разновидность, чище и лучше сохранившаяся. Князь предполагает, что вогульская и зырянская - лайки происходят от дикой собаки. В карельской лайке (Олонецкая губерния) видно присутствие крови волка. О зырянской лайке князь говорит, что она дает пометы реже, малочисленнее, дика, необщительна, менее и вовсе не поддается дрессировке; но зрение, слух, чутье у нее лучше ("Природа и Охота" за1896г.).

Г-н Косырев сообщает, что кеврольские лайки, то есть архангельские, уездов Мезенского и Пинегского, не представляют уже чистого типа. В помесях эти лайки свою внешность и задатки упорно передают и легко принимают свой первоначальный вид при скрещивании вымесков с лайкой. Признаки примеси дога и ретривера исчезали прежде всего, а примеси шпица, гончей, сеттера сохранялись дольше.
"Самоедская собака в помесях с зырянской лайкой или какой другой разновидностью энергичнее других отстаивает свою типичность, давая довольно удовлетворительных промысловых собак, способных к усвоению некоторой дрессировки". Эти лайки, по словам г-на Косырева, настойчивы и преданы хозяевам. Собственно кеврольская лайка

на зверей не идет - труслива, и представляет собою неопределенную помесь. Для сторожевой службы здесь предпочитают кобелей, а для охоты - сук.
В Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии лаек для охоты кастрируют. Что касается заметки г-на Косырева относительно признаков вымесков, то естественно, что примесь гончей и шпица удерживается дольше, как пород родственных, на благоприятной, так сказать, почве.

Г-н Поспелов ("Журнал Охота", 4 кн. 1890 г.) в статье "Триста верст на водяных лыжах" говорит о местных лайках Архангельской губернии, что они употребляются для всякого рода охоты, гоняют зайцев, отыскивают белок. С лайками ходят на куропаток, рябчиков, медведей. Местные лайки - отличные сторожа.

Эти два противоположных мнения заставляют думать, что только уезды Мезенский и Пинегский, благодаря, вероятно, особенным условиям охоты, отличаются вырождением лайки. Это очень интересно, так как нельзя не удивляться, что в этих глухих и лесных уездах не сохранилось настоящей промысловой собаки, а может быть, и охотников.

В № 17 журнала "Охота" за 1891 г. г-н Н. Пол-в, описывая лаек Вологодской губернии и охотничьи достоинства их, сообщает, что эти же собаки на санях-нартах перевозят добычу и пожитки с места на место. О вятских лайках писали гг. Белевич, Белов, Поплавский и я. Все мы сходимся в своих отзывах. Г-н Белевич оттеняет ("Охота") незаменимость вотяцкой (вятской) лайки при заганивании медведя, ее чутье, злобность, отвагу. Приблизительно то же говорит и г-н Белов ("Природа и Охота").

Г-н Поплавский делает следующую характеристику лайки:
"Суки любят убегать щениться в лес, болото и другие укромные места, но иногда бывает наоборот, когда сука особенно доверяет своему хозяину. Щенки скоро научаются есть, растут быстро".

Чистоплотность лаек тоже отмечена. Г-н П-ий приписывает проявление дурных наклонностей, вроде задушения гусей, дурному воспитанию. Неподатливы на обман и не проявляют доверия к чужим, любят купаться. Двигаются в лесу бесшумно. Идут на всякого зверя и птицу ("Русский Охотник"). О лайках Пермской губернии (чердынско-вишероуральских) пишет г-н Белдыцкий. Общие черты местных лаек, по Белдыцкому, следующие:
"Незаменимость и неоцененность на охоте, ум, признательность. У хозяина не воруют, а у чужого без вреда для себя таскают даже куски из горячего котла. Хотя к хозяину и привязаны, но дурное и особенно несправедливое обращение лайки понимают и это их отталкивает. Здесь обращаются с лайкой грубо, кормят плохо; каждый промышленник держит по несколько собак, так как каждая собака имеет свою специальность: одна особенно хорошо идет по птице, другая по зверю" ("Природа и Охота").
Вот что говорит г-н Белдыцкий:
"Обязанности ее (лайки) на охоте заключаются в том, чтобы лаять на белку, бурундука, тетерева, глухаря отыскивать, останавливать и облаивать, а подчас и ловить - куницу, соболя; на последнего она особенно зла; гнать голосом, что она делает получше любой гончей, оленя, лося и медведя; гоняет она и зайца, но вишерцы на зайца не охотятся. Конечно, собака, обладающая всеми требующимися от нее способностями, встречается не часто, но зато если задается такая, то выручает не одну артель. Чаще бывает, что одна собака идет за соболем и куницей превосходно, но на медведе пасует; другая отлично ставит медведя и не годится на куницу и соболя; иная для белки и глухаря не оценена, а на зверя не идет. Поэтому настоящий вишерец-охотник имеет всегда

несколько собак разных качеств, так что охота составляется полная".

Итак, приведя свидетельства охотников о лайках губернии Архангельской, Вологодской, Пермской, Вятской и др., я еще укажу на сведения о лайке олонецкой, сибирской и киргизской. Об олонецкой лайке встречаются такие же противоречивые сведения, как о лайках Архангельской губернии.

В № 13 "Охоты" за 1891 г. помещено описание военно-охотничьей прогулки лейб-гвардии Измайловского полка в Олонецкую губернию; в этом описании отдан долг признательности олонецкой лайке за ее беззаветную храбрость и самоотверженность при охоте на медведя.

Г-н В. Шмор ("Охота") говорит о Повенецком и Сумском уездах, что "местные жители кур не держат: собаки их, так называемые "лайки", превосходные по типичности и охотничьим качествам, ни за что не хотят признавать кур за домашнюю птицу и пожирают их".

Не имея права не доверять сему известию, я, однако же, очень удивлена такому сообщению; думаю, что отсутствию кур способствуют другие причины, а не поступки лаек. Впрочем, вероятно также, что вследствие собственной косности жители не отучают собак в щенячьем возрасте от ловли кур.
Об олонецкой лайке собственно Каргопольского района пишет г-н Бек-Юсуф:
"Лайки здесь вырождаются и есть много помесей, но все же есть и типичные экземпляры".

Г-н Бек-Юсуф отмечает ум и смышленость лайки, о чем свидетельствует ее массовое переселение за сотни верст к железной дороге, где собаки узнали, что можно поживиться кое-каким кормом. "Воспитанная" лайка ведет себя на охоте, как "хорошо выдрессированный легаш". Отмечены им также отличные зрение, и слух местных лаек. Из отрицательных качеств указывается "недомовитость" и добровольное "ренегатство". Меня изумляет именно массовое движение. Отбилась собака случайно, попала в хорошее жилище и зажилась, благо, хорошо кормят, дома же голодно это понятно; а то ведь это - "правильные переселение колониями по верному расчету и маршруту".
Олонецкая (каргопольская) лайка г-на Бек-Юсуфа ("Природа и Охота") характера миролюбивого, ленива к сторожевой службе и недомовита:
"Лайка спокойно лежит, мало обращая внимания на проходящих и проезжих; редко, когда случится, обеспокоит какую-нибудь звоном колокольчиков или грохотом экипажа, и она полает на нарушителей собственного покоя; до обыкновенных дворняжек; лайке далеко по злобности в сторожевых обязанностях, иное дело в лесу или на охоте - там она увязчива и злобна... Редкая лайка не способна к охоте, но способности еще развиваются воспитанием".

Я думаю, что г-н Бек-Юсуф нехорошо понял по отношению к ее лени в сторожевых обязанностях. Если сравнить с показаниями г-на Эрнста и др., то лайка зря не лает, а лает только тогда, когда видит действительно что-нибудь подозрительное. Однодеревенцев ей облаивать из-под ворот незачем: их она всех знает в лицо; мимо едущий экипаж тоже она понимает - опасности нет; а во двор она без хозяина едва ли кого впустит как днем, так и ночью.

Упоминая еще раз имя г-на Эрнста, я позволю себе пополнить его характеристику лайки: "И теперь не могу не нарадоваться на ум и понятливость этой собаки. Она прекрасно ищет и преследует белку, тетерева, рябчика, куницу, выдру, хорька и норку,

а также лося и медведя, причем ничто не может сбить ее со следа, и с удивительной храбростью останавливает этих зверей".

Еще об олонецкой лайке говорит г-н Александров ("Охотничья Газета"). В Рыбинском уезде Ярославской губернии у г-на Архипова велись олонецкие лайки, пользовавшиеся большой известностью вследствие отличной дрессировки.

Теперь, приведя более разнообразные сведения о европейской российской лайке, я могу вывести заключение, что:

1) где лайки менее сохранились, там они и для охоты хуже;
2) помеси разновидностей легче дрессируются, но не все лайки упрямы, а лишь немногие породы туго поддаются дрессировке;
3) единогласно свидетельствуют об уме, чутье, зрении, понятливости, выносливости, сообразительности, отличных охотничьих качествах чистокровной лайки;
4)о привязанности говорят г-н Белдыцкий, г-н Даст, г-н Поплавский и многие другие, но г-н Бек-Юсуф не признает ее.
Читатель теперь видит также, что лайки лучше по качествам там, где более сохранились. Переходя к лайке сибирской, укажу еще на краткое свидетельство г-на Огильви о киргизской лайке:
"Злобная, малорослая лайка встречается по всему северному и южному склону Тянь-Шаня" ("Охотничья Газета", 1898 г.). В Омске существует и псовая охота с лайкой киргизской на волков и других зверей ("Журнал Охота", 1891 г.). О сибирских лайках в литературе есть достаточно подробные и разнообразные сведения. 'Приведу здесь более существенные. Начну с запада.

Г-н Лобачевский говорит о томской лайке:
"Чутье удивительное, достоинства неоценимы, замечательный ум. Найдя крупного зверя, молча возвращается к хозяину и ведет его к стойбищу. Существуют три разновидности томской лайки. Две первые сходны, третья напоминает такс, ходит исключительно на белок; ласкается униженно, подобострастно смотрит на человека, хотя не прочь укусить". Бесспорно, это - помесь, так как такой нрав несвойствен лайке (сравнить помеси, описанное г-ном Косыревым, - кевроль). Теперь остановлюсь, на "Заметках охотника Восточной Сибири" г-на Яшерова ("Псовая и Ружейная Охота"). Автор записок, как видно, долго жил и много охотился в Восточной Сибири. То же впечатление я вынесла из разговоров с ним на охотничьем съезде. Хотя, мне кажется, что он не лишен увлечения и даже до некоторой степени фанатизма, тем не менее он бесспорно знаток северной собаки лайки. Вот что он говорит о восточносибирских лайках:
"Промысловых собак и мешанины, разумеется несравненно больше, так как охотящихся с ними несть числа, а зверовых псов не так много и они реже попадаются на глаза, равно как их владельцы - охотники истинные, страстные, для которых охота в жизни - все".

"Промысловые собаки нрава веселого, хвостом машут - частят, причем, как-то изгибаясь, съеживаются; ловки в драке и игре; умны, почему очень легко поддаются дрессиру; любопытны и иногда до смешного. О хозяине не особенно тоскуют и всюду, где жизнь им мало-мальски сносна, скоро осваиваются. Любят прятать пищу про запас. Специальность на охоте: белка, хорек, соболь, косуля, рысь и выдра; из птиц: тетерев, глухарь, утка и гусь. На медведя идут втроем и больше. На кабана не идут, волка боятся (я думаю, не бояться волка, а просто не чувствуют враждебности как к сородичу, что замечено и князем Ширинским-Шихматовым, и другими). Правда, киргизскими травят

волков, но, вероятно, в них есть кровь борзых - это-во-первых, а во-вторых, в открытой местности в сообществе наездников-людей можно заставить ловить какую угодно собаку и что угодно; поймать она не поймает в большинстве случаев, а догонять будет стараться. Работают, - продолжает г-н деров, - сибирские лайки ухом и чутьем. От хозяина далеко не уходят. Нрав у зверовой собаки серьезный; ласкаясь, обыкновенно тычет вас носом, а хвостом машет - не частит. Они умны, понятливы, достаточно своенравны, злобны и иногда до крайности. К хозяину зверовая собака сильно привязана. О родине тоскует. Обидчивы, почему на охоте наказывать не следует, как раз раскланяется и уйдет. В пище не разборчивы. Способны анонсировать. Уходит далеко взыски зверя и, нашедши, молча является к хозяину. Вязкость за зверем есть качество зверовой собаки, поэтому надо не лениться, всегда стараться разыскивать и отнюдь не покидать ее; одним словом, собака твердо должна верить, что если она держит зверя, то ее хозяин непременно придет".

Из главы второй читатель увидит, какое вообще сходство имеют лайки по характеру и способностям во всем мире. Из представленных мною данных можно видеть, как разнообразно применяются и вырабатываются человеком способности северной собаки. Лайка везде приспособилась к жизни и требованиям человека, приноровилась к разнообразнейшим условиям. В одной местности лайку специализировали, как ездовую собаку; в другой - из нее сделали специально пастушью и оленеводную; в третьей - специализировали, как зверовую и промысловую, а в иных -всесторонне охотничью, и, наконец, универсальную (Тобольская губерния). См. "Охотничья Газета" за 1897 г., "Охота и промысловые животные".

Вот что говорится в этой статье. Инородцы Восточной Сибири умышленно прибавляют к ездовой лайке крови волка: "Собака имеет в инородческом быту большое значение повсеместно. Для оленевода она - пастух оленьих стад, для зверолова - спутник в промысле, как ищейка и как рабочее животное (тащит нарту с провизией); и в домашнем хозяйстве инородцев -как рабочее животное: на них возят воду, дрова, сено и разную кладь - муку, рыбу и прочее."

Описание это касается лайки березовско-сургутской и, кажется, комментариев не требует. На основании всего приведенного охотник ясно увидит, какой местности собака более всего соответствует его требованиям, на что она способна.

Когда эта глава была написана, я получила отчет Императорского Общества правильной охоты, где г-н олонецкий губернатор дает характеристику лаек, которую я вставляю в главе четвертой. О сибирских лайках сообщают гг. Раде, Миддендорф, Серошевский, Слюнин, Маак, Иохельсон, Стефанович, Черкасов. Все они отмечают ум, охотничьи достоинства, приспособляемость и полезность сибирской лайки. Как увидим после, лайки ловят песцов, лисиц и других зверей.

Глава 3

ВОСПИТАНИЕ, ВЫКАРМЛИВАНИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ОБРАЩЕНИЕ СО ВЗРОСЛЫМИ.

ОБ УХОДЕ ЗА ЛАЙКАМИ В РАЗНЫХ МЕСТНОСТЯХ.

ЛИТЕРАТУРА.

1893 году была мною помещена статья "О воспитании и выкармливании щенят" в "Русском Охотнике". Все, что там говорится, вполне должно быть применено и к лайке.

В настоящее время я повторяю вкратце изложенное и прибавлю несколько строк о результатах воспитания собак за двадцатилетний период. С 1887 года по 1901 год я вырастила и воспитала щенят тысячи, и с гордостью и "в добрый час" скажу, что у меня не пропал ни один щенок, ни одна собака от чумы, эпидемических и заразительных болезней, глистов, бешенства, в то время, как отданные в чужие руки месячными щенки умирали иногда от чумы. В 1901 г., при изменившихся условиях жизни, мне впервые привелось видеть в питомнике чуму. Это было в Восточной Сибири в Якутской области; когда свирепствовала в городе повальная чума, я, при моей системе, потеряла лишь несколько маленьких щенят.

Щенная сука должна пользоваться хорошим комплексным или рыбным, молочным кормом, свежей водой, светлым, чистым, сухим помещением. Если корм рыбный или мясной (похлебка с хлебом), то и молока нелишне давать раз в день в небольшом количестве. Если у охотника одна или две лайки, то их легко содержать на остатках от стола с прибавкой хлеба и молока стакана два, тоже с хлебом или кашей. Это идет речь о щенных суках, которых надо кормить раза два в день обязательно. Где сук много, там можно давать овсянку, заваренную мясным бульоном, и все-таки давать молоко, творог или что есть из молочных продуктов. Моцион необходим. Зимой я кормлю исключительно сырым мерзлым мясом досыта. Это дешево и удобно; где русское население, можно покупать старых лошадей, сломавших ногу, опоенных и т. д., даже животных умерших (палых), например, сломавших шею, спину, подавившихся, задранных волками и т. п. Население очень легко приучить поставлять мясо, а когда требуется - и при записке ветеринара. Словом, зимой я всегда так продовольствую собак от четырехмесячного возраста, а живут, вернее, ночуют они в поставленной на мху светлой конюшне в денниках с лошадьми, с которыми состоят в трогательной дружбе. Впрочем, некоторые предпочитают помещаться на соломенных обметах, где круглый год охотятся за мышами, едят их и бывают страшно жирны. Конечно, взрослая лайка не пропадает и при отсутствии корма и ухода, но не в видах собаковода и охотника, чтобы собаки сами собой ходили на охоту за зайцами, мышковали, шлялись за поиском корма неизвестно куда, словом, портили бы породу и оставались бы даренными, мелкорослыми, приносили бы в дом заразу и т. д. При уходе щенята выходят рослые и бойкие, выносливые и не подверженные заболеваниям.

Летом корм (до заморозков) у меня состоит из навара (бульона) кишок, брюшины, обрезков, которым заваривается овсянка. Иногда этот навар даю с хлебом. Мясо, кишки, брюшина мелко рубятся и разбавляются в корм более слабым и вообще щенятам. Корму дается вволю, сколько съедят, но с детства закормленная лайка не жадна и ест вообще мало. Где дешева рыба, можно вместо кишок варить рыбу.

На гигиенические и санитарные условия надо обратить особенное внимание, особенно городским охотникам.
I Щенята, родящиеся зимой, до одного-двух месяцев должны помещаться в температуре жилого помещения, не менее 10-ти градусов, а затем в помещениях, где не мерзнет вода, до семи месяцев, с возможностью гулять на свежем воздухе не менее трех-четырех часов в сутки, смотря по возрасту щенка. С семи месяцев щенок может жить и в будке, и в кошевке с сеном под навесом, и в соломе; конечно, часок и погреть его не мешает. У собак, живущих в конюшне, почти никогда не бывает блох: блохи не выносят запаха лошадей. Как только щенята начинают смотреть начинаю их кормить сырым и вареным рубленным мелко, как на котлеты, мясом и теплым молоком (хотя щенята на мясе отлично вырастают и без молока). Затем прибавляю суп, на втором месяце с черным хлебом, и убавляют молоко, а с пятого, даже с четвертого месяца щенок может перейти на режим взрослой собаки. Все-таки до года я их немного балую

более разнообразным и удобоваримым кормом. Все лайки едят все. Варю им белок, рысей, заготовляю ноги лошадей и лосей, то есть сушу к лету, иногда припасаю соленое мясо. Едят они и вареный картофель, и всякие овощи.

На предложенное мне могут возразить, что у инородцев лайки "нежностями" не пользуются, а живут... Но я замечу, что там их держат, во-первых, десятками, даже сотнями; во-вторых, они там гибнут очень часто, особенно зимние пометы, что заметно при большом количестве собак; в-третьих, во всяком случае, если там на Севере и голодно и холодно, то все-таки санитарные условия лучше, благоприятнее,- именно благодаря холоду нет заразы, присущей городам; а в-четвертых, инородцы очень заботятся о собаках, если всмотреться глубже, что мы и увидим из литературы. Для гиляков, айносов, коряков и многих других собака не только не поганое животное, но, наоборот, почти священное. Ее приносят в жертву богам, ее мясо едят. У вотяков собака член семьи и участница в религиозных обрядах. Ее любят и жалеют. Тунгусы, коряки и другие сибирские промышленники держат собак с собой в жилище.

Наиболее пренебрежительно к собаке относятся татаро-монголы. Правда, в Европейской России выродился тип серьезного зверового промышленника, выродилась и собака. Измельчала охота, не стало былых зверовых собак, и создался пренебрежительный взгляд на лайку, превратившуюся в дворняжку. Инородцы - зверовые промышленники ценят и берегут своих собак, которые разделяют общую жизнь.

У щенят должна быть всегда чистая вода, равно как и у взрослых лаек. С раннего возраста надо щенят приучать, водить и держать около домашних животных. Может быть, некоторым покажется странным, но я более диких, в силу атавизма родившихся с угрюмым нравом зверей прародителей, откомандировывала на скотный двор. Более мелких поили молоком со слабыми ягнятами, более взрослые отпаивались с телятами, спали с овцами и делались скоро их лучшими защитниками. Кармливала щенят творогом и кашей, как с разной молодой домашней птицей, так и с поросятами. Но это делается так: сначала щенку показывается кормящаяся птица, потом дают нюхать то, что она ест, тогда он рванется, но гусиха, или вообще наседка, всегда пугает месячного или двухмесячного щенка, а он понемногу уже начинает заискивать. Но это более редкие случай. Обыкновенно всякие поползновения оканчиваются после первой "острастки", но не вырабатывается той нежной дружбы с птицей и домашними животными, как у однокорытников. В исключительных случаях водить на поводке щенка среди домашних животных как можно чаще и дольше. С раннего детства щенки должны быть приучены к птице животным, ходить за хозяином. У кого одна или две лайки, лучше держать при себе с детства, как легавую. Кормить щенят три раза в день до четырех месяцев, два - до пяти, шести, а затем - общий режим. Конечно, чем питательнее содержание, тем лучше. Насильно в воду не бросать. Все придет само собой. Во всяком случае, лайка не должна жить взаперти, как гончая, иначе она будет дика. Лайка должна быть возможно более с людьми, около хозяина. Не надо ни запугивать, ни бить ее, то есть последнего надо избегать насколько возможно. Надо помнить твердо, что лайка сравнительно стоит еще на значительно низшей ступени своего одомашнения, акклиматизации, культурности, если можно так выразиться. В ней, опять-таки, сравнительно еще много есть дикого, звериного.

Самостоятельность, дикость и обидчивость многих разновидностей лаек отмечены литературой. Чтобы окончательно окультивировать, акклиматизировать эту породу, чтобы сделать лайку, основываясь на ее способностях и задатках, собакой универсальной в охотничьем широком смысле, охотнику надо ее еще целые поколения

воспитывать гуманно, разумно, на собственных глазах. Лайка, с детства состоящая непосредственно при охотнике-хозяине, сама его изучает, понимает все его движения, тон его голоса, а при взаимном доверии и понимании можно достигнуть всего. Советую обращать внимание на заметки г-на Яшерова, которые дают понятие о быте зверовой лайки.

Зверовая лайка Восточной Сибири - член семьи, ее никто в доме не смеет обижать, "пальцем тронуть", она живет в доме со своим хозяином. Натура лайки требует ласки хозяина. К рогу лайка приучается лучше гончей и несравненно послушнее последней.

Г-н Яшеров пишет о сибирской лайке: "Зверовая собака всегда живет в балагане с охотником и спит у костра с ним, а дома в избе, и не смей ее никто трогать, кроме хозяина... В пище неразборчивы, едят все, но летом едят мало; жары недолюбливают". По Слюнину, инородцы Камчатско-Охотского края зверовую охотничью собаку обязательно держат в жилище.

В состав съедобных предметов сибирской лайки, по словам г-на Яшерова, входят ягоды, мыши, рыба, мясо, слепни, даже змеи. Неохотно едят налима и зверей хорьковой породы, но в мороз мерзлых едят. В статье "Охота и промысловые животные Тобольской губернии" ("Охотничья Газета" за 1897 г.) говорится следующее: "Инородец блюдет собаку и в сильную стужу пускает в юрту. В рабочее время, то есть зимою, их кормят похлебкой из рыбьих костей, для чего летом, во время рыбного промысла, при приготовлении сухой рыбы, - позема, весь остов рыбы с головой отделяется цельным и тщательно высушивается в запасе для зимнего корма собакам".

В Лумпокальской волости Сургутского края в тридцати шести населенных пунктах у инородцев имеется свыше пятисот собак. У русского населения собак сравнительно много в Березове; там на них возят воду.

Г-н Поплавский в статье "Ружейная охота с лайкой" ("Русская Охота") говорит: "Ухода взрослые не требуют, кроме ласки и корма". Из этой статьи видна необходимость приготовить приют, место для щенной суки, иначе может щениться вне дома, даже в лесу. "Щенят не следует держать взаперти". Корм г-н Поплавский советует давать мясной и молочный. С пяти месяцев щенят советует брать с матерью на охоту недалеко. Г-н Белдыцкий рассказывает в своей статье "Охота на Урале" ("Природа и Охота"), что вишерцы грубо обращаются с собаками, и присовокупляет, что после побоев "лайка все время не отходила от меня, даже спала у моих ног. Она, видимо, сознавала во мне своего защитника". Не следует ли отсюда, что вишерская лайка за незаслуженные побои способна изменить хозяину? Между тем, в другом месте тот же г-н Белдыцкий говорит, что лайка преданна хозяину "безмерно". Может быть и г-н Бек-Юсуф, говоря о недомовитости каргопольских лаек, не подозревает, что беспечность и грубость хозяев заставляет этих гордых зверьков возвратиться к самостоятельной жизни и, по меньшей мере, искать лучшего житья. "Плохо досматриваемые хозяевами, голодные собаки ищут более сытых мест, кочуют и привыкают к бродяжничеству", - говорит г-н Бек-Юсуф.

Г-н Яблонский, говоря о тунгусской лайке, пишет:
"Хозяин кормит ее очень редко, да и то только зимой, а остальное время года собака, животное умное, сама добудет себе пищу в тайге".

То же самое пишет г-н Фокин о лайке Белозерского уезда Новгородской губернии. Г-н олонецкий губернатор в семидесятых годах писал ("Отчет Императорского Общества

правильной охоты") о карельско-олонецкой (Повенецкого уезда) лайке, что она "растет без малейшего со стороны хозяина пропитания, добывая себе пищу большей частью собственным промыслом". Вне всякого сомнения, что лайка, содержащаяся на свободе, не умрет с голоду, но из этого не следует, что ее можно содержать небрежно.

Надо помнить, что плохо содержащаяся лайка 1) становится бродячей; 2) делается добычей волков; 3) остается сытой от добычи - промысла своего в лесах Севера, тайги, где не действуют запретительные законы, где не бьют бродячих собак и т. д. (у нас в Европейской России бродячая лайка подвержена многим опасностям и бешенству от укуса бешеными собаками); 4) наконец, голодная бродячая лайка привыкает охотиться для себя, а не для хозяина, в ущерб некоторым особенностям и способностям.

Из литературных данных все-таки читатель увидит, что лучшие лайки и лучше сохранившиеся находятся там, где за ними лучше досматривают, как, например, сибирские, галицкие, вотяцкие и другие. Об олонецких мнения очень разноречивы, как и об архангельских. Сибиряки держат лаек при себе, вотяки запирают их, заботятся; заботятся о них также вогулы и зыряне (Тобольская губерния). У всех почти этих инородцев лайка содержится на мясном и рыбном корме, а в стужу пользуется теплом чума или юрты; да и зарыться в сугроб для лайки благоприятнее и теплее, нежели дрогнуть под амбаром на сквозняке в чистом и выметенном дворе. Из всего сказанного видно, что лучший корм для лаек мясной; он, безусловно, не вреден для щенят, но чрезвычайно полезен. От хорошего корма собака становится рослее и сильнее. Ей необходимо тепло и чистота помещения. Лучшая подстилка - сухая, чистая солома. От сена сильно разводятся блохи. Щенки, выросшие на земле и соломе, сами становятся чистоплотны; но если помет зимний и слабый, то придется поместить в людской, кучерской или даже кухне - щенки должны лежать на соломе и на ней должны оставлять свои первые нечистоты; иногда я около гнезда на крышку лубочного коробка велю насыпать землю, на которую в силу инстинкта влечет щенка, и когда солома и земля уберутся, щенок ищет их и пищит, чем дает знать, что его необходимо выпустить на двор; этим и владельцы обеспечены насчет чистоплотности. Избави боже, если щенок хоть раз попробует пачкать пол; тогда в раннем возрасте его трудно отучить, особенно зимой и когда он еще не умеет ходить по лестницам. Ту же систему я практикую со всеми породами; впрочем, лайки по природе чистоплотнее всех пород. Кстати сообщаю, что, как предупредительное средство слабым, Похудевшим и скучным на вид щенкам, я даю кофе с молоком и сахаром, что возбуждает кровообращение и пищеварение. Это хорошее предупредительное от чумы средство для щенят всех пород. Щенятам, предрасположенным к поносу, надо давать сырые яйца... Скучным подрастающим и взрослым собакам сейчас же даю касторового масла и, бог меня миловал, никаких других лекарств за десять лет я не употребляла, за исключением одного раза, когда призрела чумного щенка с улицы, не подозревая болезни. Хотя некоторые мои собаки и заразились тогда, но все выздоровели и вообще легко перенесли чуму, я глубоко убеждена, что чума есть результат недосмотра, антисанитарных и антигигиенических условий. Как голодные, так и загрязненные собаки одинаково чумеют.

Чума бывает и от недостатка мясного корма, свежего воздуха, чистой воды, моциона, а особенно от всего вместе взятого. И я не верю совершенно искренне ни в какие тайные причины чумы. Когда мы не смотрим сами за собаками, мы никогда и не знаем подробностей их житья-бытья. Я вхожу сама во все, сама наблюдаю и не верю наемникам. Но, к сожалению, не все имеют возможность смотреть за своими собаками... Впоследствии мне опыт подтвердил мое предположение. Нелишне упомянуть о том, что один доктор медицины, любитель собак, убежден, что чумы нет, а

есть тиф, воспаление легких, инфлюэнца, от которой надо лечить, как людей, что и делает.

Глава 4

НАТАСКА, ПРИТРАВЛИВАНИЕ ИОБУЧЕНИЕ.

Самое правильное - брать щенка на охоту с полугодового возраста. Лучше всего когда щенята обучаются при матери или с взрослой опытной собакой. Когда щенок первый раз отправляется на охоту, он должен знать свист своего хозяина, рог и выстрел. Изредка бывает, что щенки пугаются первого выстрела, если они до охоты его не слыхали. Свист и рог (трубу) они выучивают легко и скоро. К звуку выстрела можно хорошо приучить, когда щенки еще при матери. Хороший щенок обыкновенно сразу идет на все, то есть, если услышит или увидит птицу или зверя, то лаем дает о том знать хозяину, который и подходит бесшумно, насколько возможно. Охотник с лайкой только следит за ней и идет за ней, а не она за ним. В этом суть охоты. Конечно, охотник, доезжает или доходит до известных мест, подзывая собаку, а в месте, предназначенном для охоты, собака выбирает, в частности, места, далеко чуя и слыша дичь и зверя. Если щенок к какому-нибудь сорту дичи или зверя не особенно злобен, надо усерднее и чаще натравливать, особенно к еще теплой туше.

Я видела, как притравливают вотяки и черемисы. Они привязывают к теплой туше птицы или мелкого зверя шнурок, перекидывают через сук дерева и дергают за шнурок - тушка двигается, опускается и поднимается; на эту движущуюся тушку натравливают щенка, которого и без того занимает туша; он хочет ее достать, не может и тогда начинает сердиться и лаять. Затем ему дают съесть лапку зверька.

Видела я и такую картину. Это было в сентябре. На оголенной березе кормился выводок тетеревов, а под деревом раздавался какой-то подозрительный лай. Оказалось, что вотяк лает, кувыркается под деревом, а глупые тетерева его разглядывают; около вотяка мечется, суетится и не понимает, что ему надо делать, щенок. Я издали наблюдала картину. Вдруг вотяк, накувыркавшись, выстрелил, а тетерева снялись и собачонка с неистовым лаем кинулась за ними, а спустя несколько минут ее лай раздавался на одном месте сажен за сто. Бывает иногда, что щенок не сразу лает, но это не доказывает его неспособности. Некоторые идут сразу, другие через год. Может быть, судя по статье г-на Яшерова, сибиряки оттого раньше года или второй осени не берут лайку в лес. Молодую лайку нужно постоянно водить. Ей нужна практика, опыт: нужно показывать, притравливать. Конечно, все это в худшем случае. Если у охотника нет опытной лайки, то хорошо достать живых медвежат и натравливать щенят в возрасте не менее 10 месяцев, а то и года. На юбилейной выводке была фотография опытов натравливания взрослых лаек на большого привязанного медведя. И сразу брать на медведя в лес без опытной собаки, то от неосторожности и неопытности может пострадать не только собака, но и охотник. Если вы хотите, чтобы лайка лучше всего ходила на известного рода дичь, то, во-первых, надо вести ее до тех мест, где приблизительно дичь эта водится, чтобы собака не увлеклась дорогой чем-нибудь другим; во-вторых, как мной замечено, лайка больше всего пристращивается к тому, на что она впервые охотилась, что, прежде всего, при ней убито. Бывает же лучше собака идет на то, чего больше бьет ее хозяин. Если молодой щенок на что-нибудь залаял, то надо непременно идти и убить, чтобы не разочаровывать собаки. При охоте с лайкой от охотника требуется умение быстро и бесшумно подходить к птице или зверю на выстрел с подветренной стороны, то есть, чтобы ветер на вас дул, а не наоборот. Бывает и так, что лайка, не дождавшись охотника нагулявшись, ворочается к нему, повизгивает, выражает движениями нетерпение и желание снова идти куда, откуда она

пришла; тогда идите за ней, исполните ее желание непременно и исследуйте все вокруг. Быть может, зверь ушел, пока собака ходила за вами; в таком случае не следует отвлекать ее от поисков.
Надо наблюдать и изучать собаку в частностях, изучать спокойно и терпеливо, а, изучать, тогда будете понимать каждое ее движение. Уши и хвост лайки верно и определенно выражают ее настроение. Следует всегда помнить, что охота с лайкой - охота оригинальная, и подводить ее под мерку охоты с легавой или гончей невозможно. Здесь совсем особые приемы. Часто неопытные охотники не могут сразу увидать куницы или белки, даже рябчика и глухаря в густой хвое дерева и подозревают собаку в фальши. Птицу наугад легко согнать выстрелом; куница, а особенно белка так затаивается, что и выстрелом, пока не раните, трудно согнать. Вотяки и черемисы употребляют разные способы, но об этом после. Во всяком случае, зря отзывать собаку не следует.
Лайки очень легко сами собой усваивают некоторые приемы легавой. Они идут в воду, и сами вытаскивают добычу очень охотно. Зачуяв птицу, останавливаются, навострив, уши, и через мгновение делают громадный прыжок к месту нахождения дичи. Некоторые лайки "молча" стоят над птицей довольно долго. Впрочем, я в свое время вернусь к охоте с лайкой на птицу, а теперь скажу, что есть лайки, легко поддающиеся, известной доле дрессировки (при возможном отсутствии побоев). Один вотяк не мог отучить молодого щенка гонять зайцев, не мог, несмотря на старания; тогда он убил зайца из-под собаки и, крепко-накрепко привязав этого зайца ей на спину, взял собаку на сворку и повел домой. Это был последний заяц, которого она гнала: очевидно, ей не понравилось таскать зайцев на своей спине. Таким образом, инородцы действуют путем убеждения лайки опытом, а не механической дрессировкой.

Кроме вотяков и черемисов, так же поступают сибиряки. Чтобы лайка знала ямы, изготовленные зверей и умела бы их обходить, дают ей возможность побывать в этой яме, даже на целую ночь оставляют ее там (см. статью Яшерова в "Псовой и Ружейной Охоте"). Г-н Яшеров говорит, что в Сибири вся дрессировка состоит в том, чтобы приучить собаку ходить на поводке, обходить ямы и не воровать. Обучают со щенячьего возраста, а в тайгу берут со второй осени. Хотя побои не практикуются в Сибири, но способы обучения иногда дики, как и следует ожидать от тамошнего жителя. Если собака не идет в воду, ее преспокойно бросают. Вставляют; она же, навизжавшись, переплывает или остается на произвол судьбы. Впрочем, последнее относится к промысловой собаке, зверовые же лаки идут сами в воду. Если собака упрямо не идет на сворке, ее привязывают к хвосту смирной лошади, которая и тащит собаку, покуда последняя не покорится. Переночевавшую в яме собаку вытаскивают веревкой-удавкой, повторяя мучительные приемы несколько раз. Вот курс обучения сибирской лайки.

Замечателен у этих собак врожденный анонс, некоторыми сибирские охотники не пользуются, так сами они никогда не приспособляют к себе собак, а сами на охоте приспособляются к собаке" (статья Яшерова).

Советую на последнее сообщение обратить внимание. В этом весь смысл охоты с северной промысловой собакой лайкой. Не могу не сказать несколько слов о нелепом поверье, которое существует не только в Сибири, но и в России у инородцев, крестьян и вообще у некультурных охотников, что если собака не ищет, "не лает белку" или что другое, то надо отрубить ей хвост и тогда она будет "лаять". Если подобное, случайно, конечно, и бывало, то, во всяком случае, в сем обычае, кроме дикости и варварства, нет ничего. Кстати, и г-н Яшеров свидетельствует, что операция отрубания хвостов бывает безуспешна и не оправдывает поверья. Но зато обычай давать молодой лайке теплые

лапки свеже убитой дичины хорош: собака с злобной жадностью их ест и охотнее ищет снова. Но, опять-таки, есть лайки настолько горячие на охоте, что никогда ничего, даже хлеба не едят. Тунгусские лайки Енисейской губернии, очевидно, тупее байкальских и иркутских, хотя в охотничьем отношении их хвалят очень. Г-н Яблонский, описывая тунгусских лаек ("таежных"), сообщает следующее:

"Меня удивило однажды, что я, встретившись с тунгусом, отправляющимся промышлять, увидел всех его собак со связанными мордами подобием ременного намордника. Я спросил его об этом поразительном явлении и он объяснил мне, что это сделано нарочно для того, чтобы отучить собак с лаем бросаться на медведя. Я удивился еще более. Оказалось, что тунгусу, преследующему сохатого, сплошь и рядом приходится сталкиваться с медведем; собаки, питая к Мишеньке большую неприязнь, с лаем набрасываются на него и тем отпугивают еще дальше осторожного сохатого, что вовсе не входит в интересы их хозяина".

Бывает, что лайка идет на зверя не в первый год. Вот примеры обучения сибирских лаек. Теперь перейду к известиям о предмете обращения с лайками европейско-российских охотников-промышленников. Упомяну еще раз, что зырянская лайка не поддается дрессировке и не дрессируется. Охотник приноравливается к ней и идет ее следом. Лайка же с годового возраста сама идет на птицу и зверя по врожденному инстинкту. Князь А.А. Ширинский-Шихматов подтверждает неспособность к дрессировке зырянской лайки в своей монографии "Северные собаки". В статьях Белдыцкого ("Природа и Охота") об охоте на Чердынском Урале с лайками мы видим, что здесь собак бьют за каждую провинность, тем не менее, вишерская, чердынская и уральская лайки каждая имеет свою специальность, но не идут, подобно сибирским, карельским, вотяцким, черемисским и многим другим, на все. Г-н Белдыцкий негодует на такое обращение и называет его "бестолковым", и он, конечно, дрессировочного значения побоям не придает. По сведениям, данным г-ном Косыревым, помесь зырянской лайки с самоедской (Архангельская губерния) способна "к усвоению некоторой дрессировки", например, многие отлично понимают слова: "Ищи!", "Не тронь!" (убитой дичи), "Дай сюда!" (из воды) (Косырев в "Природе и Охоте"). Г-н Александров сообщает об "отлично дрессированных" лайках олонецких г-на Архипова в Рыбинском уезде, Ярославской губернии ("Охотничья Газета"): "По рассказам сведущих охотников, дрессировка и натаска архиповских лаек были изумительны: они понимали каждое слово, каждое движение хозяина".

Г-н Бек-Юсуф говорит об олонецко-каргопольской лайке, что редкая лайка или, вернее, собака из породы лаек не способна к охоте, но способность ее еще развивается и воспитанием. Лайка же, удерживая за собой кровь, идет хорошо на всякую дичь и всякого зверя... "Лайки воспитанные (курсив мой, М.Д.-С.) ведут себя на охоте, как хорошо выдрессированные легаши".

Вот что пишет олонецкий губернатор об олонецко-карельской лайке Повенецкого уезда:

"Из охотничьих животных заслуживают полного внимания образованных охотников карельские собаки, так называемые "лайки". Лучшими из них считаются находящиеся на севере губернии в Повенецком уезде, где во многих волостях можно считать на каждую семью из трех мужчин по одному охотнику. Дремучие леса, сделавшиеся предметом эксплуатации лесопромышленников в недавние еще годы, изобилие лесных пород - сосны и ели, дающих пропитание лесной птице, наконец, скудное хлебопашество и отсутствие других промыслов - издавна развили в местном населении

стремление к охоте. Повенецкие крестьяне считаются лучшими стрелками и бьют белку и рябчика на вершине мачтового дерева из винтовок пулькой, которая немного больше крупной дроби, и при этом нередко попадают в мордочку или глаз белки, чтобы не испортить шкуры. Исстари между повещецкими охотниками распространены и самодельные винтовки, приготовляемые местными кузнецами и отличающиеся верностью выстрела и дальним полетом пули, но неудобные по своим кремневым дамкам, со старинным простым механизмом. Дичь и мелкого зверя бьют малопульными, а крупного -большепульными винтовками".

"Для повенецкого охотника собака лайка так же дорога, как лошадь для хлебопашца. Она умная спутница его в лесах при охоте за птицами, которых отыскивает с удивительным чутьем, и верная спасительница хозяина при нечаянной встрече с медведем. Нередко бывали случаи, когда охотник, отправившись за дичью, попадал на медведя почти безоружный: зверь бросался на охотника, сминал его под собой, но верная лайка, нападая на медведя, всегда спасала хозяина".

"Обладая неимоверно ТОНКИМ чутьем, сметливостью, храбростью и неутомимостью, лайки облаивают глухарей, тетеревов и белок с утонченной хитростью в пользу охотника, гоняют голосом оленя, лисицу, куницу и зайца; отыскивают медвежью берлогу и в случае нападения с удивительной ловкостью и смелостью останавливают зверя, чтобы дать возможность охотнику совладать с ним; идут в самую бурную воду за утками и ныряют за ними. Все эти достоинства, соединенные в животном, которое растет без малейшего со стороны хозяина пропитания, добывая пищу себе большей частью собственным промыслом, и по наступлении годичного возраста и без предварительного натаскивания делается совершенно годным к охоте, должны бы, кажется, привлечь на карельских лаек внимание покровителей охоты. Поэтому нельзя не удивляться, что карельские лайки при столь отличных качествах остаются в неизвестности между русскими охотниками лесистой полосы Империи, несмотря даже на пример царской псарни, для которой ежегодно выводят отсюда местных духовых собак этой породы. К сожалению, врагами лаек нередко служат волки, уничтожающие их в лесах во время охоты или даже и в самых деревнях. С другой стороны, эта редкая порода духовых собак уменьшается вследствие смеси с породой, не имеющей таких качеств. Для охранения духовых собак от волков, которые наносят большой вред, могли бы послужить поощрительные меры к истреблению этих хищников. Правильному же размножению карельских духовых собак может содействовать как усиленный спрос на них правильно существующих охотничьих псарен, так и назначение премий крестьянам за воспитание лаек".

"Позволю себе присовокупить, что Общество своим покровительством и содействием к развитию шильной охоты и рационального воспитания карельских духовых собак принесло бы существенную пользу Олонецкому краю".

Из сего донесения мы видим, что:

1) местные лайки идут на все без предварительной натаски и дрессировки;

2) приносимой ими пользе администрация края дает огромное экономическое значение для края;

3) местная лайка растет без присмотра и пропитания со стороны хозяина;

4) а потому, как видно, она мешается с другими видами, исчезает, и поддержание

породы со стороны становится необходимым.

Из собранных мной и приведенных здесь сведений, разбросанных по охотничьим журналам в период многих лет, читатель увидит, что приемы в обращении с лайкой различны в различных местностях, где водится эта порода собак. Все зависит условий жизни, от характера промышленника. Различны и результаты, различны и достоинства.

В заключение я позволю себе просить разрешения читателя привести несколько сообщений о системе воспитания лайки лично мной в моем питомнике.

1) Прежде всего я забочусь, чтобы собаки были здоровы;
2) Чтобы у них была чистая свежая подстилка;
3) Чистая холодная вода;
4) Воздух;
5) Моцион;
6) Не бью их и не позволяю бить;
7) Не дрессирую, но воспитываю сама, не признавая ни псарей, ни егерей, так как страстно люблю собак, а лаек в особенности.

Месячные щенки отлично знают мой голос. Взрослые собаки знают интонацию моего голоса. Собаки часто и подолгу находятся в обществе людей; по очереди я всюду беру их с собой. Каждый день я провожу по несколько часов среди них во дворе, в доме, где придется. Я усаживаюсь и разговариваю с ними. Каждое слово сопровождает известное действие, а потому годовалая собака знает целый лексикон человеческой речи. Например: "Собаки, обедать! Собаки, гулять! На охоту пойдем! Ты - дома! Лежать! Назад! Тут-тут! Домой! Собаки, сюда! Нельзя! Запрягать лошадей! Ехать! Собаки дома! Не смей! Улю-лю! Собаки, спать! Собаки, кошка, мышь, заяц!" и т. д. В одно время вороны повадились слетаться к собачьему обеду; но так как корм обыкновенно остается, то вороны пожирали его, а я каждый день, увидав ворон, повторяла: "Собаки, вороны едят ваш корм. Возьмите их!" Собаки так хорошо усвоили смысл этой фразы, что, спустя год и не видав ворон, они отлично помнят ее, и если крикнуть: "Собаки, вороны!", то они бегут со всех сторон и заглядывают на крыши и деревья и т. д. Всего привести невозможно.

Вообще таким путем лайку можно довести до сознательного понимания, что от нее требуют. Например, непослушную, убегающую собаку стоит раза два поводить на поводке, постоянно повторяя "Назад!", и она прекрасно поймет, что от нее требуют.

Также в лесу. Молодой щенок первый раз в лесу, если его поставить на заячий свежий след и сказать "Усь его!" - щенок сразу пойдет по следу. Если показывать на дерево щенку и говорить "Тут!", он уже сам начинает засматривать на деревья и, если что услышит, залает. Когда щенки идут со старой собакой, то повторяют все, что она ни делает. И когда я убеждаюсь, что щенок кое-что смекнул, я доставляю его самому себе.

По чернотропу, если я долго не слышу лая, я щенка отзываю рогом, сообразуясь со временем и расстоянием, чтобы рог он мог услыхать, если по моему рассуждению я уже не могу слышать его лая. Все это зависит собственного навыка, от опыта, сноровки, расточения местности, паратости и темперамента собаки, ее повадки. По снегу же я иду ее следом или сокращаю ее след (сокращаю петли), если она много напетляла, и предоставляю себя ей, то есть приноравливаюсь к собаке и не отзываю ее.

Надо отметить две особенности лайки: часто становится ее специальностью то, что вы

убили, когда первый раз на охоте. Каждое ее движение осмыслено, умышленно. Чтобы до тонкостей понимать охоту с лайкой, надо понимать и знать каждое желание своей собаки. Надо изучать ее, заниматься с ней. Надо быть внимательным к ней, как внимательны инородцы и промышленники, наблюдающие даже, за выражением глаз своей собаки. У каждой лайки в деталях свои приемы. Например, Серко, причуя белку, не подходит вплотную к дереву до прихода а, а визжит и лает отступя сажени две, поэтому охотнику надо подойти и поощрить собаку, которая и поведет его дальше. Шарик, наоборот, прежде чем лаять, ощетинившись обойдет несколько ближайших деревьев, обнюхает основания их и, выбрав дерево, садится перед ним и начинает свое отрывистое "гам-гам! гам-гам!" Третья собака пляшет, рвет сучья под деревом, прыгает, неистовствует, но это уже недостаток.

К такой собаке надо торопиться. В первом случае Серко руководствуется слухом и притом осторожен, а Шарик основателен, проверяет слух чутьем и уже упорно, уверенно лает на месте. Эти приемы у них врожденные. Одна собака "идет грядой" (техническое выражение) за зверем и птицей, то есть когда зверь идет вершинами леса, то собака бежит за ним и все время лает. Другая, заприметив направление улетавшей птицы или ушедшего зверя, с беспокойством повизгивая, бежит к хозяину и ведет его куда следует. Одна собака, найдя нору, бежит к вам и ведет вас, другая лает все время у входа в нору, ожидая охотника, а третья еще роет нору, лезет туда; словом, у каждой разновидности, как и у каждой собаки, есть свои особенности, своя повадка. Господа охотники, мечтающие и желающие переделать чистокровную лайку "на манер" легавой и требовать того же, что проделывает легавая, будут только бесполезно тратить время и портить собаку. О способах и приемах охоты с лайкой на птицу и зверя будет говориться в соответствующей главе.

Чтобы охота с лайкой была интересна и добычлива, надо и охотнику выработать из себя нечто соответствующее. Уменье быстро и бесшумно подходить к добыче, особенно уменье ее разглядывать - необходимы.

Почти всё неопытные охотники с лайкой не скоро научаются разглядывать белку, куницу, даже тетерева и глухаря, притаившихся в хвое, и они очень сваливают свою вину на собак, воображая, что "Врет". Даже берлогу неопытный глаз не сразу увидит, если собака лает на нее, не подходя вплотную. Часто бывает, что собака, бросая след, идет чутьем, зрением, слухом - и это также сбивает, особенно зимой, неопытного охотника. Не надо лениться ходить, зря отзывать собак, сбивать их. Надо, чтобы собака верила, что ее действия не напрасны, что охотник придет к ней; надо, чтобы и охотник понимал собаку, верил ей и не жалел ног.

Уши и хвост лаек обнаруживают ее настроение, особенно уши, которые постоянно в движении: то она их усиленно навостривает, то прижимает; одним словом, часто изменяет их положение. В спокойном состоянии лайка держит их обыкновенно "стоймя". Также и хвост. Например, зачуяв медведя, многие лайки сначала щетинятся, поджимают хвост и нервно ворчат, а потом наступая, нервно лают. Уши то прижимают, то возбуждённо настораживают. Зайца гонят, заложив уши и большей частью распустив хвост. Лай собаки тоже разнообразен. Охотник заранее знает, на что лает собака. Интонация лая должна быть изучена охотником, так как он должен знать, что нашла его собака, ибо всякий зверь и птица требуют различных приемов. Чем чаще на охоте бывает хозяин, тем скорее и лучше натаскивается и притравливается его лайка. Лучше реже трубить, но чаще посвистывать, чтобы собака тоже могла ориентироваться.

Труба может повредить там, где есть лоси, олени, козы и т. п. Охотник с лайкой также

невольно изучает и даже должен изучать образ жизни и привычки зверя и птицы, на которых идет его собака. Все это тесно-тесно связано между собой и особенно важно, когда лайка идет "по слуху".

Требования к лайке в различных местностях предъявляются, как мы видели, различные. Это зависит от местных условий, личности, качеств и охотника, и, сообразно со всем этим, вырабатывается и разновидность породы лайки: промысловой, зверовой, то есть идущей специально только на крупного зверя, гончей, ищейки и проч., и проч. Например, из статьи С. Подставина видно, что в Енисейской губернии в Туруханском крае лаек употребляют только тогда, когда есть наст, то есть в феврале и марте. В губерниях Олонецкой, Костромской, Вятской и др. охотятся круглый год, то есть и по чернотропу, а в иных местах с лайкой охотятся (только с выпадением снега). В Пермской губернии (по Белдыцкому) одни приемы охоты на лосей с лайкой, а в Сибири (по Яшерову, Лобачевскому и др.) иные. В Тобольской губернии и других для оленевода лайка - пастух, и он ее воспитывает, как пастушью собаку, в других лайка - рабочее животное. Оленегонные лайки самоедов - отличные охотничьи собаки по разным зверям и птице. Специально ездовые собаки обыкновенно хорошо идут за копытными.

Я даже отказываюсь решить, где кончается перечень требований к этой собаке, и какие она отказывается выполнять... Даже в вопросе выбора породы для войсковой собаки - большинство за лайку и помеси. Я совершенно согласна с г-ном Бек-Юсуфом, что лайка должна быть воспитана лаской и твердостью воли, а не побоями, прибавлю я, присоединяясь к гг. Яшерову, Поплавскому и др. Еще раз повторяю, что способов охоты с лайкой коснусь в следующих главах и читатель увидит, что можно выработать из этой породы при умении и терпении.

За это время я продолжала неусыпно следить за литературой о северных собаках и сама посетила многие отдаленные местности. Жизнь идет вперед; многое изменяется, многое пополняется. Таким образом пополнилась и литература о лайках, в которой мы почерпнули новые сведения о воспитании, содержании и охоте с лайками в различных местностях. Сведениями я делилась постепенно и на страницах охотничьих журналов, что является пополнением к настоящему труду. Например,

"Охотничий Вестник":
1. "Ловчие лайки".
2. "Охота на барсука".
"Природа и Охота" и "Охотничья Газета":
1. "Лайка колымская".
2 "Лайка вилюйская".
3. "Лайка якутская".

Готовлю монографию:
а) "Гиляцкая лайка";
б) "Собаки гольдов и орочон";
в) "Ездовые собаки".

Систематизация материала даст большой труд. Вообще монография лаек будет очень обширный труд.

Глава 5. Охота по зверю.

Лайка употребляется для охоты на следующих хищных зверей: медведя, барсука,

куницу, рысь, росомаху, соболя, горностая, ласку, выдру и др. мелких пушных зверьков. Реже охотятся с лайкой по лисицам - по ним охотятся в Якутской области, в Томской губернии, а по волку - колымчане и киргизы. За исключением гг. Огильви и Иохельсона, мы подробных сведений об этой охоте в литературе не имеем. С лайкой охотятся на грызунов и травоядных: лося, оленя, козу, а также на кабанов, дикого барана и кабаргу. Есть лайки, идущие за тигром.

Охота на медведя с лайкой производится различно. Собака отлично понимает всю серьезность и опасность охоты на этого зверя, а потому далеко не все, как мы уже видели, лайки идут на него, особенно сразу. Молодые часто выказывают спервоначала некоторую сдержанность и осторожность. Промысловые, например, то есть приспособленные исключительно для охоты по птице и мелкому зверю (в Сибири) берут медведя не иначе, как вдвоем - втроем. Назначение лайки при охоте на медведя троякое: во-первых, они отыскивают берлоги; во-вторых, задерживают раненого зверя после выстрела; в-третьих, во время охоты на медведя облавой гонят его голосом, побудив его в берлоге. Но в Сибири по чернотропу на медведя с лайками охотятся вдогон верхом на лошади и на оленях.

Большинство промышленников только требуют от лайки, чтобы она как по белотропу, так и по чернотропу указывала берлогу, и тем ее роль кончается. Охотник в сопровождении собаки ходит по лесу; по местам, которые наиболее любимы Мишенькой. Собака, отыскав берлогу, облаивает ее, но она не должна лезть в берлогу. Хорошая собака облаивает, не подходя вплотную. От лая медведь не встает. Надо, чтобы лайка не была очень горяча и молода, а то если она кинется к берлоге и побудит медведя, то по чернотропу уже трудно проследить где он, и медведь снова заляжет, особенно если сухо и нет следа; по снегу же, конечно, легче найти новое логово, но и то промышленнику много новых хлопот. Когда лайка найдет берлогу, охотник замечает ее и возвращается, а затем уже один или с товарищем идет бить его, оставив собаку дома. Это самое обыкновенное употребление лайки для охоты на медведя. Очень редко, охотясь на берлоге, пускают лайку будить зверя. Это опасно и довольно бесполезно. Опасно потому что охотник легко может убить собаку, а если будет думать о ней, может промахнуться и осложнить дело, так как часто собака заслоняет собой отверстие и значительную часть показывающейся туши; к тому, что собака щиплет и удерживает медведя, почему редко бывает удобно целить. Даже опытные охотники делают промахи. Чаще всего собак держат на сворках до выстрела, а если медведь уходит или лезет драться, то собаку моментально спускают и она его останавливает. В такой охоте обыкновенно участвует двое-трое. Берлоги отыскивает всякая лайка, и для охоты второго рода нужна притравленная, опытная собака. В одиночку останавливают медведя далеко не все лайки, да и то очень опытные. Обыкновенно берут для этой охоты двух-трех.

При охоте вдогон роль лаек - преследовать, догнать и остановить медведя, давая знать хозяину голосом. Преследуемый лайками медведь спешит забраться на дерево, а собаки не дают ему спуститься, дока не явится охотник.

То же говорит г-н Яшеров о промысловых лайках. Лучше всего молодые собаки притравливаются при опытных; хорошо, если кто имеет возможность достать медвежонка и изредка, раз, два, три, смотря по собаке, натравливать, но не позволять осваиваться и играть с медвежатами. Если все это невозможно, то не надо упускать случая притравить на теплую тушу, дать крови, мяса. Все это, конечно, в худшем случае. Почти все лайки идут на медведя, но не все идут в одиночку и далеко не всякая идет сразу. Известно, что хорошие стрелки часто убивают собак, что видно из печати.

Некоторые осваиваются на вторую, третью осень, вообще погодовав. Вообще щенят не берут на медведя. Сибиряки раньше года или двух тоже не берут собак на зверя, так как только к этому времени крепнет собака и начинает надеяться на свою силу и ловкость. Собака, хорошо притравленная к медведю, не требует особой натаски для охоты облавой, но непритравленную наганивать труднее, то есть, нужна практика постоянной охоты, опыта для развития вязкости и злобы. Последнее тоже в худшем случае, а в лучшем, то есть очень часто собака гонит медведя сразу.

Вот что говорят охотники на медведя с лайкой ("Журнал Охоты" за 1876 г.): "Охотясь на медведя в Олонецкой губернии, позволяют собакам по чутью отыскивать логово, а догонять вспугнутого не пускают". Ныне в Пудожском уезде той же губернии (в "Охотничьей Газете" статья Ярошевича) лайки на медведей не ходят и медведей почти не бьют. Князь Ширинский-Шихматов говорит о разновидностях I группы лаек (зырянская, финно-карельская, вогульская, черемисская, остяцкая, тунгусская, норвежская, галицкая, костромская, вотяцкая и бурятская), что лайка облаивает, коль скоро ей удастся найти медведя, сохатого, оленя, рысь, росомаху, куницу, соболя или белку. Если зверь тронется, лайка преследует его и, замучив гоном и хватками за наиболее чувствительные места, заставляет зверя остановиться. Ее лай и шум призывают на помощь хозяина. Вышеприведенным качеством обладают, однако, не все разновидности обширной группы северных собак. Существовало убеждение, что все представители II-ой группы (лапландские, самоедские собаки юкагиров, коряков и камчатские ездовые собаки) не лают вовсе, а лишь хрипло и коротко воют. Это явление, впрочем, замечалось только на Дальнем Севере. Та же самоедская собака, которую можно слышать лишь воющую на берегу Ледовитого океана, попав в руки к остяку или вогулу и привыкнув к лесу, начинает не только лаять, но и подлаивать всякого зверя и птицу. Побывав на Дальнем Востоке в Якутской, Приморской и других областях, я нигде не видала собак, не умеющих лаять. Может быть это перерождение? Что касается самоедских собак, то это даже большие любители полаять. Да и вообще всякая лайка делается тем, чем ее делает хозяин. В Пермской губернии, по свидетельству г-на Белдыцкого, лайка гонит медведя голосом, "получше любой гончей". На Южном Урале лайки спускаются за раненым зверем. В Вятской губернии и иных местах употребляются для отыскивания берлог, в иных - для "постановки" раненого зверя. В Сааанской губернии черемисы спускают за раненым зверем. В Сибири, по единогласным показаниям охотников, лайки отыскивают, гонят и останавливают зверя во всякое время года. Даже кое-где бывают садки на медведя; собаки и медведь состязаются В единоборстве (статья Яшерова). Таким образом, употребление собак для медвежьих охот различно и зависит от требований местных условий и вкусов охотников. Но плохому стрелку спускать лайку на берлогу, будить зверя никогда не следует, да и из обширной охотничьей литературы мы почти не видим случаев, чтобы при охоте промышленников на берлоге лайки будили зверя. В Сибири лайки стайкой держат медведя на месте до прихода хозяина и не дают ему ходу. Лай на медведя похож на лай на чужую скотину, на человека; вообще по зверю - редкий. Специально зверовая сибирская собака уходит далеко от хозяина и ее отыскивают иногда даже на третий день (статья Яшерова). В Восточной Сибири также охотятся на медведя с лайкой, догоняя на лошади.

Охота по лосю (на сохатого). По лосю лайка идет почти сразу, хотя, конечно, сначала не так вязко, как впоследствии. Охота на лосей с лайкой так же разнообразна, как и на медведя. Во-первых, лайка употребляется для разыскивания лосей, когда нет пороши, нет следа. Роль лайки при охоте на лосей крайне разнообразна и не подводится под общую мерку. В разных местностях от нее требуется разное. Чтобы лайка была вязка и

злобна по лосю, охотник, взяв молодую собаку с собой, должен идти и наганивать ее, как гончую, натравливать, не бросать следа и постараться убить лося. Если первая охота будет удачна, лайка сразу пойдет, как гончая. В некоторых местностях предпочитают, чтобы лайка голосом не гнала, а лаяла бы, лишь остановив зверя. Лайка Пестерик делал круг в 35 верст и пригнал в то место, где взял лося.

Лосям, оленям, как и многим другим, свойственна привычка возвращаться на то место, откуда тронулись. У лосей есть в каждой местности любимые места и известные лазы; охотник, знакомый с местностью, может заранее знать, куда пойдут лоси и скрадывать их. Такая охота интересна в сентябре и октябре, особенно, где леса устроены и разделены на мелкие делянки, где чернолесье чередуется с вырубами. Несколько лаек легко задерживают лося и дают возможность подойти. На севере Пермской губернии лайки употребляются для охоты на лосей двояко. 1) Хозяин идет вперед, зная лосиные места, приблизительно имея след, следом, а собака следует за ним; когда лоси найдены, собака сейчас же их держит, "становит", пока не убьет хозяин; догоняет и останавливает раненых. 2) Идет вишерец на лыжах вперед тихо, плавно, уверенно, за ним по лыжнице семенит ножками его добрая верная собака. Но вот находит он давно желанный след - след лося. Притаив дыхание, идет охотник по следу до затопи. Стойбище, затопь - это постоянное местопребывание лосей на Севере, а по-нашему - излюбленное место для жировки, лежбище.

Признаком служит множество следов, и тогда охотник осторожно крадется вперед.

Замечательно, что собака его, подняв уши и отбивая дробь передними ножками, что означает у вишерских собак величайшую внутреннюю тревогу, не бросается вперед, не визжит, но идет позади, барабаня от нетерпения по лыжнице ножками. Но вот на площадке показались звери (странно, что вишерец лося иначе не называет, как "зверь"). Мигом прикладывается ружье (турки) к плечу, раздается выстрел - и бык валится. Тотчас после выстрела выскакивает собака на тор и пошла "завихоривать": то рвет теленка, то лает на матку (бык уже убит первым). В это время охотник быстро заряжает ружье, не сходя с места, не сделавши даже шагу с того места, откуда был сделан выстрел, хотя глаза его горят страстью и выражают высшую степень возбуждения. Но вот ружье заряжено; собака лает на одном месте, значит - постановила зверя.

Вишерец быстро двигается вперед и, проходя мимо лося, бьющегося в предсмертных судорогах, мигом выхватывает из-за пояса топор, ударяет животное обухом в лоб и, таким образом покончив с ним, несется на лыжах на лай собаки. Таким образом из хорошо утоптанной затопи лоси выгоняются в рыхлый снег, где их движения очень стеснены, и собака их легко останавливает и задерживает, изворачиваясь от ударов быка-лося. Лоси, разогнанные выстрелом, рассыпаются в разные стороны, и их легко добывает по очереди промышленник с лайкой. Эта охота описана г-ном Белдыцким в семидесятых годах в "Природе и Охоте".

По насту охота облегчается и упрощается. Лайка бегает всюду, ищет следы и легко останавливает и загонивает лося. Собака гонит зверя лаем, как гончая, а охотник мастерит, скрадывает (по насту большей частью). В Сибири же лайка уходит отыскивать зверя (лося, сохатого) самостоятельно, причем исчезает на день, два и три, найдя же, возвращается к хозяину и особыми движениями безмолвно дает знать, что нашла становище. Затем идет молча и молча же ждет выстрела, а уже после кидается с лаем за уходящими и гонит их голосом, пока не "постановит", даже и десятки верст (см. Лобачевский, Яшеров, Яблонский и др.). Но лайка должна знать, что хозяин идет за ней по следу и не бросит ее. То же и летом. В Вятской губернии у других лайки

разыскивают и останавливают раненых. Здесь, как и в других губерниях, по чернотропу ведут собаку на своре и идут куда она тянет, и таким образом находят зверя. В Ярославской губернии г-н Архипов олонецких собак употреблял двояко:

1) останавливать раненого и
2) отыскивать стреляного, если он успевал скрыться после выстрела.

Тунгусы завязывают морды своим собакам, когда идут на лося, чтобы не лаяли. Это доказывает, что тунгусская лайка Енисейской губернии хуже сибирских других мест.

Г-н Поплавский, охотящийся на лосей псковским способом, преимущественно употреблял вятских лаек для предварительного разыскивания стойбищ, особенно, если нет следа, пороши. Излюбленная охота инородцев - это загонять лосей собаками по насту. Но новый закон запретил весеннюю охоту на лосей. Самоеды в лесах догоняют лося на оленьих нартах, пока их не остановит собака.
Если лаек несколько, то одна идет за хозяином, другие "держат" зверя. Такова была знаменитая лайка Кистра, кровь которой сохранилась в жилах собак заводов гг. Пидороги и Поплавского. Пестрог, описанный мной, делал за лосем громадные круги, не оставляя его.

Употребление лайки на лосей, как гончей, по чернотропу - охота малодобычливая, особенно в глухих лесах, так как лоси делают огромные круги. Эта охота доступна промышленнику и инородцу, людям (привычным и опытным). Лось идет скоро, часто по проходимым местам. Для обыкновенного охотника лайка может принести пользу, отыскав стойбище, остановив раненого. Это делает даже не притравленная, не натасканная лайка. Во время облавы Лайка, должна быть на привязи около хозяина, а спускать ее необходимо тотчас после выстрела. Однако я знаю интеллигентных охотников, берущих стада лосей по днотропу.

Охота с лайкой на кабаргу состоит в том, что охотник, зная вершины ключиков и речек, где держится кабарга, запускает туда собак, а затем спешит сам к "стойкам", на которые собака загонит кабаргу, мастерит, руководствуясь лаем собаки. Часто идут вдвоем: один заводит собаку, а другой мастерит.

Охота на кабаргу легче и доступнее, чем это принято думать, особенно где ее много, как в Якутской области, на Патомском нагорье и на Пилинге о. Сада.

Собаки выслеживают оленя по следам без лая и после выстрела гонят голосом. В Олонецкой губернии ("Журнал Охоты") по чернотропу берут собаку на сворку и идут, куда она тянет. Выслеживают следами; после выстрела лайка останавливает, задерживает; зимой по насту. В Сибири на оленя охотятся так же, но не водя лайки до зверя на сворке.

Изюбра лайка ставит на отстой. Ставить на отстой - это значить гнать зверя до того, что он по свойственной привычке забирается в места, откуда нет возврата. Лайка не дает возможности вернуться до прихода охотника. Это большей частью отвесные скалы,""стойки", колонны на берегу речек, пропастей.

По козам охота почти не отличается от предыдущих. Козу лайка хорошо гоняет голосом, даже догоняет и давит.

Охота на горных баранов та же, что на изюбра.

По кабанам приемы те же, что и по лосям. Охота на кабана описана г-ном Яшеровым. Впрочем, по кабанам с лайкой охотятся только в Сибири, а в иных местах либо кабанов нет, либо лаек. И это очень жаль: охота на кабанов с хорошо притравленными лайками могла бы быть добычлива в Западном крае. У лаек в крови большая враждебность к свиньям, они охотно притравливаются к кабанам. Лайка гонит голосом, как гончая, или лает, уже остановивши.

Охота на рысь с лайкой состоит в том, что лайки находят ее по следу или верхним чутьем, слухом в завалах, буреломах, на дереве, притаившейся в густой хвое гигантской ели или пихты, или же заганивают ее на дерево и лают, чем дают знать хозяину. Едва ли найдется лайка, которая не пойдет сразу на рысь. Раненая рысь иногда бросается на собаку, но лайка может увернуться, если опытна. Когда собака лает на рысь, то привлекает к себе все внимание зверя, и охотник подходит незамеченным. Хотя раненая рысь и опасна для собак, но чаще приходится стрелять сидячую, а потому достаточно шансов убить ее наповал. На рысь идут все лайки, кроме пудожских и новгородских. Сибирские лайки продерживают рысей на дереве целые ночи (Яшеров).

На росомаху та же охота, что и на рысь, то есть по следу гонят голосом, что труднее для охотника, или держат на дереве. На рысь и росомаху без лаек почти не охотятся, даже когда ставят капканы.

Присутствие куницы в дупле дерева лайка узнает слухом и чутьем, бродя с хозяином по лесу. Охота на куницу описана подробно в "Нашей Охоте" и в других журналах, кто интересуется специально этой охотой и желает изучить ее. ("Охотничий Вестник").

Как только услышит лайка куницу на дереве, сейчас же начинает лаять, а куница или сидит, или разглядывает собаку, ножа удачный выстрел не кончит ее существования, шли она отправится в путь по вершинам деревьев, а лайка идет с лаем за ней до ее новой остановки; охотник, конечно, спешит на лай, куница долго выдерживает на месте лай собаки. Собака лает и по следу куницы, загоняет ее на дерево или ловит сама.

На всех этих зверей одинаково интересно охотиться и по чернотропу, если для охотника летняя и августовская шкуры нее имеют значения. Вообще охота с лайкой на куницу доступна, удобна и представляет развлечение во' время прогулки. На колонки охота та же.

Охота на белку и бурундука та же, что и на куницу, но белка крепче сидит и даже раненая старается остаться на дереве. Промышленники ходят на белку вдвоем, то есть берут с собой подростка с топором. Если белку трудно разглядеть в хвое дерева, около которого неистовствует "собака, то стучат топором по дереву, чтобы белка сделала движение и выдала себя. Если это не помогает, то вырубают жердь и, приставя ее к стволу нижним концом, верхним с размаху ударяют по дереву. Жердь приводит ствол и ветви в движение, и белка обнаруживает себя. Но когда мертвая или тяжело раненая, она остается на ветвях, то охотник лезет на дерево за ней, а инородцы же, чтобы взять белку, срубить дерево. Но, чаще белка обнаруживает себя при ударах. Охота по чернотропу и снегу одинаково добычлива, легка и интересна. На белку идут лайки, на куницу, сразу. Охота с костромской лайкой наглядно описана г-ном Эрнстом.

Считаю нелишним привести здесь это описание:
Выйдя на свежий след, она опускает свой пушистый хвост, взъерошивает шерсть и потом уже, заложив ушки, скачками, наподобие борзой, молча мчится к цели, и уже

через минуту звонко раздается вдруг ее лай; если по птице - ровный, однотонный, если по пушному зверьку - то более резкий, и далеко слышно, как ломаются сучья в острых зубах. То она подпрыгивает или вертится вокруг ствола дерева, то, злобно рыча и лая, начинает грызть и ломать ближайшие к ней сучья, забирается, обыкновенно, на самую маковку по преимуществу больших елей и твердо засев у ствола".

Охотнику приходится постукать о ствол обухом топора, чтобы она пошевелилась или пошла (и этого бывает иногда недостаточно: тогда выбирает жердевую ель, очистив ее от сучьев, и приставляет к стволу дерева, на котором запала белка, и ударяют о ствол; конец ели начинает дрожать, и обеспокоенная белка после третьего, а чаще первого удара перебирается на соседние ели. Только она двинулась, собака тоже скачками переходит от дерева к дереву, хотя бы белка шла по самым вершинам; охотнику тогда уже легко следить за белкой и убить на одном из переходов... Почти такова же охота на куницу, только значительно потруднее, да куниц и мало, сравнительно с белками. Разница в том, что куница бродит по земле по ночам, а на день забирается в дупла гнилых деревьев или к пчелам, до которых она большая охотница, или западает на деревьях. Часто в долгую зимнюю ночь она набродит столько верст, что охотнику за день не разобраться. Счастье его, если собака попадет на утренний след, - тогда довести до дерева, где залегла куница, согнать и убить ее удается скоро; но чаще промышленники по несколько дней ходят за одной и той же. Мне лично не приходилось испытывать таких трудностей охоты за куницей. Вероятно, местные условия были другие. Например, в Осинском уезде Пермской губернии, в Вятском, Симбирском - не бродят куницы так много. В Казанской губернии, в некоторых небольших дубовых островах, при овражистой местности куница ходит очень мало, а в других мешают добычливой охоте старые голые дуплистые дубы, на которые охотнику нет возможности как влезть, так и выгнать из высокого дупла куницу, даже белку.

"Во время половодья, ранней весной, начинается охота на выдр по берегам рек; но эта охота доступна не всем промышленникам, а только более ловким стрелкам и обладающим хорошими собаками. Как я уже и говорил, лай промысловой собаки для привычного уха разнообразен; особенно по лосю и медведю лают злобнее и резче. Часто по этим зверям лайки идет не по следу, а верхом, как гончая, вероятно, Благодаря особенно сильному запаху зверя. По следу медведя она никогда не бросается сразу, а долгое время подводит, обнюхивая все сучки и стволы деревья, шея ощетинившись с опущенным хвостом, и потом уже, как бы измерив расстояние, бросается с лаем и страшной злобой и начинает щипать и крутить зверя, в полном смысле этого слова; но это, надо заметить, что только при том условии, когда две собаки и обе схожены. Слышал я даже и о том, что есть такие собаки, которые в одиночку останавливают медведя; но я, признаться, не верю, чтобы это было возможно, хотя быстрота и злоба этих маленьких бесенят положительно не поддаются описанию. На берлогах охотятся с ними, как и всегда, держа у ног до выхода зверя, и лишь в нужде спускают со своры, хотя промышленники иногда собаками вы гоняют зверя".

Об охоте с лайками на выдр сообщает и г-н Бек-Юсуф в "Природе и Охоте", и я считаю не лишним, чтобы лучше ориентироваться молодым охотникам, привести его показания ("Природа и Охота".):

"Не безынтересна охота с лайкой на выдр. Надо заметить, что в последнее время, как это ни странно для страны, где почти все население, включительно и женщин, занимается промыслом, не признавая никаких законов и гуманных начал, на всякую дичь и зверя, так и при таких условиях, прирост выдр значительно увеличился; водятся они не в одних мелких, но и в глубоких реках. Охотятся на них во всякое время года,

как и на всякую дичь и зверя, как уж я сказал; но интересна охота тогда, когда только что реки покроются тонким прозрачным льдом, едва сдерживающим человека. Отыскав резиденцию выдры, промышленники перегораживают кольями реку выше и ниже местопомещения выдры; около изгородей прорубают проруби и затем с помощью лайки начинают беспокоить зверя, видного во всех движениях сквозь хрустальную массу льда. Выдра старается выскочить в свои отдушины, но обязанность лайки гнать ее прочь от них и нагнать к прорубям, где она и убивается. Эти охоты требуют лайки воспитанной". Приблизительно так охотятся в Вологодской и Архангельской губерниях и в Сибири.

Бывают случайные охоты на выдр с лайкой. Лайка ловит их на суше врасплох или лаем указывает охотнику; если он около собаки, то может убить выдру. Был и такой случай. Я шла с лайкой берегом глубокой лесной реки. Вдруг собака остановилась и стала лаять на воду, из которой высовывалась мордочка выдры.

Разыскав горностая, лайка ловит его или загоняет на дерево, где его и стреляют. Так же и ласку. Но чаще горностая приходится лайке откапывать из-под корня дерева или в снегу. Охотник ждет появления с ружьем, если не успеет задавить собака.

То же она проделывает со всеми мелкими зверьками. Если зверек спрячется в нору, лайка разрывает ее, лает и воет. Дело охотника разрыть нору или заметить ее, подкараулить и убить в удобное время зверька.

Если зверек выбежит из норы, собака его задерживает, стараясь поймать, и не упускает из виду; охотник спешит к собаке. На всех мелких зверьков все лайки идут очень охотно сразу. Притравить и натаскать не представляли почти никакого труда. Надо иметь при себе топор, чтобы разрубать корни над норами.

Крыс ловит лайка очень ловко, делая громадные прыжки; думаю, что она могла бы состязаться с известными крысоловами-специалистами.

На волка почти все лайки не идут. Некоторые не чувствуют враждебности (дальневосточные, северные, эскимосские и др.), другие (сибирские, по Яшерову) боятся волков, а третьи просто недоверчивы или равнодушны к этому зверю; только киргизские лайки гонят волков, но вероятно в них есть примесь Крови борзой.

Своеобразна охота с лайкой на соболя, которую картинно описал г-н Белдыцкий и другие ("Наша Охота", "Природа и Охота").

Промышленник берет тенёта до пятнадцати сажен длины, весом фунтов тридцать и лайку. Лишь только найден след соболя или куницы, они, то есть промышленник и собака, идут по следу. Нагнанный соболь идет "грядой", "верхом", собака ее не оставляет и, в конце концов, добьется, что соболь сойдет в "халуй" или остановится на одном из деревьев. На дереве его бьют из винтовки, а если он спрячется в халуй, то вокруг халуя ставят тенёта, а затем науськивают собаку и бьют по халую длинной палкой, выгоняя таким образом соболя в сеть, где он запутывается и где его охотник убивает палкой. Часто бывает, что соболь прорывает тенёта и уходит; тогда опять начинается новая гонка. Иногда собака ловит и душит соболя или куницу, но чтобы куница ушла от охотника - это бывает всего реже. Соболь ходит "грядой" весьма редко: его любимое место - халуй. Матерого соболя случается таким образом гонять до двух дней. Если соболь не убит до ночи, а спрятался в халуй, то охотник окружает халуй тенётами на ночь и остается ночевать. Собака бдительно караулит соболя, но "соболь

редко выходит ночью, а всегда на заре". Но охота на соболя настолько редкая, что многим интеллигентным охотникам едва ли придется воспользоваться для этой цели лайкой. Впоследствии мне приходилось охотиться со своими собаками и на соболя, и часто приходится стрелять на дереве, как белку.

Валежник, лес, нагроможденный массой на одном месте.

На лисиц охотятся с лайкой верхом на лошади якуты: лайки ловят лисиц в тайге, догоняя и утомляя. Охота без ружья - добивают палкой. В Томской губернии та же охота, но с ружьем и на лыжах или без них. У киргизов - подобно псовой. Мои собаки так же гонят лису голосом, как гончие. Также - собаки интеллигентных охотников, гг. Пидороги и Поплавского.

Лисьи норы находит и облаивает всякая лайка, даже лезет в нору, но редко может вытащить матерую Лисицу, за исключением сибирских, почему - не знаю. Хотя вообще лайки гонят лис, но для этого надо их специально наганивать, приучать, а иначе скоро бросают. Охота на песцов с лайкой существует у самоедов, ламутов, тунгусов зимой и осенью. По чернотропу самоедские собаки давят щенка-песца (крестоватика). А у тунгусов и ламутов - зимой ("Ловчие лайки", "Охотничий Вестник").

Об охоте с лайкой на барсуков не было никем сообщено ни одного слова; кажется, что подобная нигде не производится. Но мне известно несколько фактов, которые дают право предполагать, что лайки могут быть полезны при охоте на барсука в Сибири, особенно в Томской губернии. Охота с лайкой на барсуков в Томской губернии практикуется следующим образом. В лунные ночи или в светлые весенние вечера утром всадники с лайками, заметив норы барсука и выходы из них, караулят, когда он выходит на кормежку или возвращается с жировки, и тогда из засады спускают собак, которые ловят и давят барсука. Такая охота бывает затруднительна в высоком камыше.

В начале восьмидесятых годов я была в Финляндии свидетельницей, как финская лайка, принадлежащая камергеру Л., погнала барсука, настигла и стала задерживать его, но барсук стал драться; ружей у присутствующих не было. Барсук сильно ранил собаку.

Я подарила собаку леснику г-жи Ш-а. Это была вотяцкая лайка. Лайка эта тоже нашла, погнала и задержала барсука, но также была им сильно ранена. Оба случая были среди лета.

Мои собаки гнали барсука, как гончие, в Свияжском уезде Казанской губернии, а после нашли норы и пробыли там четверть часа, но барсука не было в норе. Также одна моя собака в Польше у офицера находила и облаивала барсучьи норы, как я узнала из письма, но выгнать барсука - не выгнала.

Из этого я заключаю, что на барсука можно охотиться с лайкой, но способы, время охоты и приемы подлежат еще изучению и выработке.
Все лайки склонны гонять зайца в голос, но большинство промышленников не только не развивают эту страсть, но даже искореняют. Есть лайки, которые от природы гоняют зайца, как гончие, но часто гонят слухом. Если лайку из поколения в поколение начать наганивать по зайцу, как гончую, то третье поколение разве голосом да манерами будет отличаться от гончей; но наганиванием лаек на зайцев почти никто не занимается. К тому же они очень параты и ловки, а потому легко ловят зайцев, не говоря уже о подранках. Конечно - в лесу.

Это подтверждают гг. Эрнст и Ярошевич ("Охотничья Газета" за 1896 г., из Олонецкой губернии). При охоте на мелкого пушного зверя надо, чтобы охотник знал его излюбленные места, был наблюдателен и внимателен; но первое уже относится к зоологии, а второе к личным качествам охотника. Но охота на мелкого зверька и интересна, и разнообразна, и добычлива; она не сопряжена ни с опасностями, ни с большими трудностями. Самая посредственная лайка легко притравливается к пушному зверьку, только дать потрепать тёплого. Этим я закончу главу об охоте с лайкой по зверю.

Глава 6. Охота по птице.

В то время как по зайцу и белке идут почти все лайки, по птице большинство лаек подлаивает тетерева, глухаря, рябчика; не всюду, не все, но особо выученные собаки подают уток из воды, вспугивают их, выгоняют из камыша и т. д.

Охота с лайкой возможна на всякую дичь: лесную, полевую, болотную; только промышленники не все натаскивают собак, так как им нет расчета бить до заморозков птицу, а интеллигентные охотники большей частью относятся пренебрежительно к своей собственной российской собаке, предвзято не признают даже возможности выработать из нее подружейную собаку наподобие легавой. Есть только несколько человек пионеров всеобщей охоты с лайкой: покойный Сабанеев, оценивший ее; князь А.А. Ширинский-Шихматов, М.Н. Аристов, Яшеров, Лобачевский, Павловский, Эмке, Кишенский... да и обчёлся.

Охота с лайкой по тетеревам - самая распространенная охота, хотя некоторые непривычные к ходьбе, чаще городские охотники, и находят эту охоту несносной. Вот какой она представляется г-ну Ярошевичу в Олонецкой губернии:

"Осенью крестьяне на тетеревов и глухарей охотятся исключительно с лайкой; не скажу, чтобы эта охота была особенно добычлива или приятна: приходится, во-первых, стрелять только по сидячей птице, а во-вторых, мечешься, как угорелый по лесу, стараясь поспеть к птице прежде, чем она вздумает слететь" (Ярошевич, корреспонденция из Пудожского уезда Олонецкой губернии).

Конечно, это описание охоты с лайкой не может иллюстрировать охоту, а только дает понятие, насколько непривычны, неловки и беспомощны бывают гг. городские охотники для сравнительно легкой и простой охоты с лайкой на тетеревов... Но охота с лайкой на тетеревов вполне возможна и доступна, как мы можем видеть из многочисленных описаний этой охоты интеллигентными и городскими охотниками. Например, "Весна в тайге" Яблонского ("Природа и Охота"). Например, известный в крае казанско-симбирский охотник М.Н. Аристов охотится много лет на тетеревов и глухарей с лайкой, и многие другие - всех не перечесть.

В журнале "Охотничий Вестник" много места дано описанию охоты с лайкой на тетеревов, глухарей и пр.

По тетеревам, охотятся следующим образом. Охотник идет к известным местам, лайка бежит на свободе. Зачуяв выводок на земле, в траве, она навострит уши, приостановится, а затем, повизгивая и оглядываясь па хозяина, кинется вперед, добежав вплотную, взлаивает, птица срывается и ее бьют.

Собака бежит за перелетевшими и снова лает, когда они спустятся, но не разгоняет их. Когда тетерева "сидят" уже на деревьях, собака издали дает знать об их присутствии

подъезжающему или подходящему охотнику. Слетевших она преследует и, посадив на дерево, снова лает. Тетерева, особенно где не пуганы.

Охотник должен подходить навстречу лающей собаке и сзади рассматривающего собаку тетерева. Стрелять не ниже сидящего, а поднимать убитого не надо. Собака должна сидеть и спокойно лаять, а не лезть на дерево. Охота с лайкой продолжается с июля по январь и дольше. Собака взлетевший выводок гонит голосом, пока не посадит, а охотник должен стараться не терять ее из виду. В Олонецкой губернии по тетеревам с лайкой охотятся "в ягодниках и на деревьях" ("Журнал Охота" за 1876 г.), равно и на глухарей.

Г-н Поплавский об охоте с вятскими лайками на тетеревов и глухарей пишет следующее: "Натаскивание по птице тоже немудрено. Дети крестьянина-охотника, играя со щенком, натравливают его на кур, когда последние взбираются на крышу изб, сараев".

Убив тетерева или глухаря, охотник дает щенку нюхать птицу, кладет затем на крышу или забор и науськивает щенка. В лесу или на болоте полезно, гуляя со щенками, привлекать их внимание всякой птицей, взлетевшей и севшей на куст. Если щенок спугнул птицу и залаял, нужно спешить к нему, стараясь не угнать птицу, а непременно убить... Собака, когда наткнется на свежий след сидевшей птицы, начнет делать круги, то есть обкладывать перебежавшую птицу. Круги она делает большие; обладая великолепным чутьем, далеко учует дичь и бежит прямо к ней... Вспугнутая птица садится на дерево и заинтересовывается лаем собаки; охотник спешит на лай крайне осторожно с подветренной стороны, стараясь, чтобы птица его не увидала, хотя это не всегда легко выполнить, но все же при большой опытности возможно. Иногда птица для неопытного глаза бывает незаметна на хвойном дереве, почему в таком случае нужно руководиться лаем собаки и идти на него. Птица, спугнутая охотником, перелетает дальше, лайка не упускает ее из виду, благодаря зрению и верхнему чутью, или же продолжает лаять на оставшихся.

Г-н Поплавский охотился со второй половины августа, и птица выдерживает лай, хотя с выпадением снега она сидит крепче. На санях и верхом подпускает ближе и лучше, нежели пешего. Убитую птицу лайка выносит из чащи не растрепанной.
Глухарей с лайкой стрелять легче; хотя эта охота по приемам не отличается от охоты на тетеревов, но имеет некоторую разницу, вызванную привычками и характером глухаря и особенностями местности, где он любит пребывать. Глухарь сидит в хвое ниже, чем сидит на дереве тетерев. Чаще дает возможность, укрывшись, ближе подойти охотнику к собаке. Глухарь дольше выдерживает лай.
"На глухаря охота с лайкой для меня легче, - говорит г-н Поплавский, - нежели на тетерева".

Вспугнутый на моховом месте великан садится на дерево невысоко, притаившись у ствола, и к нему крадучись подберешься; тетерев же садится на вершину и созерцает все кругом. Охота на глухарей с лайкой в Сибири описана г-ном Яблонским в очерках его "Весна в тайге" ("Природа и Охота"):

"Сидеть на месте начинало надоедать. Иван предложил спустить Кучумку с привязи и поохотиться на глухарей с лайкой. В том же, что глухари должны быть повсюду, не было никакого сомнения в виду следов, оставленных ими под теми деревьями, где они сидели. Я согласился. Мы тронулись, оставивши все свое имущество на привале, и спущенный, наконец, Кучумка, радостно взвизгивая, как сумасшедший бросился

вперед и моментально скрылся среди густой, как бы расступившейся перед его страстью, тайги. Не прошли мы и сотни шагов, а уже Кучумка впереди нас, озлобленно надседаясь, лаял на посаженного им глухаря. Иван махнул мне рукой, и мы расстались, как по команде, и начали с двух, сторон скрадывать занятого лаем собаки глухаря".

"Я немного ошибся расстоянием и когда вышел по направлению лая собаки, то оказался много дальше от подлаенного глухаря, нежели Иван. Место, как нарочно, попалось сравнительно чистое, и мне несколько раз был виден Иван, который, согнувшись и перебегая от дерева к дереву, скрадывал глухаря, Я не хотел мешать и, закуривши папиросу, остался на месте. Но вот послышался шум взлетавшей птицы, должно быть заметившей скрадывающего охотника:

Кучумка с лаем бросился за ней вдогонку. Папироса полетела па землю, ружье со взведенными курками как-то мгновенно оказалось наготове... Еще секунда и вот среди образовавшегося чистого пространства у вершин двух столетних сосен вырисовалась огромная фигура глухаря. Я быстро вскинул ружье; грянул выстрел, гулко покатилось по тайге эхо его, рассыпалось, расплылось тысячами отголосков... Еще секунда - и уже Кучумка теребил лежавшего без движения глухаря, а Иван подбежал ко мне, пощелкивая губами и удивляясь непонятной для него стрельбе влёт... Так, переходя с места на место за почти не перестающим лаять Кучумкой, мы убили семь глухарей, из которых на мою долю пришлось три; да и то, скрадывая с подхода, я убил только одного, должно быть, уж очень молодого и глупого; другой же налетел на меня точно так же, как и первый. Здесь я увидел, как нелегко скрадывать из-под лайки глухаря; нужно быть тунгусом Иваном, чтобы умудриться из пяти глухарей, к которым он подходил, спугнуть только первого, убитого мной, а остальных четырех убить на расстоянии 30-40 шагов, по всем правилам искусства".

Вот наглядно описанная охота на глухаря. Конечно, всех частных случайностей не предусмотришь, но в общих чертах представление об охоте с лайкой по глухарям имеется; а в нашей великороссийской местности она и не так затруднительна, где лес порядочно подчищен от буреломов и валежника, где нет ни скал, ни сопок, ни пропастей...

На рябчика интеллигентные охотники с лайкой реже охотятся, а потому вероятно и нет подробных описаний этих охот, хотя промышленники некоторых местностей бьют массу рябчиков из-под собак. Но здесь лайки должны быть, в противоположность охоте на тетеревов и глухарей, близко около хозяина. Рябчик не сидит под лаем и не выносит громкого лая, и собаки по врожденному инстинкту это отлично понимают; они на рябчика большей частью повизгивают; если рябчик снимается, то летит недалеко, и собака, редко взлаивая, бежит за ним. Стрелять малоопытному охотнику приходится большей частью влёт, так как рябчика трудно быстро разглядеть в хвое. Об охоте на рябчика г-н Поплавский пишет следующее:

"По рябчику лайка, как я говорил раньше, взвизгивает, причем серый пискун редко усидит долее минуты и перелетает дальше. Собака преследует его, снова взвизгивает, но охотник уже тут; если же он не усмотрит рябчика, так как разглядеть серую птичку между серых еловых веток нелегко, то не прозевает на взлете: нужна лишь зоркость и сноровка стрелять в чаще. Во всяком случае, эту охоту по рябчику я считаю благороднее, чем на пищик, так как первая труднее для стрелка".

Лайка бегает в лесу бесшумно, и зверь и птица подпускают ее сравнительно близко. Раненых и убитых подает. Некоторые не признают охоты с лайкой по рябчику и,

действительно, она не везде практикуется. Все зависит как от характера и натаски лайки, так и от обилия и малопуганности рябчика и от воспитания собаки. Но охота эта существует и описана неоднократно на страницах "Охотничьего Журнала".

По куропаткам, перепелкам, коростелям (дергач) охота с лайкой очень добычлива и своеобразна. Если лайка натаскана, как легаш, то и охота эта почти не отличается от охоты с легавой. Охоту по куропаткам с лайкой описал г-н Лобачевский в "Охотничьей Газете" (№ 43 за 1897 г.).

"Наши охотники, - говорит г-н Сабанеев в статье о русских сеттерах в № 9 "Охотничьей Газеты", - никак не могут понять, что даже простую лайку можно приучить к стойке. В последнем нет никакого сомнения, но только у лаек поиск и стойка совершенно своеобразны: в них нет той грации и красоты, которые вообще любят истые охотники. Охотники, пользующиеся услугами лаек, достигают своей цели в совершенстве. Они добиваются, как промышленники того, чтобы собака, отыскав дичь, не спугнула ее, указала хозяину, нашла бы убитую и даже раненую птицу, принесла хозяину и тем вознаградила бы его выпущенный заряд сторицею".

О стойке сибирской лайки упоминает Радде и Брем. Затем описывается собственно охота с лайкой:

"Пройдя версты две от города, мы повернули в степь. Белка на рысях делала круги, но не в очень далеком расстоянии... Вдруг раздался короткий, чистый "тяв" Белки, которая стояла саженях в 40 от нас, смотря на хозяина и вертя хвостом. Хозяин махнул рукой Белке. Белка описала огромный круг ровной рысью и, опустив нос книзу, на минуту приостановилась и снова закружила, уменьшая радиус. И когда радиус был не больше 8-10 сажен, она села спиной к нам и, вертя хвостом, зорко смотрела в одну точку, навострив уши. Фигура ее была преуморительна, она часто оглядывалась на хозяина, облизывалась и пошевеливала кончиком хвоста. Хозяин глядел по направлению носа Белки, но ничего разглядеть не мог. Белка поднялась и, осторожно шагнув, закрутила хвостом. Хозяин отозвал собаку и, предупредив спутников, выстрелил в пустое пространство... шагах в 20 поднялась стая; я дублетом убил одну. Белка понеслась и принесла сначала подстреленную куропатку, а потом убитых. Куропаток Белка подняла только убитых хозяином, на чужих не обратила внимания. Очевидно, это была лайка, натасканная и приспособленная к привычкам хозяина".

Насколько мне приходилось видеть охоту по куропаткам с лайкой, то эта охота была упрощена. Собака, сделав круг, причуивала дичь, повизгивала, останавливалась, навострив уши, и, как бы проверив себя, шла уже прямо к птице курц-галопом. Увидав или услыхав близкое присутствие птицы, собака возбужденно останавливается на момент, издает лай или взвизгивает, а затем делает громадный прыжок. Птица срывается, и охотник стреляет. Лайка, подобрав раненых и убитых, несется по направленно стаи куропаток и снова лает и т. д. Те же приемы и на перепелов. На коростелей (дергачи) в хлебах лайка поступает так: учуяв птицу, оживится и взвизгнет, остановившись; если собаке удалось близко наткнуться, птица иногда взлетает под выстрел, а когда бежит, то и лайка бежит за ней и визжит, скрадывает ее, делая саженные прыжки вверх, пока не заставит подняться. Когда дергачи живут в кустах, на лугах, в вырубах, поросших молодняком, около оврагов, то лайка подходит к ним очень близко, а коростель поднимается у нее под носом. На кричащего дергача лайка наскакивает удивительным прыжком и тот моментально взлетает. Все это лайка проделывает в силу инстинкта и опыта, а не дрессировки. Других способов охоты с лайкой по коростелям, куропаткам и перепелам я не испытала и не слыхала, да и в

литературе не встречала описания таковых. О существовании охоты с лайкой по водяной болотной дичи описаний слишком много, и охота эта настолько известна, что распространяться о ней не стоит. Г-н олонецкий губернатор в отношении своем Императорскому Обществу правильной охоты сообщает о превосходном нырянии за утками олонецко-карельских (повенецких) лаек. Г-н Ярошевич говорит об охоте на водяную дичь лаек олонецко-пудожских; г-н Бек-Юсуф сообщает об олонецко-каргопольских; г-н"Фокин писал о новгородско-белоозерских; г-н Яшеров сообщал о сибирских и т. д. Г-н Лобачевский описывает охоту с лайкой по дупелям и уткам, которая от охоты с легавой почти ничем не отличалась, но я ее не привожу, так как то не была чистокровная лайка, о чем свидетельствует кофейная масть. Г-н Поплавский описывает свои охоты на водяную дичь с лайкой в "Русском Охотнике" следующим образом:

"С первых чисел июля до половины августа я охочусь исключительно по болотной дичи, где пешком, где в лодчонке. Сопутствующие мне две-три лайки подымают все, что только встретится на пути; это не бестолковое гоняние шального неученого сеттера или пойнтера, а в высшей степени аккуратное обнюхивание каждой кочки, каждого кустика, и лайка дальше ружейного выстрела никогда не уйдет, так как это и не в ее интересах. Бесспорно, приятно иметь собаку, которая перед каждой птицей остановится, сделает стойку, так сказать предупредит охотника, но это такая роскошь, это даже немыслимо в болотах, заросших густым кустарникам. Когда я на лодке забираюсь в затоны или запруды, лайки плывут тихо от кочки к кочке, подымая уток. Если не успеешь дать выстрела, то начнешь приманивать искусственным кряканьем, и обманутые утки со свистом пролетают над головой. Убитая одна или пара с сильным размахом шлепаются в воду; лайка уже тут и разыщет, плывя легко, грациозно и таща в зубах красивую крякву. Любят остроухие песики купать в воде свою теплую шубку; пробираясь болотом, они крадутся тихо и совершенно неожиданно вырастают из-за куста".

Вообще роль лайки на водяную дичь ограничивается указанием последней лаем или телодвижением (сядет и воззрится молча, навострив уши) и подаванием ее из воды, что делает очень охотно почти всякая лайка. Исключение составляет охота на гусей в Сибири. Сибиряки и вообще жители Полярного Севера занимаются сганиванием ленных гусей посредством лаек в кучу, устраивая засаду, сети, или Просто избивая палкой или выстрелом. Собак предпочитают рыжих, напоминающих лисицу. Эта охота была известна даже в Финляндии. Собака должна быть особо дрессирована и спокойная. На мелкую болотную дичь промышленники и, конечно, интеллигенты не охотятся, но лайка при приемах, одинаковых с таковыми же при охоте на куропаток, за долгоносиками пойдет бесспорно, а лайка в помеси, по единогласному свидетельству охотников, будет отлично (Гловацкий, Лобачевский и пр., и пр.).

Этим я оканчиваю описание породы лаек и охот с ними. В своей статье "Олонецкая лайка" г-н Бек-Юсуф выразил мнение, что не стоит описывать приемов при охотах с лайкой, так как их всякий знает, если не по опыту, то по описаниям, разбросанным в печати в течение четверти века, прибавлю я. И потому, руководясь тем, что в семью охотников ежегодно вступают новые члены, молодые, неопытные охотники, которые не получают журналов, не получали их, как и их отцы, и не имеют возможности разобраться в десятке когда-то издававшихся журналов и даже отчасти ставших библиографической редкостью, я и сочла нелишним сгруппировать и обобщить печатные материалы об охоте с лайкой в одно целое, насколько мне позволили время и обстоятельства, для молодых охотников и для тех лиц, которые интересуются охотой с лайкой, но лишены возможности и времени рыться и отыскивать сведения в

разрозненных отрывочных корреспонденциях, мелких заметках и односторонних статьях различных охотничьих журналов. Наконец, я имела в виду и "Охотничий Календарь" покойного Сабанеева, который уже не удовлетворяет времени по своим сведениям в отделе лаек, где об охоте с ними нет ничего практически полезного.

Но я еще вернусь к нему. А пока, выразив надежду, что гг. охотники, знакомые с охотой с лайкой, дадут мне возможность исправлять и пополнять мой труд в будущем, - "чем богата, тем и рада".

Глава 7. Места, изобилующие лайками. Цены на них. Литература о лайках.

Настоящая глава, мне кажется, не будет лишней, как конспект или отрывочный листок, если читателю при справках будет трудно разобраться в различных главах. Сведения в печати позволяют нам вывести заключение, что лучшие по качествам лайки - сибирские. В настоящее время установлено, что племен тунгусов несколько, они живут в разных концах Азии, и их собаки отличаются, а не составляют одного целого. Лайки ламутов, юкагиров и тунгусов Якутской области лучшие в мире; но некоторые чересчур специализированы, а из них тунгусские отличаются большим упрямством (см. Яблонский). Из европейских лаек лучшие - это карельские, костромские, вятские, зырянские, которым за неподатливость к дрессировке отвожу не первое место. Подозрительные своей кровностью - кеврольские, каргопольские, новгородские и киргизские.

Рассадников лаек в России несколько, в том числе г-на Кишенского, который 20 лет их разводит.

Питомник князя А.А. Ширинского-Шихматова недоступен для охотников, так как князь собак держит только для себя. Московский зоологический сад отпускает собак, но там ведь они не натаскиваются, а потому охотничьи достоинства могут исчезнуть в будущих поколениях. Начали разводить лаек охотничьи команды. Да еще с шестидесятых годов их выписывают на царскую псарню; но это все для простых смертных охотников значения не имеет, поэтому нелишним вспомнить сообщение г-на Бек-Юсуфа, что на севере Олонецкой губернии кочевал самоед, натаскивавший и продававший лаек. В Кевроле Архангельской губернии Пинегского уезда около деревень Немножной и Лояновской существует собачья ярмарка, на которой собаки продаются от 50 коп. до 10 руб. В Олонецкой губернии цены на лаек следующие: Каргопольский уезд - натасканные от 3 руб. до 25 руб.; на повенецких (карельские) еще в семидесятых годах цены установились от 6 руб. 60 коп. до 45 руб. за собаку на месте; в Пермской губернии от 3 руб. до 50 руб. и больше; в Вятской губернии у вотяков от 3 руб. до 50 руб. и больше (смотря по тому, где купить и какова собака). Г-н Фокин сообщает, что в Белоозерском уезде Новгородской губернии хорошую лайку купить трудно, дорожат.

Цены в Енисейской губернии за тунгусских собак лаек доходят до 60 руб. и более. Енисейская команда в Туруханске заплатила за лайку 50 руб.

Г-н Яшеров сообщает, что в Сибири лайки ценятся и ими дорожат. Иная лайка ценится мерой благосостояния целой семьи, то есть хорошая лайка свыше 100 руб. на месте. Выдающиеся лайки ценятся очень дорого. По судебным делам в Верхотурском уезде видно, что цена доходила у крестьян до 400 руб.

Приблизительная цена на лаек в других местностях в печати не значится, но я думаю, что приблизительно везде одно и то же: худшие от 3-5 руб. и до 50 руб.; выдающаяся до

100 руб. и более на месте, то есть у инородцев и промышленников. в Якутской области пороистые собаки покупались за 100-600 руб.

Теперь остается несколько слов о литературе о лайках. Ученых сочинении нет, безусловно. Князь А.А. Ширинский-Шихматов предпринял труд составления монографии лаек, часть которой была напечатана в 1896 г. в "Природе и Охоте"; но это было не более как начало большого труда, судя по напечатанному. В соответствии к началу монографии издан великолепный первый выпуск альбома лаек (карельские), и надо полагать, что таких выпусков появится до десяти, чтобы труд был полный. С научной точки зрения даже Брем не выдерживает критики по отделу северных собак, а потому на труд князя надо возложить большие надежды. В настоящее время, могу указать упоминание о лайках в трудах академиков Миддендорфа, Маака, академический труд Серошевского, Слюнина, очерки Иохельсона, неизданные труды Пилсудского и много очерков разных путешественников.

С бытовой точки зрения литература о лайках более полна, так как ни один путешественник Севера не обошел их вниманием, не отказался воспользоваться случаем, чтобы отдать им должную похвалу. Литература эта слишком обширна, чтобы ее перечислять, и притом прямого отношения к охоте она не имеет.

Специальных сочинений по охоте с лайкой тоже нет, что мне и дало мысль и смелость выступить с настоящим сочинением. Впрочем, в 1893 году в "Русском Охотнике" была помещена в сжатом виде статья г-на Поплавского под заглавием "Ружейная охота с лайкой", описывающая охоту с лайкой. Да еще в календаре Сабанеева описывается охота с подлайкой на тетеревов, и только. О других охотах с лайкой - ни слова.

В отделе собак тоже описывается лайка, но здесь она фигурирует под именем дворняжки, и описание это требует исправлений и расширения, чтобы не заслужить названия устарелого. Нельзя согласиться, например, что лайка менее вязка, нежели гончая; но лайка, по известным, изложенным причинам, менее вязка по зайцу и не идет по волку. Зная хорошо черемисских собак, я не нахожу, чтобы современные собаки отличались особой "псовитостью и массивностью", ничуть не больше вогульских и карельских.

Тунгусская лайка Норд-Ост г-на Виноградского тоже, вопреки календарю, борзовата не более галицкой или любой вогульской (портрет Норд-Оста в "Охотничьей Газете"). Конечно, незабвенный покойный Л. П. Сабанеев еще исправил бы свой календарь, что он и раньше делал, если бы не преждевременная кончина. Охотники, возлагавшие надежды на появление полного отдела лаек в предпринятом труде о собаках г-ном Сабанеевым, тоже должны разочароваться вследствие его смерти.

В главе об охоте на пушного мелкого зверя, неизвестно почему, отдается преимущество помеси легавой пред незаменимой лайкой в этой именно охоте.

Все разбросанное о лайках в отдельных статьях, помещенных в охотничьих журналах в продолжение двадцати пяти лет, все более характерное и пригодное я привожу здесь, но, к сожалению, ни место, ни время, ни характер труда не дают возможности иллюстрировать его заимствованием эпизодов из охоты с лайкой, разбросанных в массе беллетристических рассказов, рассыпанных по охотничьим изданиям. Впрочем, всех случайностей ни иллюстрировать, ни предусмотреть невозможно. Но есть еще ученые исследователи, упоминавшие о лайках - это Брем, Маак, Иохельсон, Радде, Слюнин, Серошевский и др.

В заключение можно сказать, что, несмотря на бедность специальной технической литературы о лайках и охоте с ней, несмотря на то, что общество почти не знает этой собаки, все-таки охота с лайкой начинает цениться, и пионеры этой охоты среди интеллигентных охотников с каждым годом нарождаются. Охота с лайкой начинает цениться и входить в моду. Эта кровная, чисто русская, порода собаки во всяком случае имеет будущность, а потому следует употребить всевозможные усилия для сохранения этой породы в чистоте, тем более, что и администрация признала, что лайка в быту инородца наиполезнейшее домашнее животное. Остается надеяться, что мнение г-на олонецкого губернатора о поощрении разведения чистокровных лаек и об устройстве питомника и псарни не останется втуне. Сколько тогда удовлетворения получат десятки, сотни, даже тысячи небогатых охотников, приобретя одну хорошую лайку взамен нескольких посредственностей (легавая, гончая и т. д.), которые его разоряют стоимостью и содержанием (будущие налоги); за цену низшую, чем все эти "Водилы", "Будилы", большей частью беспардонные скотинники, шляющиеся в лесу сутками, не обращая внимания ни на какие призывы, или подружейные "пойнтеришки" и "сеттеришки" с прутами в виде вопросительного знака или с кольцеобразным пером, смело и отважно гоняющие не только дичь, но и кур, и уток, и гусей! Таковы охотничьи псы, которыми переполнены наши захолустные городочки, местечки, посады, слободы, да и губернские города недалеко ушли по богатству породистых и кровных собак. Пора пожелать сокращения всей этой беспородной команды и поддержать нашу российскую, свежую и здоровую по крови породу северных собак.

Обыкновенно жалеют денег на дорогих кровных собак какой бы то ни было породы и заводят всевозможных и в то же время невозможных метисов, которые числятся в пойнтерах, сеттерах и т. д. и употребляются для самых разнообразных целей, пополняя картину нашей некультурности. Если нет денег, то иметь более доступную, но все же чистокровную породу куда целесообразнее. Смешение далеких типов (видов), начиная с человека и кончая собакой, - признано и научно доказано, - ведет к разрушению видов, и только близкие по крови и типу разновидности могут быть смешаны.

В общем, у нас ничего не делается для сохранения и поддержки северной породы собак, а, напротив, с каждым годом все больше и больше замечается вырождение, смешение с другими породами, кровосмешение. Дегенерация напоминает о себе на каждом шагу. Там, где 15 лет тому назад преобладали в чистоте прекрасные оленегоны самоедов, теперь я вижу шпицев, то есть собак типа и размеров германского шпица, что открывает интересные горизонты для исследования, но от этого не легче российскому собаководству.

ЛАЙКА И ОХОТА С НЕЙ М.Г.Дмитриева-Сулима Якутская лайка (Заметка на сочинение г-на Серошевского)

Хотя в труде г-на Серошевского "Якуты", изданном в 1896 г., и отведена особая глава домашним животным, в том числе и собакам, тем не менее, глава "Собаки" заставляет желать лучшего, более определенного, разностороннего рассмотрения вопроса, более подробного описания быта и службы якутской собаки, играющей такую видную роль в жизни северных якутов. Деля якутскую собаку на

1) сторожевую и промысловую,

2) приморскую, ездовую;

3) подгородную, г-н Серошевский сам признает свое деление грубым и поверхностным. Но именно относительно деления я воздержусь от возражения, так как условия жизни и назначение выработали разницу в характере и наружности трех видов якутской собаки. Серошевский пишет:

"Опыт научного описания якутской собаки сделан пока только Миддендорфом. Хотя за объект исследования он взял тунгусскую шавку (курсив мой, -М.Д.-С.) от верховьев Селимджи, тем не менее, всякий, видевший якутских собак, сразу признает тождество их с описанием и рисунком".

Достаточно мне сказать, что Миддендорф причисляет тунгусскую лайку к шпицам, чтобы представить несостоятельность такого определения.

Возможно ли взять тунгусскую лайку с верховьев р. Селимджи (бассейн Амура) и по ней описывать якутскую лайку? Селимджинская лайка и собаки якутов живут друг от друга на расстоянии тысяч верст непроходимой тайги, горных хребтов и т. д. Наконец, тунгусских собак существует несколько разновидностей. Например, по р. Нижней Тунгуске тунгусские собаки во всех отношениях похожи на лисицу и мастью, и статями и составляют преобладающий тип известного района. Описание Миддендорфа может быть отнесено и к тунгусской собаке верховьев рек Олекмы и Алдана. Якутская же "промысловая и сторожевая" собака имеет одинакового с тунгусской только общие типические черты для всех лаек и резко отличается в деталях, в нравах и качествах.

По свидетельству знатоков и охотников, жителей округов Олекминского, Вилюйского и Якутского, указанные разновидности собак сильно друг от друга отличаются как по внешности, так и по внутренним качествам. Преимущественная масть черная у якутской собаки, она шире, коренастее, массивнее и тяжелее тунгусской собаки. Отличается более толстой мордой, мохнатой и грубой шерстью, худшим чутьем и охотничьими способностями. Якутская собака вырождается в охотничьем смысле вместе со своим хозяином якутом-охотником. В огромном труде г-на Серошевского (1-й том около 700 стр.) отведено собакам "четыре с половиной страницы, причем якутской собаке придано описание г-ном Мидден-дорфом тунгусской лайки, а не собственное, на основании личных наблюдений. Характеристики, в охотничьем смысле, собаки тоже нет. Видно, что писал не охотник и не кинолог. Рисунок в издании г-на Серошевского тождествен с рисунком тунгусской лайки в календаре Сабанеева, и неизвестно почему он здесь должен иллюстрировать не похожую на него якутскую лайку. Что касается ездовых собак, то мы черпаем из него сведения, что типы ездовых собак остяков, якутов разнятся, а среди якутских собаки индигирские - от колымских, и те и другие - от амурских. Словом, пород ездовых лаек существует несколько.

Метисы или так называемые подгородные собаки Серошевского - однотипные по всему пространству Якутской области и даже в Восточной Сибири.

Эти собаки, сохраняя корпус лаек и утеряв стоячие уши, сплошь и рядом сохраняют охотничьи качества и несут службу зверовых собак.

В качестве зверовой мне показывали именно эту собаку в Иркутске, и сведения в том же роде именно из Забайкальской области. Более подробное рассмотрение материалов для изучения сибирских лаек якутских и тунгузских особенно мною будет сделано в особом труде по изысканиям относительно пород этих лаек.

ЛАЙКА И ОХОТА С НЕЙ М.Г.Дмитриева-Сулима ЛАМУТСКАЯ ЛАЙКА

В VIII веке по Р. Х. тунгусы жили по обеим сторонам Амура. "Это было смелое, воинственное и охотничье племя". В XIII веке кончились тунгусские переселения. Якуты, пришедшие со стороны Байкала, уже застали тунгусов в бассейне Лены. Якуты стали теснить тунгусов, а эти других инородцев, с которыми смешивались, так что теперь этнографы, антропологи находят даже невозможным восстановить чистый тип тунгуса и разделяют их на отдельные типы. Тунгус страстный охотник.

"Нужно удивляться его закаленности и охотничьему задору, когда целыми неделями тунгус бродит в хребтах и по долинам верховьев рек, выслеживая зверя: тогда он не знает ни усталости, ни холода, ни голода. Ночует под кустом или в снегу; спит мало, да и то лишь когда сильная пурга мешает охоте; ест и пьет еще меньше, проходя сорок-восемьдесят верст".

Тунгусская, или ламутская, собака здесь, как и в Якутской области, считается лучшей промысловой и зверовой собакой (ламуты - особая ветвь тунгусского племени).

"Промысловую или ламутскую собаку, как говорят здесь, нетрудно отличить по наружному виду: она должна иметь острую морду и уши, крупные ребра, задние ноги короче передних. Кроме того, камчадалы обращают внимание на размеры затылочного гребня, присутствие большого количества рубцов на небе во рту и лишний пятый палец (паноготок) на задних ногах. В Камчатке обращают особое внимание на надбровные дуги, которым придают большое значение при определении качеств охотничьей собаки".

"Этим внешним признакам должны соответствовать бойкость и находчивость собаки, хорошее зрение и сильно развитые слух и чутье, или обоняние. Без первых трех качеств собака всегда будет терять соболя и мучить хозяина. Что касается последнего качества, то оно буквально неоценимо. Нам приходилось видеть хороших охотничьих собак, которые рвались в привязи, танцуя на задних ногах, в то время, когда другие спокойно лежали, ничего не чуя; такая собака за несколько верст чует зверя и потому служит всегда прекрасным руководителем на охоте. Выбрав щенка с описанными физическими качествами, ламуты особым образом его воспитывают и, прежде всего, держат в жилой юрте, в тепле, с человеческими испарениями, которые, по их мнению, необходимы для развитая тонкого чутья у собаки. Промысловая собака сравнительно редко попадается и ценится очень дорого: в пятидесяти рублях в Камчатке и в ста полтораста рублях в Удском районе".

Еще большая редкость - специально соболиная лайка. К сожалению, у доктора Слюнина нет снимков местных собак, а также беден труд описанием способов охоты с собакой, что составляет серьезный пробел. Описан только способ охоты за соболём и лисицей. Положим, это самые ценные звери для тамошнего охотника и, вероятно, для охоты за ними специализируются ламутские собаки; но все-таки точных сведений в труде доктора Слюнина об этом не имеется, что очень важно для кинологии.

О собаководстве вообще мы почерпнули из исследований доктора Слюнина следующие сведения:

"Собака и олень - лучшие друзья северного инородца", благодаря которым он существует. "Собака приучает его к оседлости". "Собаководство и оленеводство составляют более важные статьи хозяйства, чем обычное наше скотоводство".

"Порода здешних собак довольно смешанная, но, всматриваясь ближе в строение головы, рост, приемы и характер, нетрудно выделить следующие три типа.

1. Мало отличающаяся от волка ездовая собака признана единогласно всеми путешественниками и исследователями происходящей от волка, и даже слывущая за прирученного волка.

2. Крупная широкозадая с короткими и толстыми ногами и медвежьей походкой, очень сильная собака, черной масти, с псовиной жесткой и длинной. Голову, хвост и уши держит опущенными (неизвестно, вислоухая эта собака или только закладывает или прижимает уши, отчего они многим кажутся опущенными). Эта собака напоминает монгольскую породу".
Какую монгольскую? Мы имеем несколько описаний монгольских пород с определением местности их разведения.

3. Промысловая, или охотничья, "известная под именем тунгусской или ламутской". Признаки: морда длинная, острая, шерсть короткая, характер "сангвинический". Необыкновенно сильно развито чутье. Зверовая собака роста среднего (?). Ноги длинные и тонкие. Сильно развиты грудные мышцы.
"Одна из особенностей этих собак - это выразительные глаза и особые, цветной шерсти, кружки или пятна под или над глазами, что часто дает им название "двоеглазки". Она всегда весела, ретива, неутомима на бегу, понятлива". Затем доктор Слюнин отмечает "много помесей и вариаций среди этих трех типичных представителей, но выделяет коряцкую собаку".

Коряцкая лайка: "шерсть пушиста и часто очень коротка, морда длиннее, но шире, чем у ламутской; движения медленны. Она хорошо знает своего хозяина и никогда не станет ласкаться к постороннему, как ездовая или ламутская". Замечательно, что характеры ламутской и коряцкой лайки соответствуют характерам их хозяев. Ламутско-тунгусская лайка сангвинического характера, как и сама народность.

Характер коряка описывается так: коряк противоположность тунгусу. Он "рослый, широкоплечий, с богато развитой мускулатурой, он тяжел на подъем; движения его грубоваты (угловаты) и медленны; говорит не спеша, как бы обдумывая".

Кроме того, коряцкая собака играет роль в религии этого племени. Она караулит двери рая. Ее приносят коряки в жертву своим богам. Во время голодовок они, случается, не только перевешивают в известном поселке своих собак, но и прикупают их для этой цели сcстороны, чем себя окончательно разоряют, лишаясь перевозочных средств, ради своих языческих жертвоприношений. В Камчатско-Охотском Крае существует особая система воспитания охотничьих и ездовых собак. Первых держат в юртах и избах, в тепле, а вторых на открытом воздухе. Считают необходимым тех и других хорошо кормить. Уходу, содержанию и езде на собаках в труде доктора Слюнина отведено достаточно места.

Ездовые собаки - "скотинники", но исправимые. Для того чтобы они не нападали, надо их воспитывать вместе с домашними животными и хорошо кормить. Когда они сыты, нападений не случается, по словам г-на Слюнина. Ездовые собаки не лают, а воют. Цена ездовой - от трех до пяти рублей, передовой - двадцать-пятьдесят.

Простая охотничья - десять-двадцать пять рублей, но есть зверовые, которых и за сто рублей нельзя купить у инородца.

Чукотских собак доктор Слюнин не хвалит, как и г-н Иохельсон. Для охоты чукчи покупают собак у ламутов, тунгусов и юкагиров. Весенняя эпидемия в крае аналогична эпидемиям всего Полярного Севера. Чума занимает первенствующее место, затем нервные болезни и механические повреждения являются результатом непосильных трудов, несмотря на то, что уход и обращение с ездовыми собаками в крае несравненно лучше, чем на Колыме и в других местах Полярного Севера, Якутской области. Всему причиной - общее неустройство жизни, недостаточный запас корма, несоразмерное кормление, непосильная работа и т. п.

В заключение повторю, что о собаководстве, о езде, содержании и нраве ездовых собак труд г-на Слюнина вполне знакомит нас с этим предметом, но в охотничьем отношении далеко не удовлетворяет:

1) не указано подробно, на что можно охотиться с местными породами собак;
2) приемы и способы охот;

3) нет фотографических снимков наиболее типичных представителей местных пород. Это все важно и для кинологов, тем более, что собаки Охотско-Камчатского края - самое важное, полезное и нужное животное для местного населения.

Мы можем только вывести заключение, что тунгусы среди местного населения - лучшие охотники, а равно и их собаки; что обращение и воспитание охотничьей собаки здесь осмысленнее и гуманнее, чем где бы то ни было.

А, в общем, невольно вспоминается приведенная даже у Брема пословица: "Каков охотник - такова и собака", подтверждающаяся и сообщениями доктора Слюнина.

ЛАЙКА И ОХОТА С НЕЙ М.Г.Дмитриева-Сулима ЛАЙКИ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ, ПО КНИГЕ Г-НА МААКА
Лайки Вилюйского округа

В заметках, напечатанных ранее, я говорила на страницах "Природы и Охоты" и "Охотничьей Газеты" о лайке вообще якутской по книге г-на Серошевского и о колымской лайке по книге Иохельсона, а теперь остановлюсь на лайке Вилюйского округа, и таким образом заполню краткие сведения о лайках Якутской области.

Экспедиция и исследование г-на Маака относятся к пятидесятым годам, а гг. Серошевского и Иохельсона - к девяностым, а потому эти известия. Нельзя считать устарелыми. Полстолетия, как видно, чем мне пришлось убедиться, не имеют такого значения, чтобы за это время могла переродиться порода, испокон веков существующая в такой глухой Местности, как Вилюйский округ Якутской области.

Вилюйский округ граничит на севере с Верхоянским округом той же области, на западе - с Енисейской губернией, на юге - с Иркутской, а на юго-востоке и востоке - с Олекминским и Якутским округами той же области. Можно сказать, что Вилюйский округ представляет приблизительно юго-западную четверть области. Он заключает в себе бассейн реки Вилюй, впадающего в Лену с левой стороны севернее реки Алдана, и являющегося последним многоводным притоком.

Г-ну Мааку было поручено исследование Вилюйского округа Географическим обществе "Очерк Вилюйского округа" был издан в 1877 году.

Об охоте и собаках этого округа он говорит следующее. До половины XVIII века в Вилюйском округе якутами и тунгусами употреблялись луки и стрелы, а затем и кремневое оружие. Тунгус своему ружью отводит самое почетное место в юрте. Он более страстный и дельный охотник, чем якут. Последний, например, на медведя охотится только в берлоге и целой артелью, "вооружившись винтовкой и рогатиной". Об охотничьей собаке Вилюйского округа г-н Маак говорит, что "все якуты и тунгусы держат собак, но не употребляют их для упряжи, а почти исключительно для охоты".

"И прибрежным жителям собака не служит для тяги лодок, как мы это видим у тунгусов (мангунов и гольдов), живущих по берегам р. Амура. Трудно сказать, к какой породе принадлежит собака в Вилюйском округе, но, во всяком случае, она не чистой породы, по крайней мере та, которую я имел случай видеть в якутских и русских селениях окрестностей гор. Вилюйска и Якутска, и у якутов, живущих между последним городом и устьем реки Вилюй. Якуты, по приходе в страну, ныне ими занимаемую, надо полагать, имели уже собаку и, вероятно, монгольскую, так что настоящая их собака есть уже помесь, происшедшая от скрещения этой последней породы с той, которая находилась у коренных жителей страны, то есть у тунгусов. У них я встречал собаку весьма типичной формы и очень распространенной по Сибири, а именно лисоподобной. Она небольшого роста, с острой мордой, живого характера и бывает всевозможных цветов. Не только по форме, но часто и по цвету эти собаки имеют поразительное сходство с лисицей, так как между ними нередко встречаются особи с шерстью светло- и темно-рыжего цвета. Страсть к охоте у них так велика, что, напав на свежий след охотничьего зверя, они увлекаются до такой степени, что убегают от хозяина на несколько десятков верст и часто даже не возвращаются к нему. Так я лишился своей великолепной, чистокровной собаки; она совершила со мной не только все путешествие по Вилюйскому округу, но даже бежала за моей повозкой почти до самого города Иркутска. В день перед въездом моим в гор. Иркутск она по дороге напала на свежий след дикой козы, погналась на ней и бесследно исчезла в глухой тайге, откуда уже не возвращалась... Ее звали Оллера, что по-якутски значит "мальчик"; я ее купил у тунгуса за довольно большую сумму".

Действительно, тунгусские лайки чрезвычайно вязки и преследуют зверя до крайнего его изнеможения, хотя бы это преследование продолжалось несколько дней и десятки верст. Тунгус спешит вслед за собакой, руководясь ее лаем или следом. Тунгусы различают следы и по чернотропу. А собака держит зверя до прихода хозяина, давая о себе знать громким лаем, а если она приучена преследовать молча, то, загнав или "постановив зверя", она анонсирует. За молчаливыми собаками большей частью охотник следует на коне или олене. Но никогда не бывает, чтобы собака совсем покидала хозяина. Случай с г-ном Мааком может свидетельствовать, что собака попала в яму или ловушку, или убита из самострела, которые ставят на коз, лисиц и других животных. Или г-н Маак не искал и не ждал ее на том месте, где она его покинула, день-два.

Затем г-н Маак упоминает об охоте на птицу, говоря, что "главная охота - на уток и гусей во время линяния с собаками. Нарочно для подобной охоты приученные собаки весьма ценятся, потому что хорошая собака в состоянии прокормить небольшую семью в течение всего лета".

Здесь, кстати сказать несколько слов о коренном типе тунгусской лайки, распространенном между Енисеем и Становым хребтом, между верховьями рек Хитонги, Оленёка, Яны, Индигирки и Колымы и течением Средней Тунгуски и

нагорьем. За этими пределами и даже в них есть разновидности тунгусских лаек в небольшом числе, но я говорю о коренном, преобладающем типе. Это лисоподобная собака, принадлежавшая еще в пятидесятых годах исключительно тунгусам, а в семидесятых годах г-н Серошевский находит, что уже якутская собака отличается от лисицы лишь круглым зрачком. И говорит это г-н Серошевский об Якутской области вообще.

Г-н Иохельсон лисоподобную собаку уже отмечает в качестве зверовой и ездовой крайнего северо-востока области в полярной ее части. Все это доказывает, что лисоподобная собака северных тунгусов, произошедшая от лисицы, с ней скрещивается и составляет коренной тип лайки данной местности, тогда как лайка восточных тунгусов (Становой хребет) борзовата, высока и короткошерста по сообщению местных интеллигентных охотников. Лайка тунгусов Охотско-Камчатского края является особым типом, о котором говорит доктор С-ников, а тунгусская лайка бассейна Амура (р. Селимджи), по мнению Миддендорфа, есть "шакало-волчий ублюдок".

Таким образом лайка тунгусов Вилюйского округа, отмеченная г-ном Мааком, оказалась очень устойчивой разновидностью и типом, имеющим распространение и за пределами Якутского округа. Лисоподобная собака и должна быть принята за типичную лайку, как охотничью собаку Якутской области, хотя современные собаки оседлых якутов очень напоминают остяцких лаек. Это весьма распространенный тип. Но это такие же посредственные собаки, как Якуты - охотники.

"ЛАЙКА И ОХОТА С НЕЙ" М.Г.Дмитриева-Сулима КОЛЫМСКАЯ ЛАЙКА

Колымский округ составляет северо-восточную часть Якутской области; он на севере упирается в Ледовитый океан, на востоке граничит с Приморской областью, с землей чукчей, на западе - с Верхоянским округом, на юге - с Якутским.

"Несмотря на свое полярное положение, - говорит Иохельсон, - Колымский округ, как по обширности занимаемого им пространства, так и по устройству поверхности, разнообразного рельефа и растительного покрова, богаче видами фауны, чем другие округа Якутской области. Здесь мы видим зону дремучих лесов и область чахоточных кустарников-притундренной полосы, - открытую тундру и льды океана, - горы, покрытые кедровым сланцем, и голые хребты. Во всех этих областях фауна не одинакова".

Население этого округа якуты, русские, ламуты, юкагиры, бродячие тунгусы и чукчи. Лучшие охотники из них тунгусы, имеющие свою особую породу охотничьих собак. Иохельсон говорит:

"В округе две породы собак: так называемая тунгусская лайка, остроухая собачка бродячих оленеводов, и полярная ездовая. Первая специально охотничья собака... и ее в округе мало".

Все народности дальнего северо-востока вообще и Якутской области, в частности, единодушно выделяют породу тунгусских охотничьих собак (лаек) из всех прочих пород и разновидностей, строго отличают по внешним признакам и не особенно ценят охотничьи достоинства этих собак. В этом мне пришлось убедиться лично. На втором плане стоят промысловые "гнезда" мещан Русского Устья Верхоянского округа на р. Индигирка, впадающей в океан. Эти собаки и по типу ближе к тунгусским, вероятно, от них и произошли.

Интересно, что г-н Серошевский делит собак области на "якутских промысловых и приморских ездовых", отожествляя первых с тунгусскими, тогда как тунгусские собаки очень ценятся и их редко можно купить. Иохельсон поступает вполне основательно, не обобщая колымских собак с таковыми во всей области. Это придает его делению точность, что мы увидим впоследствии. На 3-й странице книги Иохельсона мы читаем:

"Домашний скот якута - лошадь, бродячих народностей - олень, а речных жителей и так называемых "сидячих" - исключительно собака; но все эти животные приспособляются к содействию человеку на охоте. Впрочем, о собаке, следующей за человеком под все широты, необходимо прибавить, что у каждой из народностей округа она является самым надежным товарищем во время промысла зверей. В то время как лошадь и олень - пассивные, несознательные и невольные помощники, собака, как умный хищник, является активным и сознательным промышленником, руководящим нередко другим хищником - человеком".

Собака, человек с его изобретательностью и способностью перехитрить зверя, наконец, собственный предательский след животного - вот три главных врага всякого зверя.

Из всех народностей, населяющих Колымский округ, чукчи известны как "неохотники", и представляют с тунгусами два противоволожные полюса, между которыми средину составляют в охотничьем отношении все прочие народности.

"У оленного чукчи нет ни привычки к охоте, ни Времени для нее, так как стадо требует постоянного ухода и забот".

Лисиц чукчи травят собаками, но промышленных собак приобретают у ламутов или тунгусов; их собственные собаки малопригодны для охоты, а дрессировать их они не умеют. Вообще к охоте и промыслу тяготеют бедные и малооленные люди, богачи не интересуются охотой. Чукотских собак (ездовых) Иохельсон и не описывает. Для всех остальных народностей, полукочевых и оседлых, существует общая, одна порода полярных ездовых собак.

"Ездовая собака, - говорит Иохельсон, - составляет рабочий скот не только безоленных кочевников и "сидячих речных жителей, русских и обрусевших инородцев, но и большей части скотоводов-якутов.

За исключением юго-западной части округа, в каждой якутской юрте найдете 5-4 собачки, на которых возят дрова, лед и производят другие хозяйственные работы. Ростом полярная собака невелика, вышина ее в плечах 50-60 см. Бывает и несколько выше, но многие ездовые собаки, в особенности у якутов, поражают вас своим малым ростом. Маленький рост рабочих собак можно, впрочем, объяснить теми же причинами, почему у наших крестьян маленькие лошади: на 5-6-месячных щенках, которых почти не кормят, бедные люди уже возят дрова и воду. У состоятельных хозяев собаки, пользующиеся лучшим уходом, всегда рослее. По наружному виду местная ездовая собака со своими стоячими ушами, косым разрезом глаз, густой шерстью, широкой и относительно большой головой, острой мордой и спущенным (когда она не в духе, устала или ест) пушистым хвостом, весьма походит на волка. Но есть между ними мохнатые собаки с несколько притупленным носом, ничем по виду не отличающиеся от наших шпицев. Малорослые же собачки с длинной мордой и острым носом настолько похожи на лисиц, что только по цвету шерсти и круглым зрачкам можно их отличить от последних. Сходство это еще более увеличивается, если попадется собака с желтой

окраской меха. Вообще тип колымской ездовой собаки не однообразен, и она, очевидно, составляет помесь камчатско-эскимосской собаки с другой пришлой породой".

Разумеется, с переселением людей переселялись и собаки. Эти "мохнатые" изредка попадающиеся собаки, по-моему, нарождаются отчасти в силу атавизма, отчасти попадают из Енисея от самоедов и юраков на Лену, то есть на ее устье, жители которого сообщаются и с Туруханским краем, и с Индигиркой, а чрез нее и с Колымой. По крайней мере, я сделала подобный вывод, побывав и порасспросив на низовьях и устье Лены. Посещение Большеземельской и других тундр привело меня к окончательному выводу о константности породы и типа полярных мохнатых собак (См. мою статью о самоедских собаках за 1910 г.).

Преобладающая масть колымской собаки, по Иохельсону, серая, серо-желтая, пестрая, то есть белая с серыми пятнами. "Совершенно белых нет". На тундре к западу от реки Колымы масть преобладает черная. Собаки Яны и Индигирки преимущественно черные (это уже Верхоянский округ). Прибавлю кстати, что мной осмотрены все стаи устья Лены. У всех масть преобладает черно-пестрая и черная, затем серая, красных или желтых не более 3%, белых не видала. Склад полярной ездовой собаки Серошев-ский и Иохельсон описывают почти одинаково, и я не могу сказать ничего нового об усть-ленских, иначе островных собаках.

"Ноги сравнительно толсты и коротки; грудь, которой тянут нарту, прекрасно развита; шея толста и коротка. Морда необыкновенно хитрая, с меланхолическим или угрюмым выражением".

Та же ездовая, по Иохельсону, в одно и то же время и "промышленная", с хорошо развитым обонянием, но еще с лучшим слухом и зрением. Почти круглый год на привязи, "но предоставленные самим себе, они отлично умеют себе находить пищу в виде мышей, куропаток, уточек и других птиц и мелких зверей. В обществе загрызают оленя, корову, а голодные нападают на лошадь". Интересно, что "колымские собаки во время езды свирепеют и даже опасны для встречного человека... Что касается охоты, то по птице они бесполезны: мешают и разгоняют лесную и болотную птицу". Еще бы! Ведь они привыкли, по словам того же автора, охотиться самостоятельно на птиц для своего собственного пропитания.

"Впрочем, - говорит Иохельсон, - самый промысел птиц, для которого собак не употребляют, носит там совершенно иной характер, чем у нас. Вообще этих собак никто не учит. Хорошая промышленная собака является самобытным талантом. Собственно говоря, всякая из местных собак умеет отыскивать след зверя и преследовать его, но не у каждой хватает азарта и смелости, чтобы довести преследование до конца".

И понятно. Ведь их не дрессируют, не наганивают, не натравливают, словом, не применяют системы того классического образования, как к легавым, гончим и борзым! А что бы было, если бы обучением их занимались так же в течение столетия, как нашими европейскими четвероногими любимцами?! Колымчане боятся медведя, служащего предметом суеверий, а потому и не желают на него охотиться. Поэтому и собаки их боятся "босого старика". Не все идут и на лося. Конечно, не все ездовые, "догоняя песца или лисицу, боятся вступить в единоборство".

Все это так естественно, если вспомним, что ездовая собака служит промышленнику

между прочим, как дилетантка, без подготовки! Тем не менее, и из них, среди них различают "промышленных", "лающих" белку, "берущих" лисиц, песца, волка и "не выдающих" хозяина при встрече с лосем и медведем. Особенно ценится последняя собака.

Редко встречается универсальная собака, годная для всякого промысла.

"Обращение с собаками на Колыме довольно доброе к чести собаководов следует сказать, что с ними встречаются сторонники школы воспитании управления добрым словом и лаской. Вся жизнь ездовой собаки складывается так, что нетрудно объяснить ее угрюмый вид, необыкновенную трусливость, раболепное заискивание перед человеком и способность в то же время вдруг, неожиданно "обнаруживать дикость натуры ее не прирученного прародителя".

Рабочие самцы кастрируются. Ездовые собаки большую часть года содержатся на привязи ради сохранения их энергии и чтобы иметь под руками, они оживляются, когда их запрягают. Колымские собаки очень нервны. После плохого зимнего корма, изнурительной работы и при отсутствии какого-либо ухода появляются эпидемии, по симптомам напоминающие чуму, от которых собаки гибнут массами.

Охоты на Колыме с собаками практикуются следующие. Юкагир с собакой промышляет лисицу. С раннего утра, став на замеченный вчера след, он отправляется, держа собаку на сворке, и спускает только тогда, когда заметит, что лиса прибавила ходу. Собака догоняет лисицу и кончает с ней одна или при помощи хозяина. Когда поединок кончится без пОМОЩИ человека, то собака или лежит, карауля добычу в ожидании хозяина, или бежит навстречу, "виляя и ластясь, и всячески зовет к полю недавней битвы". Эта охота производится только, пока снег по колено, не выше.

Вот борзым тут посостязаться не стыдно было бы. Если лисица понорилась, то вход заколачивается по исследовании палкой направления расположения норы, а затем она прорубается топором сверху; тогда лисица бросается головой к выходу, а юкагир ловит ее за задние ноги и вытаскивает наружу, где собака уже приготовилась довершить дело. В Нижнеколымском районе русские и обрусевшие инородцы так же охотятся на лисиц.

Якуты "гонят лисий след" на коне; собаки несут обязанности, аналогичные обязанностям борзых: догнать и поймать. Такая охота производится по рыхлому и глубокому снегу, а по насту собака редко догоняет лисицу. Ружьем лисиц не добывают.

Тогда как якут преследует лисицу на коне, ламут верхом на олене, а тунгус - в легкой нарте, запряженной оленями (своего рода охота внаездку).

На белку та же охота, что и везде. "Собака своим лаем указывает охотнику дерево, на котором белка укрылась".

Соболя и куницы на Колыме нет, рысь - редкое исключение и специальной охоты не существует.

"Выдру, случайно увидав на льду, травят собаками".

На песца, та же охота, что и на лисицу, но песец в нору не прячется, а выбирает открытый лед или наст, где старается увернуться от собаки всякими курбетами и сальто-мортале, но в конце концов складывает свою смелую головушку. Молодым

собакам, выразившим трусость, тут же на месте обрезают некоторые промышленники уши, уверяя, что после этой операции собака приобретает "крепкое сердце" и ей не страшны укусы песца. На лося охотятся "обязательно с собаками" весной по насту. Собаки задерживают лося и отвлекают от хозяина.

О медведе Иохельсон говорит следующее: "Страх, как суеверный, так и физический, перед медведем у населения Колымского округа так велик, что специального промысла за ним не существует. Можно сказать, что убийство медведя является здесь актом самозащиты. О якутах, как о трусливых охотниках, говорить нечего". Якуты, идя на охоту, молят Бога не встретить "черного зверя", а чукчи, презирающие смерть, чувствуют особый страх перед стариком, который "ходит босиком". Неудивительно, что не все колымские собаки идут на медведя, напротив, странно, что еще не у всех атрофировалась способность лаять на медведя и останавливать способом, общим для всего мира северных собак.

На белого медведя, - можно заключить, - колымские собаки идут смелее.

Тунгусы со своими собаками в охотничьем отношении занимают совсем особое место: они - бродячее племя, а потому нельзя причислить их собаку к местной колымской, потому и Иохельсон, вероятно, обращается к ней вскользь. Но общеизвестно, что тунгусы округов Колымского, Верхоянского, Охотского, восточной части Олекминского обладают, разводят и берут универсальную, идеальную лайку, с которой, помимо всего прочего, охотятся и на горных баранов, и на птицу, а из последней на диких гусей особым способом, с особо разводимыми красными собаками. Но об этом после, а теперь остается сделать вывод из всего сообщенного г-ном В.И. Иохель-соном о колымской собаке.

Эта собака по качествам принадлежит к породе северных собак (лаек, по мнению некоторых, - дворняжек) и населяет Колымский округ, вернее р. Колыму с притоками. Исторически известно, что триста-четыреста лет ее заставляют главным образом нести обязанности тяглового животного, которые не погубили еще ее охотничьих инстинктов, а последние, не будучи развиваемы или поддерживаемы человеком дрессировкой и охотничьим воспитанием, все же сохраняясь, дают ему возможность эксатировать животное, как охотничью породу, меньшинство из них годно для охоты на крупного зверя, почти все лают белку, большинство несут обязанности ловчей собаки по лисицам и песцам, то есть по тому зверю, который, как известно, наиболее "распространен в округе и составляет главный объект охоты местных жителей. И здесь северная собака стала тем, чего от нее захотел человек.

"ЛАЙКА И ОХОТА С НЕЙ" М.Г.Дмитриева-Сулима

ЛОВЧИЕ ЛАЙКИ

В главах пятой и шестой я сообщила о псовой охоте с лайками. Теперь скажу о ловчих лайках, то есть о тех, которые догоняют и ловят зверя в лесу и в открытой тундре ("Охотничий Вестник" № 17, 1902 г.).

Ловчие лайки не представляют особой породы и разновидности, а вырабатываются из наличного материала в руках русских и инородцев, преимущественно в Азии, особенно в ее северо-восточной части. Ловчие лайки вырабатываются и из собственно тунгусских, из ламутских, якутских, а также есть русские охотники-собакозаводчики, которые разводят ловчих и зверовых собак. Условия жизни, климат и исторические условия заставили обратить "подлайку", "дворняжку", или как угодно ее назовем, в незаменимую и бесценную лихую ловчую собаку. Ружья, свинец и порох дороги, не

всегда есть достаточный их запас, в 45-60 градусов морозу не безопасно употребление ружья, а кормиться и одеваться нужно, и вот эти-то условия, в соединении с охотничьей страстью у тунгуса, ламута и русского, заставили лайку превратиться в ловчую собаку. Якут в этом отношении стоит особняком. Любовь к травле у него не выработана, благодаря местным условиям, принесена из степной родины, как предполагает весьма основательно г-н Серошевский; а Маак его дополняет предположением, что якуты привели с собой монгольскую собаку, которая смешалась с туземной аборигенкой, тунгусской лисоподобной лайкой и образовала современную якутскую лайку.

Но вернусь к аборигенке. Г-н Маак в очерке Вилюйского округа высказывает мнение, что тунгусская лайка есть коренная порода лаек Восточной Сибири. О тунгусской лайке округов Вилюйского и Якутского он говорит, что она имеет поразительное сходство с лисицей.

Г-н Иохельсон ("Труды экспедиции") говорит специально и о лайках Колымского округа и выделяет специально охотничью тунгусскую лайку, "остромордую собачку", которой уже мало в округе; но, описывая колымских ездовых (они же и ловчие, и промысловые), он, между прочим, отмечает "малорослых собачек, с длинной мордой и острым носом, настолько похожих на лисиц, что только по цвету шерсти и круглым зрачкам можно их отличить от последних". Г-н Серошевский, описывая разновидности якутских лисиц, говорит, что "лисицу легко принять за якутскую собаку".

В другом месте своего труда он несколько себе противоречит, говоря, что якутская лайка есть помесь лисицы с волком, а также неудачно подкрепляет себя Миддендорфом, который взял за объект исследования тунгусскую "шавку" (?) из верховьев Селимджи (приток Амура), причислив ее к породе шпицев, и в то же время об ее происхождении говорит, что "шавка-шпиц" есть "шакало-волчий ублюдок", что она остромордая, поджарая, на высоких тонких ногах с длинным пушистым хвостом, который волочит по-лисьи... Описание Миддендорфа есть описание только селимджинской тунгусской лайки, и как он, так за ним и Серошевский неправильно обобщают на Якутскую область типичные признаки собак совсем отдельного, за горами и морем (Байкал) Селимджинского бассейна. Ценно описание Серошевского, выражающее его непосредственное впечатление и наблюдение, что "лисицу легко принять за якутскую собаку", потому что оно поддерживается и Мааком, и Иохельсоном, и другими.

Лисоподобная лайка есть старинный коренной тип тунгусской собаки, территории нынешней Якутской области. Мне говорил г-н Широков, знаток Восточной Сибири, что на р. Тунгуске есть племя (род) тунгусов, собаки которых от лисиц отличаются только круглым зрачком. Бывший помощник охотского исправника Двойников-Самсонов описывал мне собак тунгусского племени, бродящего между Якутском и Охотском на западных склонах Станового хребта, что и лайки более всего складом напоминают борзую, только спина прямее, морда короче и уши стоят. Д-р Слюнин в очерке Охотско-Камчатского края, не отделяя тамошнюю тунгусскую собаку от ламутской, считающихся специально охотничьими зверовыми, говорит, что они имеют длинную, острую морду, короткую шерсть, сангвинический характер. Чутье развито необыкновенно сильно.

"Зверовая собака вообще среднего роста, на тонких и длинных ногах, с сильно развитыми грудными мышцами; одна из особенностей этих собак - это выразительные глаза и особые, цветной шерсти, кружки или пятна под или над глазами. Она всегда весела, ретива, неутомима на бегу, понятлива".

Коряцкая собака обладает медленными движениями, менее общительна. Морда длиннее и шире, чем у ламутской. Шерсть пушиста и часто очень коротка (ездовые лайки Охотско-Камчатского края волкообразны, а есть и черные, напоминающие медведей).

Об ездовых собаках Колымского края г-н Иохельсон говорит, что они же и охотничьи, но они нескольких типов:
1) волкообразные,
2) лисоподобные
3) мохнатые, напоминающие шпицев.

Ламутская зверовая лайка Монар, вывезенная членом экспедиции за мамонтом г-ном Пфиценмайером, серая и по строению зубов приближается к дикой собаке; она от колымских ламутских собак. Владелец г-н Пфиценмайер выставлял ее и получил медаль (серебряную). Кстати замечу, что собака эта такой редкой кровности скупо оценена.

Член полярной экспедиции г-н Орлов вывез русскую ловчую лайку с р. Индигирки, из лучшего "гнезда" (завода), которая представляет опять иной тип. Череп овальный, глаза белые, стройна, легка, грациозна замечательно. Масть черная. По росту средняя. Находится у бывшего якутского губернатора; он охотится с ней и как с гончей, то есть из-под гона бьет зайцев из ружья.

У меня имеется сорок негативов собак из бассейна Яны, которые тоже свидетельствуют о существовании и в Верхоянском округе нескольких типов лаек.

Наконец, я лично посетила низовья Лены и нашла четыре типа собак:

1) волкообразный (ездовые), крупные 60-70 см;

2) мелкие тунгусские, лисьего строения;

3) легкие на высоких ногах, поджарые, с очень большими и острыми ушами и тонкими мордами

4) мохнатых-тупорылых, происходящих, несомненно, от самоедских.

В южной части области есть очень крупные черные собаки с полустоячими ушами, и медведеобразные, с очень маленькими и округленными стоячими ушами. Последних я видела три-четыре собаки. А крупных, очевидно монгольских, много. Их много в Витимской тайге у тунгусов; из этих собак выдаются медвежатники, держащие в одиночку медведя по полу суткам.

Итак, я представила материал весьма разнообразный, из которого люди умеют воспитать ловцов, но все-таки наибольший процент и лучшего качества ловчих собак дают собаки тунгусские и ламутские, а наравне с ними - собаки жителей с. Русского Устья на р. Индигирке Верхоянского округа. Они воспитывают лаек специально для ловли песцов и лисиц.

На юге Якутской области в бассейне р. Олекмы и ее притоков Мачи, Жуй и Потомы русские охотятся верхом по чернотропу с местными лайками на лосей, оленей и

медведей. Лайки догоняют и держат этих зверей. В с. Нохтуйске у гг. Завадских имеются охоты из лаек, которые одинаково хорошо идут по птице, по мелкому пушному зверю и по указанным видам крупных зверей. Вся охота производится исключительно верхом на лошади.

В наш питомник случайно попала тунгусская собачонка Кыстара; по словам г-на Алтыкова, она принадлежит к известной породе жуйских тунгусов. Собачка мне показалась мелкой (черная лисичка), и я не обратила на нее особого внимания... Нужно было охотнику ее пристроить (по разным соображениям) в хорошие руки, я согласилась ее поместить у себя. А потом гг. Завадские и другие охотники, видевшие ее на охоте, рассказали, что она по чернотропу догоняет лося и, чтобы остановить его (ни одна собака в мире не "поймает" лося), заскакивает вперед и успевает его схватить за нос. Лось мотает головой, и она болтается в воздухе, "как сережка", говорит Завадский. В последнюю охоту, в которой, кажется, участвовали нохтуйский охотник Молотков и г-н Найденов, лось, с болтающейся на носу Кыстарри или Кыстрой, бросился в реку и несколько раз окунал голову в воду. Собака не отцеплялась. Лось бился на мели в предсмертных судорогах от выстрелов и ударов, а собака не оставляла его, пока не почуяла, что он мертв. Кровь Кыстры сохранилась в жилах собак гг. Подороги и Поплавского. Золотопромышленник г-н Быбин (с Жуй) сказал мне, что они по снегу и по насту не охотятся с лайками на коз потому, что лайки ловят их на первой версте и выходит, точно бойня у себя на дворе. Едва ли "крымки" и "горки" в состоянии будут конкурировать в здешней горной тайге с местными лайками.

Итак, ловчие лайки путем подбора и воспитания могут выработаться из разных пород или разновидностей этих собак. Гарантией злобы и резвости служит их близкое родство с дикими сородичами и особенно с некоторыми их азиатскими видами, что особенно важно. О воспитании их я могу сказать на основании печатного и устного собранного материала следующее. Сначала повторю слова г-на Иохельсона:

"Вообще этих собак никто охоте не учит. Хорошая промышленная собака является самобытным талантом. Собственно говоря, всякая из местных собак умеет отыскивать след зверя и преследовать его, но не у каждой хватает азарта и смелости, чтобы довести преследование до конца". А тем "молодым собакам, у которых не хватает смелости, чтобы в решительную минуту броситься на песца, тундреные промышленники на месте обнаружения ими недостатка храбрости срезывают ножом уши до основания. От такого приема воспитания собака, по мнению охотника, получает "крепкое сердце". Собаку, прошедшую эту жестокую школу, я видел в устье Индигирки. Она была довольно жалка на вид, но считалась хорошей собакой для песцового промысла".

Не знаю, имеет ли резон этот варварский способ притравливания, но он и подобные существуют и в Иркутской губернии. Ничего подобного не практикуется у тунгусов.

Г-н Серошевский говорит об якутской лайке, что она "смышлена" и "охотно слушается приказаний" и вообще способна к дрессировке.

Серошевский пишет, что якуты, хотя своих собак не кормят, но в морозы пускают в юрты, а, в общем, обращаются грубо. Г-н Иохельсон исследовал бассейн реки Колымы. Г-н Серошевский - бассейны рек Яны и Индигирки. Область моих наблюдений - бассейн р. Лены с Алданом, Маей, Чараем, Олекмин-ском и Витимом, Становой хребет, побережье Охотского моря, Сахалин, Уссурийский край и Амур - в Восточной Сибири: бассейн рек Вилюя и Оленёка -область исследований академика Маака.

Д-Р Слюнин, напротив, об охотниках Охотского края говорит, что у них собаки подчиняются известному воспитательному режиму. Их держат в тепле, хорошо кормят. Они "с раннего возраста подвергаются особой дрессировке и воспитанию".

Что касается тунгусов и их собак, то нужно, прежде всего, сказать, что этот живой, наблюдательный, сообразительный народ стоит в охотничьем отношении особо от всех народностей, населяющих наш северо-восток. Где у них кончается религия, божественное, и начинается охота, страсть - определить трудно. Формула их клятвы, составленная для присяги при судебном разбирательстве, - "свидетельская присяга" - "Геричилиху шихага" - начинается: "Я, такой-то, обещаюсь и клянусь перед Богом... В удостоверение моей клятвы целую дуло ружьям.

Тунгус - бродячий оленевод и охотник по страсти прежде, чем промышленник. Тунгус и его собака - нераздельны. Всеми единогласно признается, что разновидности тунгусских собак - лучшие лайки для всех видов охоты. Помимо того, что тунгусы - мастера натаскивать, натравливать и дрессировать собак, но дрессировкой они достигают еще результатов, не уступающих немецким и английским дрессировщикам. Бывший член Алданской экспедиции г-н Горонович рассказывал мне, что они наткнулись в Алданских горах на летовье тунгуса Карамзина, познакомились, поговорили, некоторое время пробыли у него. Этот тунгус знал по-русски и был грамотный. Тут же вертелась лайка - небольшая собачка. Когда члены экспедиции ушли, то уже через два-три дня к ним в горы вдруг явилась эта собачка и стала ласкаться визжать, терлась около них, но они не обратили на нее внимания. Она скрылась, но спустя некоторое время собака снова появилась с волнением и беспокойством, но они не могли ее понять...

Впоследствии оказалось, что к ошейнику была прикреплена записочка от Карамзина, но незаметно, а собака добивалась, чтобы взяли записочку... Возвратилась она к хозяину смущенной и убитой. Но вскоре все разъяснилось.

Тунгус сумел объяснить, а собака понять, что надо найти именно этих людей, найти в горах и отдать г записку.

Говоря о ловчих собаках, я привожу эти, косвенно относящиеся к делу факты только потому, чтобы показать, чего могут достигнуть даже бродячие дикари, когда они являются знатоками своего дела, когда они преданы ему и любят его... Но, независимо от умения наганивать, натравливать и дрессировать собак, тунгусские собаки самые быстрые и легкие еще и потому, что они питаются только мясной пищей. Большинство тунгусов не употребляют муки и мало рыбы. У приморских и речных оседлых жителей летом собаки обжираются рыбой и страшно жиреют, а зимой голодают, и такое неправильное питание делает собаку то тяжелой, то слабой, и с этой целью перед охотой их морят по несколько дней голодом. Вообще своеобразная тренировка лошадей и собак в Якутской области в большом употреблении перед ездой и охотой, как у русских, так и у инородцев.

О тунгусах и их собаках должна еще сказать следующее: они держат собак только для охоты, только для себя, а потому - ограниченное количество, вследствие чего на этом ограниченном количестве и легче сосредоточить односторонне-охотничье внимание и добиться разнообразных результатов. Другие инородцы и русские держат собак много и для мелкой работы (возить дрова и воду), и для охоты, и для обывательской гоньбы. Зато ездовые (они же и охотничьи) ценятся от 5 до 100 руб. (ведомая или передовая), а тунгусскую собаку менее 100 руб. не купить, да и то редко, бывает, что платят и по 600

руб. (например, Оллар Шарапова в Витимской тайге).

Я собирала сведения о ловчих лайках по всему протяжению р. Лены и получила в ответ, что дрессировки не полагается, а все дело в тренировке, практике и складе собаки.

В с. Нохтуйске и на Маче (на р. Лене) охотничьи псы бегают на свободе и ни людей, ни скота не трогают. Вообще охотники в ловчей лайке преследуют главным образом ожирение. Держание впроголодь перед охотой вообще применяется здесь широко. Ни на цепи, ни взаперти охотники своих собак здесь почти никогда не держат. Я не знаю подобных случаев.

Итак, невольно приходишь к заключению, что все разновидности лаек достаточно легки и быстры (параты или резвы), чтобы из них вырабатывать ловчих собак для известного рода псовой охоты. Доказательств приведено достаточно. Но для этого нужен режим, знание и вера в дело... Разумеется, в сплошных зыбунах и болотах невозможна езда, и только в этих местах, в чистой тундре охота с лайками превращается в типичную псовую, даже на льду и на снегу по колено.

В тайге она приобретает своеобразный, оригинальный характер; это любимая охота якутов - преследовать лисицу и росомаху на коне с собаками. И, наконец, в горах, в горной тайге, в зависимости от характера горного зверя, собаке приходится ограничиваться постановкой зверя "на отстой", "на стойку"; но это относится к дикому горному барану и к кабарге... Эти животные все время высматривают неприступные места, скалы-особняки, столбы и стойки, куда бы вспрыгнуть для отстоя и куда не рискнула бы скакнуть собака.

В Жуйской тайге был такой случай (Жуя - приток Олекмы). Тунгусы охотились; лайка догоняла кабаргу, но последняя успела сделать отчаянный прыжок и очутилась на скале-стойке. Собака в азарте также перескочила и столкнула кабаргу, которая, упав с 16-саженной вышины, убилась до смерти, а собака очутилась в отчаянном положении. На стойку она могла вскочить с разбегу и в азарте, а назад - ни в каком случае!.. До ночи выла бедная собака, сознавая свое безвыходное положение. Золотопромышленник г-н Быбин, видевший и рассказавший эту историю, сообщил мне, что тунгусы остались ночевать под "стойкой", измышляя способ снять собаку. Если бы собака не поймала кабаргу и не задавила, то на стойке кабаргу убили бы из ружья. И, вообще, как ни быстры кабарга и дикий баран, а от собак они спасаются только на "стойках".

Эта моя заметка касается собственно лаек, но не той их разновидности, которую и без того многие смешивают с "борзыми" или ставят наряду с ними, как-то: монгольские ловчие собаки, бразильские, башкирские, нижне-киргизские и даже та дагестанская, что описана в "Охотничьем Вестнике" и в очерках охоты по Дагестану.

Все эти собаки, повторяю, отличаются от борзых не только некоторыми чертами склада, но и

1) способностью ловить в лесу;

2) способностью к дрессировке или просто годностью для других видов охоты;

3) а некоторые гонят или догоняют зверя с лаем.

По существу, у этих разновидностей ловчих собак больше качеств, приближающих их к

лайке, нежели к борзой, с которой у них общего - резвость и некоторые черты сложения, сходная внешность.
Ограничиваюсь этими доводами, но в случае необходимости могу пояснить все сказанное более детально и примерно.

До сих пор вопрос на эту тему еще не затрагивался охотничьей прессой, насколько мне помнится, если не считать двух-трех заметок или корреспонденции в "Природе и Охоте", да ссылок на них в моей книге.

Под понятием "псовая охота" в широком смысле слова я разумею такую охоту, когда собака догоняет и ловит зверя, а охотник принимает его живым и большей частью, сам закалывает. Конечно, очень часто собаки давят зверя до прибытия охотника. Огнестрельное оружие при таких охотах не употребляется.

Ловчие или ловящие зверя собаки известны под именем борзых.

В Европе различают несколько пород борзых, например: русские псовые, хортые, крымские горские и т. п.

В других частях света имеются ловчие собаки многих пород, малоизвестных или неизвестных; на Западе достаточно имеется сведений о зверовидной собаке, по типу, по нраву, по происхождению составляющей одно целое с той породой, которая известна европейским охотникам под именем лайки, северной собаки и дворняжки.

О лайках, с которыми производится псовая охота на волков киргизами Акмолинской степи, упомянул в первый раз на страницах "Природы и Охоты" в восьмидесятых годах г-н Огильви.

В 1896 году вышел из печати под редакцией профессора Н.И. Веселовского изданный Императорским Русским Географическим Обществом труд В.Л. Серошевского "Якуты", в котором дано много места якутам, как охотникам. На страницах 135 и 136 т. I сказано:

"Охота за лисицами составляла всегда видное место в якутском промысле. У них до сих пор сохранилась, ими только практикуемая здесь охота на лисиц верхом на лошади с собаками, очевидно, вывезенная из дальних степей".

Лисицу "легко принять за якутскую собаку, особенно более темные ее виды, которые к тому же и крупнее".

Эта охота производится без лая, так как "якутские собаки плохо лают" (стр. 143). На страницах 135 и 136 говорится о якутах, как об охотниках:

"Один только способ ловли мог быть ими принесен самостоятельно из степной родины - это гоньба зверя верхом на лошади. Охоту эту я наблюдал только на Севере, где огромные озера, перемежающиеся редкими лесами, образуют слабое подобие степи".

Охотятся осенью по снегу, когда он не дает скользить лошади. "Некоторые спускают собак со своры". "Зверя настигают в поле и убивают палкой" или "заставляют скрыться в нору и выкапывают" (стр. 306). Это ли не псовая охота с лайками?

В 1898 году изданы труды Якутской Сибирской экспедиции/В X т. ч. 3-й помещен

"Очерк зверопромышленности в Колымском округе" г-на Иохельсона.

На стр. 25 говорится о чукчах, как охотниках, и об их собаках: "Лисиц чукчи травят собаками, но промышленных собак приобретают у ламутов или тунгусов; их собственные собаки малопригодны для охоты, а дрессировать их они не умеют".

Стр. 52: Юкагир "промышляет также при помощи собаки, лающей лисицу". Для этой цели он отправляется в лес и т. п. Заметив, что лисица прибавила шаг, значит, почуяла человека, он отпускает собаку, бывшую раньше на привязи. Она догоняет лисицу и после отчаянной борьбы убивает. Хорошая промышленная собака не ест лисицы, а лежит рядом с добычей в ожидании менее быстрого на бег хозяина или бежит ему навстречу, неся весть о победе. Такая охота производится, когда снег "не выше колена".

Стр. 53: "В Нижне-Колымском районе русские промышленники и обрусевшие инородцы таким же образом гонят лисий след".

В то время, как юкагиры охотятся пешком, якуты "гонят след на коне". Собака исполняет указанную выше роль.

Стр. 57: "Как якут преследует лисицу на коне, так же точно гонится за ней и тунгус, сидя верхом на легкой нарте, запряженной оленями, и ламут на олене верхом. Ружьем лисицу не добывают".

Псовая охота на песца в безлесной тундре с лайками настолько интересна и оригинальна, что я цитирую ее более подробно: "Песец преследуемый не бежит. Он, несмотря на то, что меньше лисицы, храбрее последней, быстрее и вообще более "верткий зверь".

"Преследуемый песец выбегает на открытое место, бесснежное или с которого ветер сдул снег; особенно любит он гладкий лед озер и рек. Когда песец находит такое место, он не сходит с него. Тут не только постоянно спотыкающийся конь или скользящий олень не могут догнать песца, описывающего по льду всякого рода кривые, но песец увертывается из-под самой пасти пса. Вот оба обессилели, с вытянутыми языками и частым дыханьем пес и песец ложатся один против другого, зорко следя за малейшими движениями друг друга. Вдруг собака быстрым прыжком бросается на спину песца... и падает на пустое место. Но все-таки утомительная борьба ни к чему не ведет, в конце концов шкурка песца оказывается в руках охотника".

Стр. 87: "Промышленник выдру на льду или на земле травит собаками".

Кроме трудов гг. Серошевского и Иохельсона, где трактуется о ловле зверя лайками в одиночку, даже не сворами и не целыми охотами, я могу еще упомянуть о записанных мною на месте сообщениях.

У инженера Подяконова, члена Алданской экспедиции, была тунгусская лайка Кастор, которая в одиночку брала лисиц в тайге, что гораздо труднее, нежели в чистом поле. Эту собаку знали все обыватели города Олекминска Чаринского селения Олекминского округа и якуты по р. Олекме.

У обывателя гор. Олекминска была якутская лайка, бравшая в одиночку лисиц, с которой он охотится верхом на лошади. Фамилия его Седалищев. О лайках, разводимых русскими на реке Индигирка, мне рассказывал член Русской полярной

экспедиции Н.М. Орлов, как они берут (ловят) песцов. О том, что лайки, разводимые на реке Яне и ее притоках, берут лисиц, песцов, мне рассказывали жители селений Булуна, Коссюра и Устьянска. Этих собак разводят как инородцы, так и русские. Чтобы не быть голословной, упомяну имена устьянского священника о. Фрументия, семью Санниковых, норвежца Торгенсона и многих других. В сущности, они пополняли и подтверждали все то, что докладывал ученому обществу Иохельсон и что сообщал Серошевский и другие. Я, конечно, в этой статье не могу перечислять все известные мне источники, так как это бы составило том, а остановиться на источниках последнего времени, трактующих о собаках современных, я считаю вполне достаточным для того, чтобы доказать, что так называемая псовая охота с лайками существует. В заключение я не могу не привести описание монгольской или маньчжурской борзой в письме ко мне с театра войны офицера С.А. Филатьева:

"Видел монгольскую борзую, то есть помесь лайки с борзой, про которых вы в своем труде писали... Эта свора была выведена из Монголии. Порода, судя по этим экземплярам, установившаяся. По понятиям борзятников, это даже не выборзки, до того мало в них сходства с борзыми... В особенности хороши пазанки со слипшимися пальцами и крепкими коготками; таким пазанкам, сухим и скомканным, позавидовала бы не одна выставочная борзая. Говорят, они хороши в лесу и в одиночку давят барсуков".

Мне кажется, что если порода монгольской борзой "установившаяся" и известные экземпляры ее "не выборзки" и мало в них сходства с борзыми, то нельзя о них сказать, как о "помеси". Это просто константная порода, созданная путем подбора при котором обращали более внимания на качества, необходимые для ловчей собаки, а потому эта собака по виду представляет среднее отчасти между лайкой и борзой, это просто разновидность зверовидной собаки (лайки), кровь которой текла во время оно и в жилах русских борзых. Подобных собак я видела и в киргизских степях, а раньше подозревала в них именно помесь, присутствие крови среднеазиатской или русской борзой, пока не увидала их на месте.

Зверовидных, или звероподобных собак (одно и то же, что лайки) очень много разновидностей, и произошли они одни от волков, другие - от лисиц, "шакало-волчьи ублюдки", по Миддендорфу, и от диких собак разного рода, по мнению многих зоологов.

Бразильская "борзая", шаллукская ловчая (Африка), подобно азиатской монгольской, носят в себе черты лайки и борзой и представляют собою нечто среднее между этими двумя породами, хотя это древние, константные породы. Система травли с этими собаками отличается от охотничьего ритуала европейских охотников. Эти собаки преследуют и ловят зверя и в лесу, подобно полярным и тунгусским лайкам, и в то же время годятся и для некоторых других охот, подобно лайкам, так что их родство с лайками бросается в глаза и по качествам, и по нраву, и по наружному виду.

Вполне возможно, что эти собаки составляют переходную ступень между двумя породами, может быть, ведущими не одно тысячелетие род от одного прародителя.

Выскажу еще одно замечание. Все lupus, canis, kyon ловят добычу для пропитания, при том системы у них разнообразны, и у некоторых много сходства с системой наших (европейских) псовых охот. Лайки и все им родственные зверовидные собаки причислены некоторыми зоологами к полудиким (Брем и др.), питающихся собственным промыслом - ловлей. Почему же не считать псовую охоту с лайкой

невозможной, когда резвость (паратость) и злобность этих собак удовлетворяют требованиям азиатских, американских и африканских охотников?

Я думаю, что доказательств существования травли - псовой охоты с лайками - мною приведено достаточно и указано, где подобное существует и какой носит характер, способы охот, как, например, пешком, верхом на лошади или олене, на нарте, запряженной оленями и т. п.

"ЛАЙКА И ОХОТА С НЕЙ" М.Г.Дмитриева-Сулима

Вотяцкая лайка преимущественно содержится вотяками (с охотничьей и сторожевой целями), населяющими область, образующуюся из частей губерний: Вятской главным образом, Казанской, Пермской и Уфимской. Для выяснения быта и влияния помесей на тип вотяцкой лайки я считаю необходимым упомянуть, что район, занятый вотяками, окружается с юго-запада и запада черемисами, на севере - русскими, на северо-востоке и на востоке - зырянами и пермяками, на юго-востоке и юге - татарами и башкирами. Эта этнографическая карта народностей, кажется, должна быть и этнографической картой лайки, если взять во внимание и за основу деления и названия лаек не по местности, а по народностям их содержащим, как это делает князь Ширинский-Шихматов. В данном случае название вятская лайка теряет смысл, так как здесь в Вятской губернии живут, кроме вотяков, черемисы, зыряне, пермяки и много других.

Князь Ширинский-Шихматов, выделяя зырянскую и черемисскую лаек как самостоятельных, предполагает, что вотяцкая представляет еще неопределенную помесь. Очень может быть, так как черемисы, зыряне и пермяки окружают вотяцкую местность с трех сторон, четвертую сторону представляет река Кама (вотяки уфимские, закамские не сохранили чистого типа лайки). Это этнографическое положение вотяцкой лайки делает вполне определенной возможную примесь к ней крови зырянской или черемисской лайки. Условия местности, населенной вотяками, для сохранения типа не менее благоприятны и, во всяком случае, однородны с таковыми пограничных губерний Пермской, Вологодской, Казанской и прочими.

Вотяцкая лайка несет обязанности службы охотничьей, сторожевой и иногда пастушеской. Органы внешних чувств этой породы развиты великолепно.

По уму, сообразительности, понятливости, сметливости лайки, если не превосходят прочие породы, то и не уступают им во всяком случае. Храбрость, самоотверженность - беззаветны, настойчивость в преследовании зверя, а также ловкость лаек - замечательны.

По быстроте они уступают борзой, но молодых русаков догоняют в открытой местности. Приспосабливаются ко всякой охоте по перу и дичи, кроме волка, к которому особой злобы не чувствуют, поддаются чрезвычайно легко на его заигрывания, и потому часто своей шкуркой спасают его от голодной смерти.

Даже выработка стойки возможна, так как хорошая собака, учуявшая дичь (перепела, коростеля, бекаса и проч.), сама в расстоянии сажени на мгновение останавливается.

Характер вотяцких лаек живой, веселый, к людям они добры и привязчивы, как и ко всем домашним животным хозяина; иногда добровольно несут пастушеские обязанности. Когда преследуют зверя, ловят за уши и ноги, человека - за пятки.

Окрас псовины большей частью волчий всех оттенков (рыже-серый - лесных волков,

светло-желто-серый - луговых и пр.), черно-серый, серый, светло-серый, черный с серым подшерстком, реже - белый, еще реже - бурый (медвежий, цвет куницы) и самый редкий окрас лисицы - рыжий. Конечности всегда светлее, имеются так называемые подпалины; морда окрашена светлее головы и очень характерно: всегда желтая маска или подпалины. Мех теплый, по характеру -волчий. На шее густые очесы.

Хвост пушистый, как у волка, без подвеса, до колен или выше на сантиметр; носится султаном кверху, серпом, кольцом реже.

Глаз темно- или светло-коричневый (карий), разрез косой, как у волка.

Чутье черное. Ребра спущены до локотков и ниже. Сложение плотное, мускулистое.

Широкая грудь. Кость ноги сухая, лапа - плотный комок, без пятого пальца. Отпечаток следа волчий, но когда прыжки доходят до высоких, то след остается подобный заячьему.

Ухо стоячее, острое, среднего постава, хотя попадаются экземпляры с ухом высоко поставленным, что бросается в глаза, когда собака в очень возбужденном состоянии. Ласкаясь, она прижимает уши. Морда острая и тонкая в профиль и треугольником сверху, или вернее - смотря на нее сверху. Голова сухая.

Прилагаю таблицу измерений по программе князя Ширинского-Шихматова, сделанную над многими десятками собак. Цифры почти всегда получаются одни и те же, на что прошу обратить внимание; только рост колеблется от 58 до 65 сантиметров. Представляю средний.

Вот географическая площадь, сохраняющая описанный мной тип в чистоте: на севере и северо-востоке - Чепца (приток Вятки), на востоке - Сива (приток Камы), на юге - Кама, на западе - Вятка до впадения Чепцы.

Измерения, мной сделанные: задняя сторона черепа между ушными впадинами - 14 см. Сверху между ушей - 12, над глазами - 11. Половина объема морды перед чутьем - 8. Длина черепа от затылка -23. Уши: внутренняя линия - 9, внешняя - 11. Грудь - 24. Рост - 60. Длина корпуса от шеи до хвоста - 46. Шея сверху - 20.

Суки приносят от трех до шести щенят через 8-10 месяцев, большей частью через 10. Уши крепнут у щенят к полугодию самое позднее, но иногда на втором месяце.

"ЛАЙКА И ОХОТА С НЕЙ" М.Г.Дмитриева-Сулима

Езда при охоте с лайками практикуется двух родов:

1) езда при псовой охоте;

2) езда при ружейной охоте.

Псовая охота с лайками, а, следовательно, и езда с ними в Европейской России не практикуется почти совсем, если не считать некоторых мест Восточной Башкирии и борзоватых их собак.

Начну описание с северо-востока. Мы уже знаем, что тунгус северо-восточной полярной тундры, травя лисиц и песцов лайками, "гонится... сидя верхом на легкой

нарте, запряженной оленями". Полозья легкой нарты - это две скрепленные лыжи, они с высокими копыльями, соединенными между собой сиденьем. Нарты эти не тонут в снегу и могут с таким же успехом употребляться и без снега в моховой тундре. "Охотничий Вестник", № 17,1902 г.

Тунгусские олени считаются самыми легкими упряжными оленями, тогда как чукотские славятся, как "едемные", мясные. Олень якутов крупнее, сильнее и тяжелее. Любители и знатоки различают в оленях рысистых, скаковых и тяжеловесных.

Охота с лайками и с оленями, запряженными в нарты, напоминает охоту внаездку. Может, это прототип этой охоты. Кроме того, тунгусы и ламуты, в особенности, преследуют зверя и верхом на оленях. Но только эти легкие инородцы могут носиться верхом на оленях по тундре. Якут уже тяжел для оленя, а о русском говорить нечего. Это люди тяжелые, "хлебные".

Но якуты и не особенно любят оленей и, как и русские, редко могут ездить верхом. Это очень трудная езда, а приучаться к ней надо долго. У оленей очень подвижна кожа, на шерсти седло неустойчиво и постоянно движется. Тунгусы ездят, согнувши ноги, так как стремена находятся впереди и высоко. Русские южной половины области выписывают или приобретают по случаю седла монгольские, казацкие или охотничьи казацкие.

Хотя Маак и Миддендорф и совершили путешествие верхом на оленях, а также профессор Головнин на карагасском олене в Саянах.

Как в северной тундре (безлесной), так и в якутской тайге с лайками всегда охотятся верхом на олене или на коне (тунгусы иногда ходят и пешком). Русские и якуты почти всегда на коне. В южной части, ближе к Иркутской губернии, встречается помесь якутской лошади с бурятской, монгольской и томской. Хотя все они уступают якутке, но все же приспосабливаются для езды в тайге. Тогда как на севере главный объект охоты - лисица и песец, на юге можно напасть на росомаху, рысь, соболя, колонка, медведя и др., которых нет в полярной тундре (на медведя там не любят охотиться).

На севере собак спускают со сворок на свежем следу или в виду зверя - в тайге их очень часто и совсем не берут на сворки или берут тогда, когда хотят охотиться на известного зверя и когда собаки не довольно послушны. Тогда и по чернотропу их пускают по следу, когда он заметен в траве, во мху или в болоте. Всадники едут тропами, а затем выбирают возможные для проезда на местной лошади места, не стесняясь переправляться через речки вплавь или по двум-трем бревнам и жердям через зыбуны, речки, болота; не стесняются они ни крутых гор и гольцев, лишь бы было за что зацепить лошади копытом. Мне пришлось наблюдать за навьюченной якутской лошадью на зимней охоте, и, если бы я не видела этого сама, я бы не поверила рассказам. Чего она ни делала! Она и ползала, и прыгала по скалам, и когда мы забрались уже ночью в такую трущобу, что выхода не было и пришлось просто падать с уступа на уступ, чтобы выйти на Лену, то и лошадь делала то же, смотря на нас. Хотя это было опасно, но не смертельно, так как был снег и падать было мягко с саженной и полуторасаженной высоты. Это была замечательная поездка! Летом я сама ездила на якутских лошадях, сама видела их езду по тайге, и как они, не спотыкаясь и прыгая и перешагивая, ходят по валежнику, бурелому и чаще. Это единственные в своем роде лошади-таежницы. И выработать такую породу мог только любитель, знаток своего дела и редкостный коневод-якут. Собаки рыскают по сторонам в тайге. Их назначение завернуть зверя на охотников или задержать его, оповещая о случившемся лаем, или поймать, как позволят обстоятельства и какого рода зверь, или поставить на стойку.

Охотники, если лай слышен не особенно далеко, заезжают врассыпную с разных сторона когда нельзя подъехать вплотную и стрелять с лошади, то спешиваются и отдают лошадей кому-нибудь из товарищей, соблюдая очередь. У кого есть возможность, берут для этой цели работника.

Если зверь ушел, то преследование начинается снова таким же путем, и, в конце концов, собаки его задерживают и держат до нескольких часов, по полсуток и более, причем некоторые, разыскав хозяина, ведут к полю битвы. Это отличительная черта лаек, которая отмечена многими охотниками, любителями и знатоками этой породы и охоты. Ночуют, где застала ночь. Для этой цели охотники так снаряжаются на охоту: вместо потника под седло складывают постель, то есть вдвое оленью шкуру или войлок вчетверо. Подушкой служит седельная подушка, а некоторые (интеллигентные или избалованные) охотники берут вместо обыкновенной седельной - спальную подушку, завернув кожей или брезентом, чтобы не смокла в реке или под дождем, снегом. К задним лукам прикрепляются переметные сумки из кожи оленя, лося, нерпы, в которых хранятся порох, свинец, дробь, пули, запасная обувь и белье, чайник или котелок и обязательно деревянные чашки для чая, а также провизия. Ружья возят обязательно в чехле из кожи с оленьих или лосиных ног и не за спиной, а под коленом, дулом к голове лошади, и это устраивается очень практично и удобно: быстро и легко вынимается (только опустить руку и вытянуть) и предохраняется от ударов по деревьям, по камням и т. п., а также и от воды. Как ружейные чехлы, так и переметные сумы и все кожаные принадлежности делаются непромокаемыми; их шьют исключительно тунгусы и якуты, то есть их женщины. Одежда вся делается из замши, кожи или шкур. Некоторые носят шведские куртки. Лошади, конечно, все время на подножном корму. Если охота неудачна, то для собак убивают белок или предоставляют им мышковать, а последнее даже бывает чаще.

При таких охотах делают в день не менее 26-70 верст и охотятся недели, забираясь все дальше в тайгу, и, конечно, все это возможно только верхом. Аллюры зависят от местности.

Иногда интеллигентные охотники ездят компаниями и берут стаи лаек. Мне известен случай, как девятнадцать лаек дружно орудовали с медведем, которого охотники убили просто топором. Лосей часто при таких охотах тоже приходится бить топором или зарезать, так как вообще местные охотники (якуты, тунгусы и казаки) берегут выстрелы, потому что не всегда и не везде можно достать порох, дробь и свинец, а вообще они дороги. Но, разумеется, бывают положения, требующие выстрела, например "на стойке".

Езда с лайками в редколесье, в отъемистых местах и вообще в лесах, подобных лесам средней России, упрощается и не требует таких снаряжений, как в тайге. Степные охотники (преимущественно инородцы и в Азии), как уже было сказано выше, охотятся по способу, аналогичному с ездой вообще псовых охотников, и об этом, как о предмете всем известном, распространяться не стоит. На этом кончаю статью о езде при охоте с лайками.

"ЛАЙКА И ОХОТА С НЕЙ" М.Г.Дмитриева-Сулима

В охотничьей литературе установился термин "сибирская лайка", дающий право подразумевать под ним общий для всей Сибири тип северной собаки. На самом же деле невозможно обобщать под именем "сибирской" лайки все существующие разновидности северной собаки на Азиатском материке Российской Империи. Лайки

севера азиатской части Пермской губернии и северо-западной части Тобольской губернии, имея сходство, сильно отличаются от лаек Томской губернии, ее южной части, и от лаек Иркутской губернии. Даже масть первых преимущественно белая, вторых - черная. Тунгусская собака от якутской резко отличается, а якутских собак разделил на три отдела Серошевский, написавши капитальный и единственный в своем роде труд об области. Собаки Анадырской округи вырождаются в куцых, благодаря тому, что им обрубают хвосты, мешающие им при езде, в виду обледенения. Запряжка на западе от Енисея резко отличается от запряжки Якутской области. То же должно сказать и об уходе за собаками и вообще об их быте, влияющем на саму природу животного.

Я прочла объявление, что на выставке собак московским обществом будет присужден приз князя А.А. Ширинского-Шихматова "сибирской" лайке, и меня заинтересовал вопрос: какой именно сибирской лайке отдали бы предпочтение судьи, если б появилась лайка и тунгусская, и якутская, и нарымская, и туруханская, и восточносибирская (Иркутской губернии)?

А ведь они все своеобразны и в своем роде типичны, в этом я уже лично убедилась, как в том, что в Забайкальской области существуют вислоухие лайки, то есть корпус, псовина, голова лайки и маленькие острые уши висят. Это зверовые собаки. Одну из них промышленник, служащий егерем у одного знакомого, показывал мне в Иркутске.

На границе Пермской и Тобольской губерний есть вид зверовой собаки, то есть гоняющей и останавливающей специально лосей, тоже вислоухой. Шерсть этих собак - черная, иногда с подпалами. На Урале мне указал на существование этой собаки известный в крае охотник Бекман, и указание его по проверке оказалось справедливым. Попади такая "сибирская" лайка на выставку, она признана бы не была. У обдорских оленьих лаек существуют подвесы, а ведь это тоже не было бы принято иначе как порок. Так много еще есть не исследованного в вопросе об изучении разновидностей северной собаки, что положительно приходится не пренебрегать никакими новыми явлениями, новыми типами и их происхождением в изучении дела, а термин "сибирской" лайки если и может быть приложен в какой-нибудь сибирской разновидности, то отличительные признаки ее для выставок надо установить, так как этот термин не может быть общим для разновидностей лаек по азиатскую сторону Урала и высоты до Яблонового хребта. Пишу это, как на основании обрабатываемого мною материала литературного и научного, так и личного опыта.
Черная зверовая вислоухая собака требует исследований.

"ЛАЙКА И ОХОТА С НЕЙ" М.Г.Дмитриева-Сулима

Я не буду распространяться о пользе выставок вообще, об их недостатках, но скажу только, что признаю их достигающими цели и соответствующими своему назначению лишь в том случае, когда за выставкой следуют испытания, на которых станет очевидным соответствие внешних признаков внутренним качествам, талантам. И только в таком случае возможно награждать высшими медалями и призами. Возможно, что превосходный "выставочный" экземпляр окажется нервным, боящимся выстрела. Нервозность, выражающаяся в боязни выстрела, бывает наследственна. И хотя такие нервные экземпляры вылечиваются в отдельных случаях, но в производители их брать нельзя. Затем такой же превосходный по внешности экземпляр может проявить недостаточное обоняние, что тоже может явиться, вследствие органических причин, наследственным.

И много есть причин, вследствие которых существование выставок без испытания

теряет долю своего значения. Положим, для борзых устраивают садки; хотя садки - не охота, но на них можно, хотя бы приблизительно, судить о злобе. Устраиваются полевые испытания для легавых. Устраиваются искусственные норы для такс и фокстерьеров. Искусственная нора - не охота и полного представления не может дать о собаке, но приблизительно судить можно. Для лаек - ничего не сделано. У них много врагов, недоброжелателей, но за них обширная литература, даже этнографическая и историческая, свидетельствующая о важности существования этого животного для человека, о его разносторонней пользе, о его разнообразных охотничьих талантах. Задачи же охотничьих выставок должны быть настолько широки, чтобы удовлетворять самым разнообразным охотничьим требованиям. Хотя в столицах и вообще в юго-западной части нашего обширного отечества очень мало любителей, ценителей и знатоков охоты с лайкой, но зато Россия настолько богата местностями, где невозможна охота с какой-либо другой породой собак, что поощрение разведением лаек и усовершенствования их необходимо. Надо помнить, что центральная часть Европейской России представляет маленький клочок, если мысленно взглянуть на нее с дальнего северо-востока и востока, из этой "будущей России", как называет Дедлов Россию Азиатскую. Но в тайге лайка не может быть заменена другой собакой, а Сибирь все больше наполняется охотниками из Европейской России, которые увлекаются таежной охотой, а между тем даже здесь универсальная лайка или специально-зверовая собака стоит не менее ста рублей, а доходит и до шестисот и более.

У нас нет никакого поощрения для разведения действительно незаменимых собак. С другой стороны, благодаря железной дороге, нахлынувший в Сибирь торговый, чиновный и всякий интеллигентный люд везет с собой и всевозможные породы собак, которые послужат к разведению разнообразных метисов, ублюдков и дворняжек. И теперь особенно нужно поощрение и покровительство в разведении лаек.

Правда, на выставках лайкам уделено известное место и присуждаются награды. Но какое же это имеет значение? Конечно, никакого. Для того чтобы оценить лайку, нужно устроить ей полевое испытание, так же как это делается для других собак. И только тогда общество ознакомится с ее красотой, прелестью и незаменимостью. И только тогда премироваться будут действительно охотничьи собаки, а не остроухие пастушки (оленегонные), сторожевые (специализировавшиеся для этой цели) и другие породные, но никогда не бывавшие на охоте.

Но, кроме того, что выставки для лаек только тогда будут иметь действительное значение, когда будут устроены для них полевые состязания, необходимо или подразделение их на породы, или на отделы, или на то и другое одновременно. Совестно признаться, что у нас еще существует термин "сибирская" лайка и даже учрежден приз для таковой. А между тем в Сибири существуют десятки разновидностей лаек, которые имеют в стране различнее назначение и совсем не похожи одна на другую. Какая же лайка окажется достойной приза?

Каких только названий ни встречалось в выставочных отчетах! Появлялись и чукотские, и туруханские, и тунгусские, и всевозможных других наименований, ничего общего с действительностью не имеющие.

И всем им присуждаются награды, а между тем отличительные особенности этих разновидностей не установлены, а качеств охотничьих никто не знает.

У разных судей не установилось единства взглядов. Один требует "типичную муфту" на шее, а также хвост без подвесов. Другой - чтобы пятого пальца не было, считая его

за главный порок и не зная, что инородцы, да и русские, пятый палец ценят, но у месячных щенят обязательно острым ножичком срезывают, и взрослую собаку трудно найти с пятым пальцем: он мешает на охоте. Что касается "типичной муфты и хвоста без подвеса", то эти признаки не суть типичны для многих разновидностей, а при таких взглядах короткошерстая охотско-тунгусская лайка, весьма ценная для охоты и по стоимости, несомненно будет забракована.

Оленегонные, юракские и другие, имеющие громадные, роскошные подвесы, также раскритикуются. Есть судьи, которые считают мягкую шелковистую псовину пороком, а между тем у якутских собак псовина именно такая, тогда как у ездовых восточно-полярных она очень жесткая. То же должно сказать о размере и выпуклости глаз, их цвете, о поставе и форме ушей и масти.

Если у нас еще нет данных для строгой классификации остроухих собак по породам, то надо оставить все внешние признаки в покое и рассматривать рабочие части собак: ноги, спину и т. д., а также устраивать испытания.

Из собак моего питомника было выставлено их новыми владельцами в разное время семь собак, и все они получили награды, но самые лучшие получили меньше, чем те, которые в деле хуже. Мотивы в отчетах иногда бывают такие странные и удивительные, что я бы не рискнула выставить собак. То же должно сказать об отчете юбилейной выставки о собаках князя Ширинского-Шихматова. Например, я отлично помню Смольку, которая очень статная и породистая собака, одна из лучших (по внешности), но она была обижена.

Но не в этом дело, а в том, что: 1) нужны для лаек испытания; 2) нужно соглашение в том, чтобы требовать, не обращая внимания на типичные признаки той или другой разновидности, исключительно качеств, имеющих значение в работе собаки; 3)или строго установить типические признаки для каждой разновидности, то есть составить определение по литературным данным в связи с имеющимися портретами и рисунками или чучелами.

Испытания также необходимо разделить на отделы.

1. Универсальных, идущих на всякого зверя и на птицу. Мне говорили, что, например, в бассейнах рек Олекмы и Витима среди тунгусских собак приблизительно их 3-5%; они очень послушны, поддаются дрессировке, понятливы, и этим объясняется их универсальность в связи с природными качествами. Если такая собака на тысячу попадется одна, то ее следует ценить и оставлять для породы.

2. Специально зверовые (для всякого зверя).

3. Белковые.

4. Идущие на лесную птицу.

5. Ловчие (тунгусские, ламутские, якутские, башкирские, киргизские, монгольские и другие остроушки, специализированные для охоты без ружья).

6. Для оленегонных (пастушьих).

7. Сторожевых и ездовых.

Кроме того, есть собаки, специализированные охотниками по виду личных их потребностей. Это нужно принять во внимание. Например, существуют специально глухариные и тетеревиные, кабаржиные, для травли лисиц и песцов, медвежьи лайки.

Испытания сразу отведут лайке известное место среди охотничьих собак, определят, так сказать, их значение официально, и прекратят некоторые неосновательные споры. Испытания сразу отделят рабочих лаек от тех, которые служат не охотничьему назначению и теряют постепенно свои качества охотничьей собаки.

Если же отдел лаек на выставках не будет поставлен на новые начала, то выставки для лаек и их владельцев останутся почти бесполезными и, как это было до сих пор, экспертиза по лайкам будет иметь одинаковый характер как для разнопородных, а для лайки, как охотничьей собаки для поддержания ее породы, для распространения ее, выставки в настоящем их виде бесполезны.

Фактически каких бы чистопородных красавцев ни выставляли, какие бы награды за них ни присуждали, а все-таки, не видя работы их, никто их не будет ценить, как охотничьих. А между тем маленькие таксы, фокстерьер и те могут похвастать своей работой, наша же чисто российская порода в полном пренебрежении на столичных выставках. Но я глубоко убеждена, что когда-нибудь настанут другие времена и отдел лаек на охотничьих выставках и испытаниях приобретет одинаковые "права гражданства" с другими породами охотничьих собак. Организовать испытания для лаек не так трудно и даже проще, чем садки.

Этот труд, даже с приложением отдельных статей, далеко не исчерпывает всего материала (об остроухих собаках), который может уложиться лишь в обширных монографиях о разновидностях этой породы собак.